Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федерального исследовательского центра
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

На правах рукописи

СКРЯБИНА Алевтина Афанасьевна

КОНЦЕПТЫ ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ В ЯКУТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации
(якутский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Оконешников Егор Иннокентьевич,
доктор филологических наук

Якутск – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..……4

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....11

1.1. К определению термина концепт.....11

1.2. Концепт в лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследованиях.....19

1.3. Традиционное представление якутов о *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’…….26

Выводы по I главе.....34

ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’……..36

2.1. Семантическая структура концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’……...36

2.2. Синонимические ряды лексем *дьол* ‘счастье’– *сор* ‘несчастье’……....41

2.3. Словообразовательные дериваты лексем *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’…….……52

2.4. Содержание концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ по данным ассоциативного эксперимента…….....57

Выводы по II главе.....68

ГЛАВА III. КОНЦЕПТЫ ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ ЯКУТОВ……....69

3.1. Концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в фразеологических и паремиологических единицах. …….……69

3.2. Концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в песенном дискурсе.....…81

3.3. Концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в художественных произведениях……..……105

3.4. Образные признаки в структуре концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’…….....122
Выводы по III главе.....123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....131
Список литературы.....136
Список сокращений.....159

ВВЕДЕНИЕ

Одним из приоритетных в современном языкознании является антропоцентрическое направление, которое предполагает изучение взаимосвязи языка и культуры, языка и этноса, языка и менталитета. Особенно актуальным является исследование базовых концептов, позволяющие получить представление об этических и этнических нормах, верованиях, которые являются релевантными для носителей данной культуры. Данное исследование посвящено выявлению и систематизации лингвокультурологических ценностей концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного исследования концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’; включением изучаемых концептов в контекст лингвокультурологических исследований. Счастье и несчастье – фундаментальные категории человеческого бытия. Они представляют безусловную жизненную ценность для каждого человека. В связи с этим требуют специальных исследований концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’, относящиеся к числу базовых концептов культуры. Будучи ключевыми компонентами национальной культуры, данные концепты отражают важнейшие установки и категории жизненной философии якутов, являются значимым для понимания их характерных особенностей и национального характера. Традиционные представления якутов о *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’ тесно связаны с древними мифологическими, религиозными, этническими воззрениями, с ценностными установками, моральными принципами, которые пронизывают все сферы их жизни. До настоящего времени специальные комплексные исследования концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ на материале якутского языка не предпринимались. Опыт изучения данных концептов в якутской лингвокультуре открывает новые перспективы современных исследований в области якутского языка в русле антропоцентрической парадигмы.

Степень разработанности темы диссертационного исследования. Лингвистической репрезентации концептов СЧАСТЬЕ и НЕСЧАСТЬЕ посвящены

следующие лингвокультурологические исследования: «Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа» С.Г. Воркачева (2002), «Аксиологический смысл концепта "счастье" в лингвокультуре» И.С. Гаврилова (2003), «Лингвоэтическая картина мира: концепты "Счастье" и "Блаженство" как семантические дуплеты» О.М. Михайленко (2006), «Концепты «счастье» - «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц» И.Б. Русаковой (2007), «Лингвокультурный концепт "счастье" в калмыцком и английском языках» Д.Д. Лагаевой (2009), «Вербализация концепта "счастье" в татарском и английском языках (на примерах благожеланий)» Г.А. Бакировой (2011), «Особенности языковой репрезентации русского концепта "счастье" (с позиции носителя вьетнамской культуры)» ЛЕ Минь Нгок (2011), «Своеобразие концепта "счастье" в японской лингвокультуре» Н.Н. Изотовой (2012), «Языковая концептуализация феномена счастья в русской и адыгской лингвокультурах» Г.Ш. Арсланбай (2015). Частичному анализу концепта «счастье» в якутском языке посвящены работы И.П. Павловой, Л.С. Степановой, Г.К. Егоровой, С.В. Филипповой.

Методологической основой исследования стали базовые понятия и принципы лингвокультурологии (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов и др.), когнитивной лингвистики (Р. Джекендофф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.), психолингвистики (А.А. Залевская, А.А. Леонтьев, Р.М. Фрумкина и др.), якутского языкознания (Е.Н. Афанасьева, Л.М. Готовцева, Ф.Н. Дьячковский, В.Д. Монастырев, А.М. Николаева, Н.И. Попова, С.М. Прокопьева и др.).

Научная новизна исследования определяется тем, что в ней впервые предпринята попытка комплексно изучить концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутской лингвокультуре. Для якутского языкознания новым является не только выбранный вид исследования, но и сами исследуемые концепты, которые впервые становятся предметом научного монографического лингвокультурологического изучения. Результаты проведенного исследования

расширяют представления о вербально-содержательной структуре данных концептов в якутской лингвокультуре, дополняют знания о специфике якутского менталитета. В результате применения комплексного подхода к изучению лингвокультурных концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ определено содержание данных концептов и их место в концептосфере якутского языка, описан лексико-семантический уровень репрезентации данных концептов, установлена этимология и история развития содержания соответствующих лексем, проведен ассоциативный эксперимент. Исследование концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ проводится на материале паремиологических и фразеологических единиц, народных песен и художественных произведений; описываются образные признаки данных концептов.

Объектом исследования являются языковые средства, эксплицирующие семантику и культурные смыслы концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутской лингвокультуре.

Предметом исследования является функционирование концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутской лингвокультуре. Эти данные составили корпус языковых текстов, объективирующих концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском языке.

Цель исследования заключается в изучении и комплексном описании концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутской лингвокультуре.

Для достижения поставленной цели в исследовании выдвигаются следующие **задачи**:

1. рассмотреть основные теоретические подходы к пониманию понятия концепта в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике;
2. описать традиционное представление якутов о *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’;
3. изучить лексико-семантическое поле концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’;
4. определить ассоциативные связи исследуемых концептов в языковом сознании якутов;

5. выявить содержание концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ на материале якутских фразеологических и паремиологических единиц, народных песен и художественных произведений;

6. определить образные признаки в структуре концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’.

В соответствии с задачами исследования в работе используются следующие **методы и приемы анализа**: *лингвокультурологический анализ* для выявления признаков, характеризующих концепт; *метод наблюдения, сравнения и обобщения* – при отборе практического материала из лексикографических источников и его изучении и систематизации; *структурно-семантический анализ* – при исследовании структуры и семантики лексических единиц, репрезентирующих концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’; *дефиниционный, компонентный анализ* – при работе с лексикографическими источниками; *интерпретационный и контекстологический анализ* – при рассмотрении текстового материала; *психолингвистический анализ* – при проведении свободного ассоциативного эксперимента; *статистический анализ* – при обработке данных, полученных в результате ассоциативного эксперимента.

Материалом исследования послужили данные из толковых, двуязычных, этимологических, фразеологических, терминологических словарей, словаря синонимов, омонимов, антонимов якутского языка, языковые единицы, извлеченные методом сплошной выборки из сборников пословиц и поговорок, якутских народных песен, фразовые материалы из произведений якутского фольклора и художественной литературы, реакция респондентов на слова-стимулы *дьол* и *сор*, полученные в рамках ассоциативного эксперимента (общий объем конструкций, содержащих в себе репрезентанты исследуемых концептов, составляет 5853 единицы).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексемы *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ являются категориями, представляющие собой оппозицию, а также устойчивую взаимосвязь в сознании носителей якутского языка, что отражается в языковой вербализации: *дьол, сор*

икки киһини кытта сэргэ (аргыстаһа) сылдьаллар ‘счастье и несчастье идут в одном ряду с человеком’, *дьол уонна сор аҕас-балыстыылар* ‘счастье и несчастье – родные сестры’, *дьол икки, сор икки бэйэ бэйэлэрин эккирэтиһэ сылдьаллар* ‘счастье и несчастье идут друг с другом наперегонки’.

2. Концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ принадлежат к числу базовых единиц и имеют сложную структуру, что определяется: 1) семантическое поле *дьол* и *сор* представлено ядром и периферийными зонами, которые раскрывают специфичность и значимость исследуемых концептов в якутской лингвокультуре. Ядром концептов являются ключевые слова *дьол* и *сор* и их околоядерные дериваты; в периферийную зону входят лексемы, ограниченные в употреблении, связанные с номинантами исследуемых концептов семантически; 2) большим объемом лексико-семантического поля данных единиц; 3) обширными сочетаемостными возможностями и ассоциативными связями.

3. Содержание концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ включает следующие признаки: *понятийные* – удача, благо, доля, лучшая участь; несчастье, страдание, горе, беда; *ценностные* – семья, дети, благополучие, национальный праздник *ысыах*; смерть, болезнь, *кырыыс* ‘проклятие’); *образные* – антропоморфные, зооморфные, предметные признаки, признаки небесных тел и явлений природы.

4. Различные аспекты функционирования концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутской лигнгвокультуре наиболее полно репрезентируются при анализе фразеологических, паремиологических единиц, песенного дискурса, а также художественного материала с компонентами *дьол* и *сор*.

Теоретическая значимость работы определяется ее вкладом в изучение якутской лингвокультуры. Материалы исследования, результаты комплексного описания изучаемых концептов могут представлять интерес для дальнейших научных поисков в области лингвокультурологии, способствовать более глубокому пониманию природы ментальных сущностей якутов. Расширяя список изученных

базовых концептов на материале якутского языка, работа создает перспективу для репрезентации в дальнейшем концептосферы тюркских языков.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования его теоретических положений и языкового материала в лекционных, практических курсах, спецкурсах по лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, лексикологии, этнолингвистике; могут быть использованы в практике преподавания якутского языка, а также для составления словарей разного типа.

Апробация результатов работы. Диссертационное исследование обсуждалось на заседаниях отдела якутского языка ИГИиПМНС СО РАН. Основные результаты, отраженные в диссертационной работе, были изложены на международной научно-практической конференции «Наука сегодня: проблемы и перспективы развития» (Вологда, 2017), на региональной научно-практической конференции «Национально-культурное своеобразие языков коренных народов Якутии» (Якутск, 2018), на XXV Международной научной конференции для студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2018), на XXIX Международной научной конференции «Традиции и инновации в современной лингвистике» (Бишкек, 2018), на Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития национальных литературных языков в России» (Якутск, 2018), международной научно-практической конференции «Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования» (Вологда, 2019), международной научно-практической конференции «Наследие предков и современный тюркский мир: языковые и культурные аспекты» (Якутск, 2019), республиканской научно-практической конференции «Актуальные проблемы языков коренных народов Якутии» (Якутск, 2020); в рецензируемых научных журналах (17 статей), в том числе в 5 статьях журналов сериальных изданий, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и сокращений.

Во введении обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи исследования, определяется теоретическая и практическая значимость, степень изученности темы диссертации, обозначаются основные методы исследования.

В первой главе «Общие теоретические и методологические основы исследования» проводится анализ теоретических работ, послуживших основой для создания теоретико-методологической базы проводимого исследования, излагаются взгляды ученых на сущность концепта, основные методы анализа концепта, описывается традиционное представление якутов о *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’.

Во второй главе «Лексико-семантический аспект репрезентации концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’» рассматриваются словарные дефиниции лексем *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’, их этимология, проводится лексико-семантический анализ единиц, репрезентирующих данные концепты, выявляются ядро и периферия; проводится ассоциативный эксперимент.

Третья глава «Концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’– СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в художественном восприятии якутов» посвящена изучению исследуемых концептов в контексте народной культуры: фразеологических и паремиологических единицах, песенном дискурсе, художественных произведениях, а также выявлению в их структуре образных признаков.

В заключении подводятся итоги проведенной работы по реализации цели и решению задач, излагаются результаты диссертационного исследования, намечаются перспективы дальнейшего исследования.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. К определению термина концепт

Термин «концепт» широко используется в современной научной литературе, однако на современном этапе развития языка имеет большое количество неоднозначных толкований. Это объясняется тем, что исследователи рассматривают концепт с разных сторон, в рамках своего исследования, своей науки: «Концепт - категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это дает большой простор для ее толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несет на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [Попова, Стернин 2005: 7-10]. «Употребление этого термина стало очень распространенным, что приводит к многочисленным терминологическим неточностям, противоречиям и теоретическим недоразумениям» [Попова, Стернин 1999: 3].

Термин «концепт» в лингвистике и старый и новый одновременно. Он стал активно употребляться в российской лингвистике в конце XX века [Лихачев 1993; Ляпин 1997; Степанов 1997; Нерознак 1998; Арутюнова 1998 и др.]. В отечественной лингвистике термин «концепт» впервые был употреблен в статье С.А. Аскольдова-Алексеева в 1928 г. в статье «Концепт и слово». Ученый определил концепт как «мыслительное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [Аскольдов 1997: 267-279]. Идеи С.А. Аскольдова были забыты вплоть до 90-х годов, пока Д.С. Лихачев не написал работу «Концептосфера русского языка», представляя вслед за предшественником концепт как заместитель понятия. Исследователь отмечает, что «концепт не столько рождается из слова, сколько является результатом столкновения словесного значения с личным и народным опытом человека. Следовательно, выполняя заместительную функцию по отношению к значению слова, концепт «не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия в

понимании значения слова, он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, для эмоциональной ауры слова» [Лихачев 1993: 4].

Довольно часто происходит смешение двух терминов: концепт и понятие. Термин «концепт» часто используется как синоним слова «понятие». Действительно, термин concept в европейской традиции означает именно понятие, от латинского слова conceptus ‘понятие’. Но в латинском языке есть еще и слово conceptum, которое значит «зерно, зародыш» – своего рода росток первообраза, первосмысл, то, что способно прорасти и словом, и мыслью, и делом. «Концепт – не понятие, а сущность понятия, смысл, не обретший» формы [Колесов 2004: 19]. «Смена термина “понятие” на термин “концепт” – не просто терминологическая замена: концепт это всегда знание, структурированное во фрейм. А это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [Телия 1996: 96]. Ю.С. Степанов также считает, что термины «концепт» и «понятие» – термины разных наук. «Термин “понятие” употребляется главным образом в логике и философии, а термин «концепт», являясь термином в математической логике, в последнее время закрепился еще и в науке о культуре, в культурологии» [Степанов 2001: 43]. В.З. Демьянков же подчеркивает, что термин концепт употребляют, когда хотят подчеркнуть «самость» некоторого понятия, его априорность [2001: 40]. Л.О. Чернейко утверждает, что концепт включает понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова [Чернейко 1995: 75]. Так, из этого следует, что концепт шире, чем понятие, семантически глубже понятия, богаче. Концепт максимально приближен к ментальному миру человека, следовательно, к культуре, истории, опыту этноса. Концепт включает в себя само понятие, являющееся в свою очередь его обязательным ядерным компонентом. Концепт – ментальная репрезентация, на виду с такими понятиями, как стереотипы, знания, представления, понятия и смыслы, которые локализуются у нас в сознании, памяти. В. фон Гумбольдт писал, что «как бы ни был богат и плодотворен язык, никогда невозможно представить подлинный смысл, совокупность всех объединенных

признаков подобного слова (обозначения внефизических предметов) как определенную и завершенную величину» [Гумбольдт 1984: 364-365]. «Когда мы говорим, – писал В. Одоевский, – мы каждым словом вздымаем прах тысячи смыслов, присвоенных этому слову и веками, и различными странами, и даже отдельными людьми» [Одоевский 1975: 142].

Совокупность концептов, существующие во взаимодействии, образуют концептосферу языка. Например, в ценностной картине мира можно выделить религиозную, юридическую, экономическую концептосферы. Термин «концептосфера» был введен в отечественной науке Д. С. Лихачевым, который понимал под ним «совокупность концептов нации, она образована всеми потенциями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религия, тем богаче концептосфера национального языка» [Лихачев 1993: 4].

Концептосферу образуют концепты, источником которых является познавательная деятельность людей: «Концептосфера – область мыслительных образов, единиц УПК, представляющих собой структурированное знание людей… Концепты, образующие концептосферу, по отдельным своим признакам вступают в системные отношения сходства, различия и иерархии с другими концептами. [Попова, Стернин 1999: 18]. С.А. Кошарная также считает, что концептосфера – это различные типы объединения концептов (от бинарных оппозиций до концептуальных рядов и множеств), формирующие концептуальные поля. Объединение полей и составляет концептосферу [Кошарная 2002: 54]. По концептосфере национального языка можно судить о материальной и духовной культуре народа, о верованиях и традициях, этнических воззрениях.

Термин «концепт» в настоящее время находит широкое применение не только в философии, но и в различных областях лингвистической науки. Данный термин основательно вошел в понятийный аппарат когнитивистики, этнолингвистики, психолингвистики, лингвосемантики, прагматики, лингвокультурологии. Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живем», излагая основы когнитивного подхода к метафоре как языковому,

когнитивному и культурному феномену, отмечают: «Концепты, которые управляют нашим мышлением, – не просто порождение ума. Наши концепты структурируют наши ощущения, поведения, наше отношение к другим людям» [2004: 25]. «Концепт метафорически структурирован, деятельность метафорически структурирована и, следовательно, язык метафорически структурирован» [Там же]. Р. Джекендофф говорит о лексическом концепте и считает, что он равен значению языковой единицы, которая его выражает: «концепт – это ментальная репрезентация, которая может служить значением языкового выражения» [1996: 26]. В глоссарии когнитивной лингвистики под редакцией В. Эванса концепт рассматривается как фундаментальная единица знания, которая является центральной для категоризации и концептуализации [Evans 2007: 31]. Необходимо отметить, что В. Эванс в своих исследованиях, в попытке развести термины «понятие» и «концепт», использует уточняющий термин *лексический концепт*. По мнению Р. Джекендофф, «концепт вербализуется как объект мышления, который может передаваться от человека к человеку посредством языка, жестов, изображений или других средств коммуникации» [Jackendoff 1991: 9].

Рассмотрим, как трактуется концепт в трудах отечественных исследователей. В.И. Карасик определяет концепт как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта… а также образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны», «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны»; «фрагмент жизненного опыта человека»; «переживаемая информация»; «квант переживаемого знания» [Карасик 2005: 95-98].

З.Д. Попова и И.А. Стернин дают следующее определение концепта: «концепт» – дискретное ментальное образование и является базовой единицей мыслительного кода человека. Представляя собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества, концепт несет комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношений

общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2010: 34].

С.Г. Воркачев считает, кто концепт несет на себе отпечаток культуры: «концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2004: 40-50].

«Как лингвистическое понятие, «концепт» дает возможность рассмотреть идеальные ментальные сущности» [Фрумкина 1992: 88].

Концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее”» [Там же: 40].

По мнению В.В. Красных, «концепт – это некая максимально абстрагированная идея культурного предмета, не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные» [Красных 2003: 272].

С точки зрения Н.Н. Болдырева, «концепт, как результат обыденного познания, формируется на основе не только теоретико-познавательной деятельности, но и чувственного опыта, вербального и невербального общения» [Болдырев 2004: 24].

Н.Д. Арутюнова определяет концепты как «понятия практической (обыденной) философии, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [Арутюнова 1993: 3].

А.П. Бабушкин в монографии «Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка» рассматривает концепт «как любую дискретную содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира, хранимую в национальной памяти носителей

языка в виде познанного субстрата. Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [Бабушкин 1996: 29].

М.В. Пименова характеризует концепт «как совокупность закрепленных признаков, которые используются для описания фрагмента мира или части такого фрагмента. Концепт имеет сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова 2004: 11]. «Концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих. Чтобы восстановить структуру концепта, надо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт» [Там же: 9].

По мнению А.В. Кирилиной, термин «концепт» выражает «ментальные структуры «наивной картины мира», возникающие в результате взаимодействия традиции, фольклора, идеологии и религии, личного опыта и системы ценностей» [Кирилина 1999: 87].

Вопрос концепта, как отмечает П.А. Слепцов, «на материале якутского языка и культуры не исследован и ставится нами только как важная задача дальнейшего изучения» [Слепцов 2006: 14].

Так, концепт не имеет однозначного толкования и варьируется в концепциях различных научных направлений. Концепт дает нам возможность подойти к изучению материальной и духовной самобытности этноса; служит инструментом для раскрытия национальной специфики в сознании носителей языка. Концепт в нашем понимании – ментальная единица, которая хранится в сознании человека, несет комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, ассоциируется с определенными образами, зафиксированными в языковых единицах, и находит свое выражение в языке и культуре.

При изучении концепта важное место занимает вопрос о структуре концепта и о способах его вербализации. В настоящее время, несмотря на многочисленные исследования в данной области, можно утверждать, что не существует единого мнения ученых о структуре концепта. Многие исследователи отмечают сложное образование концепта: с одной стороны, к ней принадлежит «всё то, что принадлежит строению понятия», а с другой стороны, в структуру концепта входит

«всё то, что делает его фактом культуры» [Степанов 2001]. Структура концепта вариативна, не имеет жесткой фиксации в силу того, что концепты настолько разнообразны, что достаточно трудно выявить универсальный признак основания для единой классификации среди многочисленных структурных особенностей концептов.

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин отмечают наличие в структуре концепта трех компонентов: понятийного, ценностного и образного [Карасик, Слышкин 2001: 77-78]. «Образная сторона концепта – это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, воспринимаемые органами чувств характеристики предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это релевантные признаки практического знания. Понятийная сторона концепта – это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые иногда не существуют изолированно, их важнейшее качество – голографическая многомерная встроенность в систему нашего опыта. Ценностная сторона концепта – важность этого психического образования как для индивидуума, так и для коллектива» [Карасик 2002: 8]. Далее В.И. Карасик предлагает следующие «исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений: 1) дефинирование (выделение смысловых признаков); 2) контекстуальный анализ (выделение ассоциативно связанных смысловых признаков); 3) этимологический анализ; 4) паремиологический анализ; 5) интервьюирование, анкетирование, комментирование» [Карасик 2002: 131-132].

Ю.С. Степанов относит к структуре концепта «с одной стороны, все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры: исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов 2001: 43].

В.В. Колесов обращает внимание на то, что «концепт предстает в своих содержательных формах как образ, как понятие и как символ» [Колесов 1992: 81].

В.А. Маслова, отмечая сложность структуры концепта, относит к ней «все, что принадлежит строению понятия, то, что делает его фактом культуры: исходная форма (этимология); история, сжатая до основных признаков содержания; современные ассоциации; оценки, коннотации» [Маслова 2008].

Как отмечает Ю.С. Степанов, концепт состоит из нескольких «слоев», и поэтому, считает автор, изучать концепт следует совокупностью нескольких методов [Степанов 2001: 49]. Применение комплексной методики признается целесообразным многими исследователями [Карасик 1996; Крючкова 2004; Попова, Стернин 2001 и др.].

Г.Г. Слышкин вычленяет в структуре концепта четыре зоны— основные (интразону, экстразону) и дополнительные — квазизону и квазиэкстразону [Слышкин 2004: 6, 17, 18]. «Интразона— это признаки концепта, отражающие собственные признаки денотата (медведь — любит мед, косолапый, сильный, куцый хвост, главенствует в лесу, его дрессируют и др.), в экстразону входят признаки, извлекаемые из паремий и переносных значений: ленив (силен медведь, да в болоте лежит), тяжелый (медведь — каток для укладки дороги), обилие шерсти (брови, что медведь лежит) и под. Квазиинтразона и квазиэкстразона связаны с формальными ассоциациями, возникающими в результате созвучия имени концепта с другим словом, использованием эвфемизмов и др.» [Там же: 65-66].

По мнению М.В. Пименовой, концептуальная структура формируется шестью классами признаков: мотивирующим признаком слова – репрезентанта концепта, образными признаками концепта, понятийными признаками, объективированными в виде семантических компонентов слова – репрезентанта концепта, а также синонимами, ценностными признаками, функциональными признаками, категориальными признаками, символическими признаками, ироническими признаками [Пименова 2007:17].

Таким образом, можно говорить не только о различных трактовках самого термина «концепт», но и о многообразии его классификаций и, соответственно, методов лингвокультурологического анализа. В данной работе мы применяем комплексный подход:

Настоящее исследование состоит из следующих этапов:

1. выделение базовой единицы исследуемого концепта, которая выступает в качестве ядра лексико-семантического поля;
2. этимологический анализ лексем *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’. Данный анализ репрезентаций концепта в разные исторические периоды позволит выявить изменения, лежащие в основе номинации и образных ассоциаций на данных этапах развития, несомненно, оказавших влияние на целостное восприятие исследуемого концепта;
3. анализ дефиниций ключевой лексемы на материале лексикографических источников – прежде всего, толковых словарей якутского языка;
4. анализ синонимических рядов значений лексем *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’;
5. проведение и анализ свободного ассоциативного эксперимента;
6. исследование текстовой реализации концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в паремиологических и фразеологических единицах, в песенном дискурсе и художественных произведениях;
7. исследование образных признаков в структуре концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’.

1.1. Концепт в лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследованиях

Антропоцентрическая парадигма, сменившая в начале XX века системно-структурную научную парадигму, ранее определявшую вектор исследований, актуализировала и выдвинула на первый план антропоцентрическую, лингвокультурологическую проблематику исследований в языкознании, чем и объясняется возросший интерес последних десятилетий к исследованию концептов как сущностей, связывающих человека, человеческое сознание и культуру. Так, изучение языка должно осуществляться в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его культурой и духовной жизнью. О роли человека в языке отмечал еще

в XIX в. В. фон Гумбольдт: «ничто не способно приблизить к разгадке тайны человека и характера народов, как их языки» [Гумбольдт 2000: 6]. Каждый человек обладает своим национальным мышлением, сознанием, которые отражают культуру народа, его историческую судьбу, жизненный опыт.

В современных исследованиях, посвященных концепту, можно выделить два подхода к анализу концепта: лигвокогнитивный и лингвокультурологический.

Возникновение когнитивной лингвистики формально относят к 1989 г, когда в Дуйсбурге (ФРГ) на научной конференции было объявлено о создании ассоциации когнитивной лингвистики, и когнитивная лингвистика была провозглашена как отдельная ветка современной лингвистики. Становление современной когнитивной лингвистики связывают с трудами американских авторов Д. Лакоффа, Р. Лангакера, Р. Джекендоффа и других. В середине 1990-х годов в Европе вышли первые учебники по когнитивной лингвистике: Ф. Унгерер и Х. Шмидт «Введение в когнитивную лингвистику» (1996) и Б. Хайне «Когнитивные основания грамматики» (1997). Этапами становления когнитивной лингвистики в России стали книга «Структуры представления знания в языке» (1994), а также книга Н.Н. Болдырева «Когнитивная семантика» (2001). Исследованиями концепта в рамках когнитивной лингвистики занимаются: Д.С. Лихачев [1993], А.П. Бабушкин [1997], А. Вежбицкая [1999, 2011], Н.Д. Арутюнова [2000], Е.С. Кубрякова [2004, 2012], В.В. Колесов, М.В. Пименова [2011, 2017], М.В. Пименова [2004], З.Д. Попова, И.А. Стернин [2000, 2001, 2007] и др. Когнитивная лингвистика занимается вопросами соотношения языка и сознания, влияния языка в познавательных процессах человека, его связи с когнитивными способностями человека. Целью когнитивной лингвистики является описание процессов категоризации, классификации и восприятия мира, анализ систем, обеспечивающих виды деятельности с информацией, а также исследование ментальных процессов. Ключевыми понятиями когнитивной лингвистики, по утверждению В.А. Масловой, являются «понятие информации и ее обработки человеческим разумом, понятие структур знания и их репрезентации в сознании человека и языковых формах» [Маслова 2001: 5]. В когнитивной лингвистике

концепт понимается как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества…» [Попова, Стернин 2007: 24].

Лингвокультурология как научная дисциплина сложилась в 70-ые годы XX века. Лингвокультурология – «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997: 36-37]. Основы в области лингвокультурных исследований заложены в трудах В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Э. Сепира и др. В. Фон Гумбольдт впервые отметил связь между языком и культурой, отведя главенствующую роль языку. Затрагивая проблему языка и культуры, он рассуждал о том, что всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая является выражением «народного духа», его культуры. Он писал: «Язык – это объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках, в этом облике и через взаимосвязь своих звуков понятная всем говорящим и возбуждающая в них примерно одинаковую энергию» [Гумбольдт 1985: 349]. Лингвокультурологические исследования нашли отражения в работах С.Г. Воркачева [2003, 2004, 2007, 2009, 2015, 2017], В.И. Карасика [2004, 2006, 2009, 2014, 2015,2017], В.А. Масловой [2001, 2008, 2019], Ю.С. Степанова [2004, 2007] и др. Лингвокультурология исследует взаимосвязь и взаимовлияние культуры и языка, проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Сторонники лингвокультурологического подхода утверждают, что концепт представляет «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего ...обычный человек ... входит в культуру, а в некоторых

случаях и влияет на нее» [Степанов 2004: 43]. Так, лингвокультурология исследует язык в неразрывной связи с культурой, главными объектами исследования являются мировоззрение народа, мышление, культурные ценности и их отражение в языке.

Необходимо отметить, что когнитивная лингвистика и лингвокультурология рассматривают концепт исходя из своего методологического аппарата и целей исследования, однако, эти направления не противоречат друг другу, а позволяют глубже изучить взаимосвязи языка, культуры и мышления, так как «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксации коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Карасик 2014: 17].

В настоящее время термин «концепт» активно исследуется в современных тюркских исследованиях. Существует много исследовательских работ, связанных с проблемой «языка и культуры» и основанных на проявлении, раскрытии национального самосознания, национального духа языка. Богатым материалом для лингвокультурологических и лингвокогнитивных исследований, связанных с изучением материальной и духовной культуры тюркоязычных народов, служит коллективный труд «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [1997] ученых-тюркологов Института языкознания РАН Э.Р. Тенишева, Г.Ф. Благова, А.В. Дыбо, Л.С. Левитской и др., где представлена методика исследования ранних языковых контактов тюркоязычных народов в культурно-историческом аспекте ранних контактов тюркских языков. В 2002 году вышло следующее издание «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: региональные реконструкции» [СИГТЯ 2002], где рассматриваются языковые системы современных тюркских языков и диалектов в аспекте реконструкции языковой картины мира этноса. А в 2006 году вышел завершающий том, в результате которого реконструирована языковая картина мира пратюрка – совершенно новый опыт в сравнительно-историческом языкознании [СИГТЯ 2006].

В настоящее время в нашей стране исследования по концептам проводятся также на материале языков народов, проживающих в РФ: татарского, башкирского, адыгейского, балкарского, кабардинского, киргизского языков (З.Х. Бижева, Р.М. Валиева, А.И. Геляева, Р.Р. Замалетдинов, Э.М. Зиангирова, М.В. Зайнуллин, Л.М. Зайнуллина, Р.Х. Хайруллина, З.М. Раемгужина, Ф.Б. Саньяров, Л.Х. Самситова, Г.Х. Бухарова, А.Г. Сагитова, З.К. Дербишева и др.).

Фундаментальные исследования и разработки в области татарской лингвокультурологии, концепта и языковой картины мира проводятся Р.Р. Замалетдиновым, автором целых научных трудов: «Внутренний и внешний мир носителей татарской культуры через призму языка» (2003), «Этнокультурная лексика татарского языка: словарь-справочник» (2003), «Татарская культура в языковом отражении» (2004), «Язык и культура: основы татарской лингвокультурологии (на татарском языке)» (2006), «Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии» (2009), «Татарская лингвокультурология: концепты духовного мира человека» (2012), «Языковое сознание носителей татарской лингвокультуры (по данным свободного ассоциативного эксперимента» (2016) и др. Р.Р. Замалетдинов также является основателем научной школы «Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии (на материале татарского языка)».

Языковед Л.Г. Саяхова внесла значительный вклад в становление и развитие системы лингвистического образования в Республике Башкортостан. Она является основателем лингвокультурологической методической школы, а также автором многих научных работ: «Языковая личность. Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография» (2001), «Методология и методическая система формирования лингвокультурологической компетенции тюркоязычных учащихся на уроках русского языка» (2006), Лингвокультурологический словарь-минимум «Русское слово - Русский мир» (2009-2010) и др. Учеными-лингвистами Башкирского государственного университета также ведутся специальные исследования в области лингвокультурологии. В монографии М.В. Зайнуллина и Л.М. Зайнуллиной «Лингвокультурология и межкультурная коммуникация» [2014]

отражены результаты многолетних исследований авторов в области решения важнейших для современной лингвистической науки проблем взаимосвязи языка и культуры. Ученые затрагивают проблемы языка и мышления, анализируют ее в аспекте концептуализации и категоризации действительности, предлагая разграничение рационального и эмоционального аспектов в процессе когниции.

З.К. Дербишева изучает ключевые концепты кыргызской лингвокультуры, которым посвящены монографии «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры» [2015], «Язык и этнос» [2017]. В данных работах автор предпринимает попытки составить вербализованный портрет кыргызского этноса, используя лексико-фразеологические ресурсы кыргызского языка.

Якутское языкознание последних десятилетий характеризуется углублением его теоретической базы, повышением внимания к новым методам, исследованием актуальных проблем современной тюркологии. Изданный в настоящее время «Большой толковый словарь якутского языка» под редакцией П.А. Слепцова охватывает всю лексику якутского языка, в том числе фразеологические единицы, диалектизмы и фольклорную лексику. Толкование лексических единиц, энциклопедические и этимологические справки, которые содержит словарь, дают существенный материал для лингвокультурного исследования лексики. Лексика природного окружения, зафиксированная в говорах якутского языка, отражена в двух томах «Диалектологического словаря якутского языка» [1976, 1995], а также в «Диалектологическом атласе якутского языка» С.А. Иванова [2004, 2010]. Богатый фразеологический материал содержит «Якутско-русский фразеологический словарь» А.Г. Нелунова [1998, 2002].

Якутское языкознание достигло определенных успехов в исследовании базовых понятий, связанных с жизненными ориентирами и ценностями человека. Так, в монографии «Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха» Р.И. Бравиной [2005] рассматриваются этноспецифические особенности видения и восприятия мира якутов, вопросы жизни и смерти, и связанные с ними разнообразные мировоззренческие и нормативно-ценностные

идеи. Актуальным в современной якутской филологии является проблема изучения базовых, а также национально-специфических концептов.

Так, концепт как объект исследования находится в центре внимания исследователей Ф.Н. Дьячковского, Н.И. Поповой, Е.Н. Романовой, Н.И. Даниловой, Л.М. Готовцевой, В.М. Монастырева, Е.Р. Николаева, С.М. Прокопьевой, Ю.П. Борисова и др. Объектами их исследований становились такие базовые концепты, как душа, любовь, свобода [Николаева 2017] жизнь и смерть, добро и зло, свой и чужой [Готовцева, Николаева, Прокопьева 2017], сердце, судьба, любовь, концептуальное поле глагола *кэл* [Прокопьева, Монастырёв 2012], концепт локативность при экспликации текста олонхо [Прокопьева, Борисов 2016], а также концепты, имеющие особую лингвокультурологическую ценность для якутского народа, как небо [Афанасьева 2013], алаас [Дьячковский, Попова 2014], огонь [Афанасьева, Иванова 2015], солнце [Николаев 2016], сылгы [Васильева 2015] и др. Методы ассоциативного эксперимента используют в своих социолингвистических исследованиях Н.И. Иванова, Р.И. Васильева. Исследователями рассматриваются языковые контакты, этноязыковая идентичность, языковая компетенция носителей якутского языка.

Достаточное количество работ по исследованию языковой картины мира, лингвокультурологии, психолингвистике накопилось в языках коренных народов Якутии. Н.Ю. Мальчакитовой исследованы базовые лингвокультурные концепты судьба, счастье, душа в языковой картине мира эвенков и русских [2014]. Т.М. Никаевой в диссертационной работе «Этнокультурная специфика образа себя и образа другого в языковом сознании русских, якутов, эвенков и эвенов» [2013] впервые описана на материале ассоциативного эксперимента национально-культурная специфика авто- и гетеростереотипов в якутской, эвенкийской и эвенской языковой картине мира в сопоставлении с авто- и гетеростереотипами в русской языковой картине мира. Реконструкции языкового сознания эвенков в сравнении с якутами и русскими посвящена диссертация Н.Е. Захаровой «Особенности языкового сознания носителя языка в условиях многоязычия: на материале эвенкийского, якутского и русского языков» [2018]. Р.П. Кузьмина на

материале малых жанров фольклора, стихотворных произведений рассматривает наиболее значимые концепты для эвенов (дом, олень, «нимат», медведь, одежда, зима), которые «довольно наглядно выявляют и характеризуют восприятие окружающей среды, специфику этнического мировоззрения эвенов, а также религиозные, природные особенности миноритарного этноса, живущего на территории Крайнего Севера» [Кузьмина 2018: 306]. Молодыми исследователями рассмотрены концепты цвет в эвенском языке (М.Д. Попова), река в юкагирском языке (С.Н. Курилова).

Так, развитие современной теоретической лингвистики ставит перед тюркским языкознанием новые задачи, определяющие перспективы данной науки. Перед якутскими исследователями стоят задачи создания базы для лингвокультурологических исследований: в первую очередь, это национальный корпус якутского языка, создание культурологических, ассоциативных словарей, исследований проблем, связанных с национальным языковым сознанием, языковой личностью.

1.2. Традиционное представление якутов о *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’

В традиционных культурах слову приписывается магическая функция, сила. Якуты верили, что слово имеет свой дух: *тыл дорбоонноох, тыл иччилээх буолар* ‘слово бывает звучным, слово имеет иччи’. По верованию якутов, все предметы и явления природы, от которых зависит благополучие человека, имеют своих духов – *иччи*, которые требуют жертвоприношения. В древности люди полагали, что слова будут услышаны природой или духами и возымеют воздействие на них. Поэтому в старину каждое слово произносилось с большой осторожностью: «человеческое слово, по их понятиям *иччилээх*, т.е само по себе имеет какую-то внутреннюю силу и привлекает внимание духов» [Ксенофонтов 1992: 105]. Эти *иччи* постоянно находятся рядом с людьми и следят за жизнью, поступками, мыслью, словами каждого человека. Слова якуты разделяют на «добрые» и

«худые». И.А. Худяков отмечает, что «худые слова прилипчивы», и проклятие, если не исполняется на самих проклятиях, то доходит до их детей [Худяков 1969: 14]. “Худые”, “тяжелые” слова якуты старались не употреблять в своей речи, они говорили *быһа этимэ, быһа саҥарыма.* Слово *быһа* означает: через, поперек, прямо, наотрез; *быһа этимэ!* – не накличь беды, не сглазь!, *быһа эттэххэ* – сказать наотрез, *быһа бар* – проходить через что, идти напрямки; прерваться; разорваться, *быһа кыйдаа* – отделять, отгонять, угонять (криком скотину из стада), *быһа хайҕаа* – сглазить [ПЭК: 630]. Нельзя было вслух говорить о своих желаниях и планах (*быһа этиэн* – накликаешь беду), сильно восхищаться чем-то (*быһа хайгыан* – сглазишь), вслух высказывать свои опасения (*куһаҕаны ыраланыма* – не навораживай себе худое). Выражение *быһа этимэ* переводится как *не срежь словом*. Вот что пишет об этом якутский ученый С.И. Николаев: «…в данном переводе не передается весь специфический колорит идиоматического выражения. «Быһа этимэ» по-якутски имеет смысл, будто бы над головой говорящего на тоненькой ниточке висит убийственная, зловредная сила «опасного слова» и говорящий будто бы своей неосторожностью, как ножницами, срезает эту роковую нить» [Николаев 1961: 56].

В якутском языке есть выражение *быһа этэн кэбиспит, сэттээхтик,* что означает, что человек неосторожно высказался о своем благополучии, вследствие чего его надежды не оправдались, “потерпели крах”, то, о чем он мечтал, не сбылось. Смысл этого изречения тот, что неудача последовала именно вследствие «сэт», последовавшего от неуместного пререкания. Поэтому якуты никогда наперед не высказывают своих надежд насчет будущего благополучия или удачи (своих), в особенности, если дело касается предстоящей охоты или путешествия, они боятся «сэт»: «начиная какое бы то ни было дело (работу, охоту, путь и т.п.) нельзя говорить наперед: смогу, сделаю, пустяки и т.п., иначе, загадывая наперед, этим самым испортишь выполнение дела (быһа этиэҥ)» [Кулаковский 1979: 64, 70]. Когда приходит время нести возмездие за все содеянное, якуты говорят *сэт-сэлэн сиппит, сэмэ-суҥха буолбут.* Существовали многочисленные приметы и запреты, касающиеся речевой коммуникации. Каждое слово произносилось с

осторожностью: *эппит тыллааҕар эппэтэх тыл ордук* ‘несказанное слово лучше несказанного’, *этиллибит тыл иһиллибэт буолбат* ‘сказанное слово не бывает не услышанным’.

Человек должен был следовать определенным правилам, подчиняться моральным принципам, жить *айыы сиэринэн* (наподобие бога). Данные ценностные установки пронизывают все сферы жизни якутов. «Чисто якутское воспитание окружило их жизнь бесчисленным множеством грехов, небольших, больших и великих» [Худяков 1969: 377]. Каждый шаг, каждое движение могло быть чревато опасностями. Начиная с утробного периода в течение всей жизни регламентировалось верхними божествами поведение и поступки якута. С момента пробуждения до самой ночи человек должен был придерживаться самых разных правил и сводов. Например, «черпать пищу наотмашь – большой грех. Крадучись есть – грех. Смотреться в воду, которую пьешь – грех… Если один моется, а другой наливает ему воду через руку наотмашь, то значит, отчудил уже его от себя (так умывают только покойников)» [Худяков 1969: 301]. «Если долго смотреть на тучи, то человек сходит с ума [Кулаковский 1979: 70]. В большинстве случаев болезни и неудачи якуты объясняли сверхъестественным воздействием каких-нибудь предметов или живых существ, нарушением различных табу. Так, неудачи в промысле нередко связывались с несоблюдением женщинами запретов, вызванных верой ее в «магическую» нечистоту. «Причиной болезни детей также признавалось иногда совершение матерью того или иного запретного поступка» [Алексеев 1980: 41].

Так, с одной стороны, счастье зависело от самого человека, от соблюдения им определенных правил, обычаев, следование этико-религиозным нормам, с другой стороны, якуты верили, что божествами судьбы определено предназначение человека, быть ему счастливым или несчастливым. Божества судьбы *Дьылҕа Хаан, Чыныс Хаан, Одун Хаан* при рождении человека уже записывают его судьбу в своих небесных *сурук* - письменах. «Судьбу новорожденного в книгу Аи-Тоёна занесли уже небесные писари, которых называют “девушка и парень, духи травы, дерева и земли” (уол, кыс суруксут, от-мас итчите, сир итчите), и будет он жить, повинуясь

этим свыше предначертанным обстоятельствам» [Серошевский 1993: 651]. «Счастливую судьбу можно было завоевать. Во время проведения якутского национального праздника *ысыах* можно было “завоевать счастливую судьбу” с тем, чтобы перенести в будущее “желаемый прогноз”» [Романова 1997: 190]. “На празднике нового года у якутов было много разных состязаний, целью которых было “завоевание счастливой доли”» [Там же: 191]. С помощью *алгыс* (благопожеланий), который был предназначен для умилостивления Высших Божеств, также можно было поменять судьбу в лучшую сторону. «Алгыс, который читали на празднике ысыах, имел магическое действие: «он должен был дойти до божеств айыы и быть услышанным, более того вызвать ответную реакцию» [Бравина 2005: 140].

Чаще всего у Высших Божеств просили детей. Рождение детей имело огромное значение в жизни якутов. Обилие детей считают за «божье благословение» [Серошевский 1993: 509]. «Дети, считали якуты, — это то богатство, только воспитывать их трудно. Для нас, якутов, в нашей ледяной земле иметь много детей выгоднее, чем иметь много денег и скота. Деньги разойдутся, скот подохнет, а хорошие дети, промышленники найдут, добудут все» [Худяков 1969: 85]. Даже рождение незаконного ребенка и незаконное происхождение не считается у якутов позором: «у якутов нет даже названия для незаконного ребенка… незаконный ребенок все-таки лучше отсутствия ребенка» [Там же: 559]. «Якуты часто берут чужих детей на воспитание, - берут даже и в тех случаях, когда имеются и свои дети, - берут иногда на более или менее продолжительное время, но чаще усыновляют» [Трощанский 1909: 9]. Отсутствие детей, наоборот, считалось большим несчастьем. «Бесплодие женщины и импотенция мужчины являются несчастьем, чуть ли не грехом, тогда как плодовитость считалась добродетелью» [Серошевский 1993: 499]. В бесплодии обвиняли обычно женщин: «Если нет детей - виновата баба» [Серошевский 1993: 509]. Мужчину, страдающего импотенцией, называли *суулуу туппут киһи, эрийэ туппут эмэх киһи* ‘человек, как свернутая шерсть, и человек, как завернутая гнилушка’. Говорят о людях, по природе не способных к половому акту [Кулаковский 1979: 168]. Мужчину, не

имеющего детей, называли *мунур буруо* (*букв.* прерванный дым), *мунур курунгах киһи* (*букв.* человек, подобный сухому дереву без верхушки), *муус хабах* (*букв.* ледяной мочевой пузырь). О человеке, не имеющего семьи, детей, без рода и племени, говорили *аҥардас,* ‘одинокий, холостой, беззащитный’, *төрдө суох чөҥөчөх киһи* ‘безродный человек, как пень без основания’, *киһи аахсыбат киһитэ* ‘человек, с которым не стоит считаться’, а о женатом человеке говорили *толору дьоллоох* ‘полностью счастливый’, что означает, что человек становится полностью счастлив только тогда, когда находит свою половинку и вступает в брак. «Якуты уважают женатого человека. Жениться, по их мнению, значит, стать человеком или в люди выйти» [Худяков 1969: 178]. В суровых условиях Севера, человек не смог бы просуществовать долго один, и потому наличие рода и многочисленных родственников выступало своего рода гарантом человеческого существования: *уулаах балык быстыбат, дьонноох киһи тутайбат, ойуурдаах куобах охтубат* ‘рыба в воде не вымирает, человек с родственниками не пропадет, заяц, живущий в роще, не гибнет’. О человеке, который имел свой род, говорили: *үҥэр таҥаралаах, үҥэр сууттаах киһи* ‘человек, имеющий божество, которому молится, и судилище, в котором судится’ (т.е. человек общественный, не дикарь) [Кулаковский 1979: 210].

По верованиям якутов, даже одно неверное движение, или шаг могло навлечь несчастье. Болезнь и смерть могли быть вызваны словесным кодом, особенно если пожелание болезни адресату было высказано в нужную минуту и услышано злыми духами. Нельзя было не только произносить плохое, но и показывать жесты, означающие пожелания плохого. Так, «нельзя было класть чужую шапку, особенно женскую, передом, вниз (к земле), ибо такое действие было почти равносильно пожеланию смерти владельцу шапки – умса түс – “пропади ты!”. Обувь нельзя класть носками вверх, ибо так она у покойника; не следует класть ложку вогнутой стороной вверх – признак плохого [Романова 1997: 74-75]. «Грешно толкать огонь железным острием, а ожик, которым поправляют огонь, нужно жечь каждую неделю, иначе будет в доме несчастье» [Серошевский 1993: 691]. Новобрачным не следует в первый год женитьбы строить дом – случится несчастье. Существовали

также толкования сновидений: сваливается дерево, строят новый дом – к смерти человека. [Попов 1949: 292, 296].

Существовали месяцы, дни и даже часы, которые приносят несчастье. Например, «январь считался месяцем, внушающим у якутов большой страх. Например, молодому человеку нельзя свататься, а девушке выходить замуж в январе. Вечером 16 января не выпускали маленьких детей на двор и не вымораживали на улице одежду» [Алексеев 1980: 41]. Вилюйские охотники верили в существование несчастливого часа (*сордоох чаас*). «Люди и животные, родившиеся в этот час, всю свою жизнь бывали несчастливыми. Если в этот час думали что-то нехорошее, даже и без злого умысла, все равно исполнялось. Этим объяснялась привычка старых якутов не показывать посторонним отборной скотины и хороших вещей, чтобы видевшие не подумали чего-либо плохого» [Попов 1949: 290].

По многочисленным приметам-бит, сновидениям, предзнаменованиям и предчувствиям якуты узнавали о приближении беды, несчастья. Например, если дергают ноздри – к самому большому греху или несчастью; дергает вдоль носа с боковой стороны – к слезам; груди у женщины заболят – к болезни или смерти какого-нибудь ребенка; лопатку дергает – к сумасшествию или к болезни; если же будет сильно дергать поперек ручных мускулов (на плечевых костях), то к смерти человека (в старину связывали покойников); бедро дергает поперек – к своей или чужой болезни; дергает внутри под самым коленом – к худу; потянет вдоль голени – к смерти человека; никто не находит яиц кукши, но если кому случится найти, то это к смерти или к окончательному разорению; кукша «плачет», (т.е. жалобно поет) – к худу; кукушка перелетит кому-нибудь дорогу – к худу или к смерти родственника; собака фыркает – к худу; нитку сучить – к печали; аршином что-нибудь мерять – к печали; видеть во сне волосы отросшими – к печали; иголки во сне видеть – к колотью или к несчастью и слезам.

Несчастье грозит человеку, потерявшему свою тень. «У человека есть три тени; потерять две первые можно, хотя такой человек будет всегда неловок, болезнен и вял потерять же все три тени – значит погибнуть» [Серошевский 1993:

643]. Этим объясняется запрет играть детям со своей тенью. В.Л. Серошевский отметил один случай, произошедший с колымским казаком, чуть не потерявшим свою тень: «Раз, когда один шаман, во время шаманства вдруг пронзительно закричал гагарой… я вздрогнул; вдруг вижу – шаман сбросил свой бубен и проворно полез под скамью, на которой я сидел, вскоре он оттуда вылез, сжимая что-то в горсти, что сильно пищало; пробормотавши про себя, он бросил мне его в лицо; я оробел, но шаман успокоил меня, объяснивши, что это моя тень, которая испугалась и убежала было, но он ее успел схватить и теперь все обстоит благополучно» [Там же].

Несчастьем и грехом считается войти в дом, где есть покойник. Якуты ни за что не оставались ночевать в доме, где находился покойник; «сжигали самые юрты, в которых помирал человек: до того боялись не только жить в них, но и проезжать мимо» [Серошевский 1993: 297-298]. Дом покойника, а также все домочадцы считались *кирдээх* ‘нечистыми’. Слово кроме значения “нечистота”, “грязь на каком-либо предмете”, “нечисть”, также употребляется в значении “грызть”, “отгрызать” [ПЭК: 1098]. Эти объясняется то, что злые духи *абаасы*, украв *кут* ‘душу’ людей, сгрызали ее. Опасность встречи с «нечистым» заключалась в передаче этой нечисти постороннему человеку, отчего последний умирал. Якутами придумана целая система запретов и правил, регулирующие поведение «нечистых» людей. «Если якуты услышат, что где-нибудь по соседству помер человек, то … на дверях, на окнах, на трубах на ту сторону, где покойник, ставят кресты для того, чтобы покойник не мог прийти… В некоторых местах до сих пор якуты не впускают к себе в юрту поднимавших покойника в продолжение трех дней и кормят их потом из особой чашки, а не из чоронов до тех пор, пока не прогремит первый летний гром, который прогонит всех дьяволов» [Худяков 1969: 295, 297]. «Нечистые» люди не допускались на праздник *ысыах*, им не давали пить праздничного *кумыса* «пока не исполнится года после похорон» [Худяков 1969: 297].

Несчастья и болезни причиняли людям злые духи *абаасы.* В прошлом якуты считали, что человек умирает естественной смертью только после семидесяти лет,

смерть человека до этого срока рассматривалась как результат того, что *абаасы* «поедали» или «похищали» *кут* человека. «Злых духов было очень много. Они обитали во всех трех мирах – верхнем, среднем и нижнем. По данным В.М. Ионова, *абаасы* – «это люди огромного роста, подобные теням лиственниц при лунном свете, а глаза их будто бы светились, как раскаленные куски железа» [Алексеев 1975: 111]. А по данным Г.В. Ксенофонтова, «некоторые злые духи верхнего мира представлялись якутами полузооморфными существами – людьми с вороньими головами» [Ксенофонтов 1928: 30].

Духи-хозяины *иччи*, если люди не чтили их, не приносили жертв, не соблюдали определенных правил, то также могли наказывать их. В.Л. Приклонским написана легенда, в которой говорится о том, как дух-хозяин огня сжег дом хозяина дома за то, что он не приносил ему жертвы и не чтил его [Приклонский 1890: 170]. А.Е. Кулаковский также отмечает, что дух-хозяин огня наказывал, покрывая язвами непочтительно относившихся к нему [Кулаковский 1979: 29]. Существует несколько поверий, связанные с почитанием духа домашнего очага: 1. огонь можно было переносить из хорошей счастливой юрты; 2. огонь нужно было тушить только чистой водой; 3. в обращении с огнем соблюдать «чистоту»; 4. женщины не должны подходить к огню во время менструаций и после рождения ребенка по крайней мере до проводов *Айыысыт* (духа-покровителя рожающих женщин). Эти запреты должны были соблюдать и их бабки. Женщины не должны мыться щелоком, приготовленным из золы очага свекра или деверя, не должны переходить никогда эти очаги с передней стороны (с топки). «За несоблюдение этих поверий, а также за непочтительное отношение к нему дух-хозяин домашнего очага мог наказать человека, т.е. наслать сыпь» [Алексеев 1975: 70]. Невестка, по верованиям якутов, не должна была проходить перед лицевой стороной камелька из уважения к духу-хозяину огня [Кулаковский 1979: 30].

Таким образом, по традиционным мировоззрениям якутов, счастья не бывает без несчастья: *дьол икки сор икки аргыстаһа сылдьаллар*. Счастье и несчастье в якутской национальной традиции представлены довольно противоречиво. С одной стороны, они предстают как категории, данные свыше. Якуты считали, что

божествами судьбы определено предназначение человека, быть ему счастливым или несчастливым. Всякую болезнь расценивали как знак недовольства духов, а трагическая смерть считалась следствием их гнева, наказанием за нарушение норм поведения. С другой стороны, в коллективном бессознательном сознании якутов содержатся четкие представления о том, что счастье человека зависит от него самого, от его следования принципам и нормам поведения, личных качеств, активной позиции в жизни. «По мифологическому сценарию жизни, продиктованному божествами *айыы*, предназначение человека заключается в том, чтобы продолжить род *ураанхай саха*, защитить его от посягательств темных враждебных сил, творить добро, тем самым поддерживая вечную жизнь на земле» [Бравина 2005: 286].

Выводы по I главе

Таким образом, рассмотрев различные точки зрения к определению термина «концепт», можно сделать следующие выводы:

1. Концепт на сегодняшний день не имеет однозначных толкований. В нашем понимании, концепт – это ментальная единица, которая хранится в сознании человека, несет комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, ассоциируется с определенными образами, зафиксированными в языковых единицах, и находит свое выражение в языке и культуре.

2. Термины «концепт» и «понятие» не тождественны, концепт шире, чем понятие. Концепт семантически глубже, он максимально приближен к ментальному миру человека, следовательно, к культуре и истории, поэтому имеет специфический характер. Термин «понятие» употребляется главным образом в логике и философии.

3. Концепт имеет сложную, многомерную структуру, включающую в себя ядерную часть и периферийные слои, а также имеющую в своем составе несколько компонентов: понятийный, значимостный, образный.

4. Концепты кодируются в языке; они формируются на подсознательном уровне в результате структурирования информации и отражают содержание результатов человеческой деятельности и познания в виде неких “квантов” знания.

5. Язык, культура и сознание взаимосвязаны. Язык является неотъемлемой частью культуры, ее носителем, внешним проявлением духа народа, средством передачи культурной информации, концептуализации окружающей человека действительности. Сознание человека является посредником между культурой и языками отвечает за выбор языковых средств, в нем перерабатывается, фильтруется и систематизируется культурная информация.

6. Теоретико-методологическая база лингвокультурологии находится на стадии становления. Мнения ученых разнятся: лингвокультурология – это самостоятельная дисциплина или отрасль лингвистики, методы, предмет данной дисциплины также не имеют единого определения. Общепринятым остается одно определение: лингвокультурология исследует язык в неразрывной связи с культурой, главными объектами исследования являются мировоззрение народа, мышление, культурные ценности и их отражение в языке.

7. Лингвокультурологический анализ концептов предполагает установление ключевого слова-репрезентанта, который объективирует, номинирует этот концепт; установление этимологии ключевого концепта; построение лексического поля, построение деривационного поля слова; выявление фразеологических номинаций, паремиологических единиц; установление устойчивых сравнений; выявление контекстуальных репрезентаций на материале народных песен, художественных, поэтических текстов; выявление образных признаков.

8. *Дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ связаны с традиционными представлениями, верованиями, воззрениями якутов. Счастливая или несчастливая участь человека зависят не только от воли верхних божеств, но и от соблюдения определенных правил, ритуалов, норм поведения.

ГЛАВА II. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’

2.1. Семантическая структура концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’

Изучение любого концепта невозможно без обращения к этимологии его лексемы. Как отмечает Ю.С. Степанов, «исходная форма (этимология) является одним из компонентов, который делает концепт фактом культуры» [Степанов 1997: 43]. Ядерной лексемой, репрезентирующей концепт ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ в якутском языке, является слово *дьол* ‘счастье’, которое считается заимствованием из монгольских языков [Попов 2003: 174; Бетлингк 1990: 581; Пекарский 1959: 838; Рясянен ЭС: 127; Рассадин 1980: 70]. В этимологическом словаре монгольских языков: ǰol – счастье, удача [Санжеев 2016: 83]. По мнению Э.В. Севортяна, является «тюркским заимствованием, в свою очередь, попавшим в некоторые тюркские языки (см. *як.* д’ол “благополучие, счастье, удача”)» [Севортян 1989: 218].

В «Толковом словаре якутского языка» дается следующее определение: *дьол* баҕа санаа туолуута, туох эмэ үчүгэйтэн аһара астыныы, дуоһуйуу 'искренняя удовлетворенность от исполнения желания, чувство довольства и радости, счастье' [ТСЯЯ: 393].

В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского дано следующее значение: *дьол* 'счастье, удача, благо' [ПЭК: 716].

В «Кратком толковом словаре якутского языка» П.С. Афанасьева встречаем два определения: 1. баҕа санаа туолуута, туох эмэ үчүгэйтэн толору астыныы, дуоһуйуу санаата 2. күүппэккэ-өйдөөбөккө сылдьан табыллыы [Афанасьев 1994: 65].

В «Русско-якутском словаре» под ред. П.С. Афанасьева и Л.Н. Харитонова, вышедшем в 1968 году слово *счастье* переводится дьол, соргу 'удача, успех'.

Счастье в игре оонньууга соргу, к счастью, на счастье *в знач.вводн.сл.* дьолго, иметь счастье *с неопр.* дьоллон, чиэстэн [РЯС: 629].

В «Якутско-русском словаре» под ред. П.А. Слепцова, вышедшем в 1972 году, *дьол* переводится как 'счастье, удача' // счастливый, удачливый; булт дьоло 'счастье на охоте'; дьол күнэ 'счастливый, удачливый день' [ЯРС: 131].

В «Кратком якутско-русском словаре» Т.И. Петровой дается следующее значение лексемы *дьол* 'счастье, удача, благо; благополучие, блаженство, фортуна' (*соргу, туску, өрөгөй, талаан*); *дьоллоо* 'делать счастливым, ублажать; удостаивать' [КЯРС: 53].

В «Кратком словаре терминов учения Айыы» Л.А. Афанасьев-Тэрис дается следующее определение: «Киһи үчүгэйи оҥорбута бэйэтигэр үтүө бэлэх буолан кэлиитэ. Айыы суолун тутуһар киһи дьолго тиксэр» [2012:41].

Слово *дьол* ‘счастье’ встречается также в русско-якутских терминологических словарях. Как пишет д.ф.н. Е.И. Оконешников: «Многозначность и недифференцированность значений отдельных слов еще не говорит об отсутствии у них терминологических возможностей» [Оконешников 2015: 146]. В «Русско-саха общественном-политическом словаре» Е.И Оконешникова *дьол* 'счастье, удача' переводится как *табыллыы* 'везение, слаженность' [1998: 140].

Рассмотрим, как лексема *дьол* ‘счастье’ сочетается с другими лексическими единицами. Лексема *дьол* ‘счастье’ наиболее активно употребляется с глаголами: *тосхой* - определять направление, направлять (*дьол тосхойдо* ‘уготовано счастье’, *булду тосхой* ‘пошли мне хорошую охоту’ – обращение охотника к хозяину тайги), *баар* – есть существует (*дьол баар* ‘счастье есть’) *тыгар* – светит (*дьол тыган ааһар* ‘счастье уходит светя’), *холбоо* - соединить (*дьолгун холбоо* – кэргэннэн ‘обзаводиться семьей, жениться или выходить замуж’ (*букв.* счастье свое соединить’), *оонньоо* - играть (*дьоло оонньоото* – сотору өлөөрү гыммыт кырдьаҕас киһиэхэ дьоһуннаах булт тосхойон биэрдэҕинэ ити курдук этэллэр ‘так говорят, когда старому человеку сопутствует большая удача в охоте (к скорой смерти)’, *тут* – держать, браться, хватать (*дьолгун мүччү тутума* – үчүгэй

түбэлтэни куоттарыма, туһанан хаал ‘не упускай благоприятного случая, пользуйся подвернувшейся удачей’), *түс* – падать, сваливаться (*дьолгун мүччү түһүмэ* – үчүгэй түбэлтэни куоттарыма, туһанан хаал ‘не упускай благоприятного случая, пользуйся подвернувшейся удачей’), *тургут* – измерять, испытывать, проверять (*дьолгун тургутан көр* - туох эмэ баҕараргын ситиһэргэ сорунан, бэйэҥ кыаххын бэрэбиэркэлээн көр ‘искушать судьбу, чтобы достичь желаемого, проверять свою удачливость’) *бул* – находить, отыскивать, обретать (*дьолу бул* – баҕарбыт баҕа санааҕын сит, онтон дуоһуй ‘достичь желаемого, получая удовлетворения от этого, найти свое счастье в чем-либо’), *көрдөө* – искать, изыскивать (*дьолу көрдөө* – баҕарбыт баҕа санааҥ туоларын туһугар туруулас ‘стараться, стремиться к тому, чтобы желаемое исполнилось, искать свое счастье’), *бил* (*дьолуота биллин* – кыайыыны-кыайтарыыны, дьоһуннаах дьыаланы, дьол-соргу, баат быһаардын ‘все решит фортуна’).

Сочетаемость ключевых репрезентантов концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ с глаголами, обозначающими поиск, обладание, направление, утрату, указывают на то, что счастье в понимании якутов – это дар, приподнесенный верховными божествами [Скрябина 2020: 88].

Слово *дьол* сочетается со следующими именами прилагательными*: үрдүк* ‘высокий, большой, высший’ *(үрдүк дьол* ‘великое счастье’), *курус* ‘унылый’ (*курус дьол* ‘безотрадное счастье’), *хатан* ‘твердый’ (*хатан дьолуо* ‘закаленное счастье’) *толору* ‘полный’ (*толору дьол* ‘полное счастье’);

С существительными: *толук* ‘возмещение, восполнение’ (*дьол толуга* ‘цена жизни’), *сырал* ‘жар’ (*дьол сырала* ‘пушущее жаром счастье’), *кыым* ‘искра’ (*дьол кыыма* ‘искра счастья’).

Ядерной лексемой, репрезентирующей концепт СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском языке, является слово *сор* ‘несчастье’. В тюрко-монгольских словарях зафиксированы следующие значения слова *сор*: *уйгур.* шор II ‘несчастье; несчастная судьба, доля, участь’ [УРС: 549]; *бурят.* шоро ‘беда’ [БРС: 28]; *алтай.* шор ‘неудача’ [АРС: 186]; *киргиз.* шор II ‘несчастье, беда’ [КРС: 911]; *казах.* сор ‘бедствие, мука, несчастье’ [Кайдаров ОКО: 275]. Судя по данным

этимологических источников, семантическим архетипом концепта СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ является судьба, участь и доля. *Сор* ‘несчастье’ зависит от судьбы, от некой высшей силы, которая предопределяет жизнь человека, наделяет долей при рождении. Лексическая единица доля (өлүү) в якутском языке представлена следующими дефинициями: I. часть, доля, пай; участь, жребий; II. 1. умирание, смерть, гибель, погибель, смертность; 2. болезнь, боль; хворь; зараза; 3. падежъ; чума; 4. беда, бедствие, несчастье, вред [ПЭК: 1937-1939]. Так, лексема өлүү означает и долю, и несчастье. Таким образом, обозначение несчастья как доли связано с представлением якутов о том, что несчастье изначально распределяется в момент его появления. Данную мысль подтверждает якутская пословица сиргэ түспүт силик, окко түспүт оҥоһуу, которой А.Е. Кулаковский дает следующее толкование: «… (это) жребий, павший на землю: такова уж участь, предопределение» [Кулаковский 1979: 164]. Доля определяется по жребию, есть сила, которая определяет жизненный путь человека. Лексема доля связана с делением: «Түҥэтиигэ кимиэхэ, туохха эмэ тиксэр туох эмэ сороҕо. Часть, доля, достающаяся *кому-л.* при дележе» [БТСЯЯ: 427]. Для традиционного якутского общества была характерна практика распределения чего-либо с учетом социального положения участников дележа. Так, как отмечает И.А. Худяков, на якутской свадьбе (уруу) при ритуальном угощении вареным мясом гостей и сватов «никто не начинает есть, пока вся лучшая часть общества не будет наделена…Угощением управляет тюгэтээччи (раздатель). Это бывает человек умный, рассудительный, чаще бывалый старик…» [Худяков 1969: 164].

В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского дается следующее определение: сор 'несчастье, злосчастье, злополучие, бедствие, горе, беда; мучение, страдание, неприятность' [ПЭК: 2283].

В «Большом толковом словаре якутского языка» под ред. П.А. Слепцова дано следующее значение: киһиэхэ эрэйдээх-кыһалҕалаах быһыы, киһи эрэйдэнэр муҥа 'несчастье, страдание, мучение'. [БТСЯЯ: 535].

В «Якутско-русском словаре» лексема *сор* переводится как 'несчастье, горе, беда' [ЯРС: 333].

В «Русско-якутском словаре» слово несчастье переводится как сор, иэдээн, алдьархай; к несчастью *в знач.ввод.сл.* соругар, кыһалҕатыгар; к несчастью он придет поздно кыһалҕатыгар кини хойут кэлиэ [РЯС: 331].

В «Кратком якутско-русском словаре» Т.И. Петровой дается следующее значение лексемы *сор* 'несчастье, горе, беда; мука, мучение', *эрэй-сор* 'страдание'; *сордоох* 'несчастный, злосчастный'; *сордоо* 'допекать, причинять горе; мучить, изнурять тяжелым трудом' [КЯРС: 135].

Этимологически исходные значения «несчастная судьба», «доля», «участь» в словарях якутского языка не упоминаются. Во всех словарях лексема *сор* переводится как несчастье, беда, горе.

Сор ‘несчастье’ сочетается со следующими лексическими единицами:

С существительными: *суол* ‘дорога’ (*сор суоллаах* ‘несчастный, преследуемый несчастьем’, *сор суолланна* ‘погибнуть, умереть преждевременно’); *хаан* ‘кровь’ (*сор хаанын сордоо* ‘мучить *кого-л.,* причинять страдания *кому-л.*’); *быа* ‘веревка’ (*сор быатыгар* ‘к несчастью’);

С числительными: *тоҕус* ‘девять’ (*тоҕус сорунан* ‘с горем пополам, с грехом пополам’);

С прилагательными: *хара* ‘черный’ (*хара сор* ‘несчастье, мука’);

С глаголами: *көр* ‘смотреть’ (*сору көр* ‘хлебнуть горя, повидать горя’); *кэрий* ‘обходить’ (*сор маһы кэрийбэт, кипини кэрийэр* ‘горе ходит не по деревьям, а по людям’).

Так, контекстуальный анализ позволяет сделать вывод о том, что *сор* ‘несчастье’ в основном используется с лексическими единицами, обозначающими утрату и смерть. Смерть родного, близкого человека, безусловно, является несчастьем.

Таким образом, согласно данным словарям, в якутском языке семантическое поле концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ включает помимо компонента ‘счастье’ компонетнты 1. удача, благо; 2. искренняя удовлетворенность от исполнения желания, чувство довольства и радости; 3. благополучие, блаженство, фортуна; 4. доля; 5. светлое будущее; 6. лучшая участь; 7. мечта. Семантическое поле концепта

СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ включает помимо компонента ‘несчастье’: 1. беда; 2. горе; 3. мучение; 4. страдание; 5. злосчастье; 6. изнуряющий труд.

2.2. Синонимические ряды лексем *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’

В якутском языкознании проблемы синонимии рассматривали Л.Н. Харитонов (1954), П.А. Слепцов (1970, 1971, 1976), Н.К. Антонов (1967), Н.Е. Петров (1978), П.С. Афанасьев (1977), Н.Н. Васильева (1996). Л.Н. Харитонов определяет синонимы как слова «одинаковые и близкие по значению, но различные по звуковому составу» [1947: 38]. П.С. Афанасьев понимает под синонимами слова «имеющие не близкие, а родственные значения» [1977: 29]. Исходя из семантических особенностей, наличия или отсутствия экспрессивно-эмоциональной окраски, стилистической принадлежности, он различает четыре вида синонимов: смысловые синонимы, экспрессивные, стилистические и комбинаторные. Отдельно лексическим синонимам посвящена монография Васильевой Н.Н. «Лексические синонимы в языке саха», где автор дает общую характеристику лексическим синонимам языка саха, отмечая их системную организованность в языке. Исследователь понимает под синонимами «и тождественные, и близкие по значению слова» [1996: 10].

Рассмотрим синонимические ряды слов, объединенных значением *дьол* ‘счастье’, *сор* ‘несчастье’ на основе изучения семантических схождений и расхождений среди членов синонимического ряда. Следует отметить, исследуемый нами синонимический ряд выделен методом сплошной выборки из современных лексикографических источников якутского языка.

Как известно, синонимы, при обозначении одних и тех же явлений, предметов, действий, признаков, образуют в языке определенную парадигму, называемую синонимическим рядом. «Синонимы одного ряда неоднородны и в семантическом отношении: их близость колеблется от абсолютного, полного тождества до довольно отдаленных семантических связей» [Васильева 1996: 54]. Члены синонимического ряда должны принадлежать одной и той же части речи,

должны иметь общее понятие, а также представлять сложное единство, объединяющее в себе слова из разных пластов и плоскостей. В синонимическом ряду выделяется доминанта, которая от других членов отличается семантической емкостью, полнотой, способностью четко и точно передавать общее значение всего ряда. Доминантами синонимических рядов концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ выступают соответствующие лексемы *дьол* и *сор,* которые являются стилистически нейтральными (данные лексемы универсальны во всех сферах общения), сочетаются со многими другими словами, отчетливо выражают основной смысл передаваемых понятий. Приведенные ниже синонимические ряды лексем *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ относятся к семантическим и стилистическим синонимам. Характерный признак семантических синонимов обнаруживается в их семантических расхождениях (при сохранении стилистического единства), проявляемых в оттенках значения. Отличаясь друг от друга оттенками значения, семантические синонимы вносят какую-то новую, дополнительную информацию в раскрытие выражаемого понятия [Васильева 1996: 77-78]. Стилистические синонимы – лексические единицы, тождественные по своему значению и различные по стилистической окраске. Обозначая одни и те же предметы и явления действительности, а также взаимозаменяя друг друга с семантической точки зрения, данные синонимы различаются именно по стилистическим признакам. Например, синонимом лексемы *дьол* является слово *дьолуо*, которое относится к высокому стилю и придает речи более торжественный характер: *Соргута көрдөһөн көрүөҕүн, Дьолуота тардыһа барыаҕыҥ!* Суорун Омоллоон. Лексема *айхал* восходит к фольклору, также имеет признак торжественности, придает речи определенную тональность высокого стиля: *Айхалым эйиэхэ, эн чиэстээх сураҕыҥ, Аан дойду арҕаһын дабайбыт аартыгыҥ – Саас үйэ тухары сырдык суол буолуохтун, Саха дьон оҕотун ыҥыра туруохтун!* П. Ойуунускай.

Так, синонимический ряд лексемы *дьол* ‘счастье’ представлен следующими единицами:

Соргу – киһи туох эмэ улахан суолталаахха табыллан, дьоллонон санаата көтөҕүллүүтэ, күүһүрүүтэ 'состояние высокого душевного подъема от везения, удачи в чем-л, значительном, счастье' [БТСЯЯ: 536]. В семантической структуре данного слова выделяется три значения: везение, удача и счастье. Так, для якутов везение и удача в чем-л. также являются компонентом счастья. *Соргу* 'благо (все, служащее к нашему счастью), благополучие, счастье, фортуна; доля' [ПЭК: 2283].

Дьол-соргу – киһи баҕара саныыр үчүгэйэ барыта, үтүө кэскил 'большая радость, благополучие, счастье' [ТСЯЯ: 395]. В качестве иллюстрации данного значения приводятся строки из художественного произведения: *Кулут сиригэр, баай саарыстыбатыгар, икки атахтаах өйө-санаата сайдыбатаҕа – дьоло-соргута улааппатаҕа.* П. Ойуунускай. Обратим внимание на парное употребление слов *дьол* и *соргу*, в семантической структуре которых присутствует компонент «счастье». Парные слова чаще всего используются в поэтических произведениях в качестве стилистически окрашенных лексических единиц. Например, *Олоххут унаардаах устата Бараммат сыбаайба буолуохтун, Ил-эйэ дьол-соргу барыта Бу дьиэҕэ уйатын туттуохтун!* П. Тобуроков. Употребление слов *дьол* и *соргу* в паре усиливает значение счастья, поэт желает не простого «человеческого» счастья, а счастья «удвоенного», «огромного».

В словаре Э.К. Пекарского, *туску,* синоним слова счастье, наделяется значением «доля», что отсылает нас к древнему пониманию народом саха понятия счастья, как о доле, предназначенной нам судьбой. Семантическим архетипом концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ является судьба, предназначенная верховными божествами, как доля, которой наделяется человек при рождении. Доля в якутском языке переводится как *өлүү* – часть, доля, пай; участь, жребий [ПЭК: 1937]. Исследователь Б.А. Рыбаков, анализируя язычество древних славян, отметил, что доля, удел, участь, счастье, удача относятся к глубокой первобытности и все связаны с дележом чего-то на доли, части, с делением (у-дел, у-делить), с сопричастностью к разделяемому (счастье). «Возможно, объектом такого деления была добыча охотников. В обществе с первобытным коллективным хозяйством доля и часть могли означать ту долю общего урожая, которая приходилась на

данную семью. Также, при делении земли на участки одному мог достаться хороший удел, а другому – плохой». «Здесь и происходит первичное зарождение отвлеченных понятий, дуалистических по существу, заключающих в самих себе разноречивые ответы» [Рыбаков 2002: 367 – 368]. «Возможно, у якутов понимание счастья как о доле также было связано с охотой, рыболовством. Счастьем было право участвовать в этом дележе и получить свою долю. Так, при *мунха* (коллективная рыбная ловля), распределяли добытую рыбу следующим образом: в первую очередь выбирали крупных карасей, которые тут же отделяются должностным лицам наслега, в том числе и отсутствующим, иногда голове и священнику с псаломщиком, присутствующим почетным лицам и хозяевам» [Виташевский и др. 1929: 217-218]. Таким образом, в традиционном якутском обществе доля распределялась с учетом социального положения людей.

Туску – киһи-норуот дьоло-соргута, дьоллоох кэскилэ 'благо, благополучие, светлое будущее (человека, народа)'. *Андаҕайабын Дьол туоларынан, Туску улаатарынан, Өрөгөй үрдүүрүнэн.* Өксөкүлээх Өлөксөй. *Туску буолун Туйгун бэркэ.* Күннүк Уурастыырап. 2. Үөрэр саҥа (түөрэх олорчу түстэҕинэ. Радостный возглас (при падении гадальной ложки открытой, вогнутой стороной кверху). *Төлкөлөөх түөнэ маҥан түөрэх, Тэхтиргэ тэптэрэр, Очурга оҕустарар буолаайаҕыный. Тускуо-уо!* Өксөкүлээх Өлөксөй [БТСЯЯ: 184]. Так, по представлениям якутов, счастье можно было предугадывать. В старину самым известным гаданием было «түөрэх». С каким-нибудь условным вопросом бросали вверх какой-нибудь предмет, и по тому, как упадет этот предмет (стоймя или навзничь) предугадывали будущее. Например, кидая вверх ложку скажут: «ели предстоящая охота будет удачной то, садись, мой «түөрэх», а если будет неудачной, то опрокинься!». Если ложка упадет углублением вниз, - то это означает неудачу и загадавшие уныло говорят «былаҕай»; если ложка упадет углублением вверх, то это предвещает удачу, и тогда ее радостно поднимают с возгласом «туску!» [Кулаковский 1979: 80]. *Туску* – дальновидность, хорошая будущность, счастье [ПЭК: 2860].

Дьол-туску – олоххо баар үчүгэйтэн дуоһуйуу 'большое удовлетворение от жизненных благ, добрых дел, счастье, благополучие' [ТСЯЯ: 396]. Это значение

иллюстрируется стихотворением знаменитого якутского писателя Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон: *Саҥалыыра дьылларбыт Дьолу-соргуну уһаттын, Дьоллоох олоҕу кэҥэттин, Дьону-сэргэни холбоотун, Дьолу-тускуну тупсардын!* Туску – предопределять, налаживать будущую жизнь, судьбу *кого-л.,* т.е счастье можно было «выпросить». Проиллюстрированный пример доказывает данную мысль. По верованиям якутов, божества *айыы* предопределяли судьбу младенца и «даровали» ему счастье.

Дьолуо (*дьулуо*) ‘счастье, удача, ловкость’ считается образованным от *як. дьол* ‘счастье‘ [Попов 2003: 174]. *Дьолуо* 'счастье, удача, ловкость, смелость'. [ПЭК: 839]. Дьолуо – туох эмэ үчүгэй тосхойуута; баат, дьол 'благо, счастье; удача, фарт' [ТСЯЯ: 396]. Значение данной лексемы иллюстрируется примерами из художественных произведений якутских писателей: *Дьоллоох илиис Дьолуота үрдээтин!* П. Ойуунускай. *Уол дьолуолаах, табаҕайдаах булчут буолан күһүн тиигэнниир сири булларан, дьонун сыл таһааран эрдэҕэ.* Далан.

Дьолуо – күүс-күүрээн, соргу былдьаһыы [Сивцев 1979: 49].

Талаан – дьол-соргу тосхойуута, туохха эмэ табыллыы, сатаныы 'счастье, удача, везение, желательный исход дела' [БТСЯЯ: 159]. *Талаан* 'талан, счастье, удача, жребий' [ПЭК: 2535].

Өрөгөй 1. үрдүк үөрүү-көтүү, кыайыы-хотуу, соргу көтөҕүллүүтэ 'победа, успех; торжество, триумф'. *Быстах кыайыы өрөгөйүгэр бандьыыттар кыогас бириэмэҕэ көрүлээбиттэр.* Амма Аччыгыйа. *[Эн сэриттэн эргиллибиккэр] этэргэ дылы, биһиги да алааспытыгар өрөгөй үктэммитэ*. С. Тарасов. 2. үөрүүлээх-көтүүлээх, кыайыылаах-хотуулаах, соргулаах 'радостный, победный, торжественный'. *Өстөөҕү өлөрсүҥ, саастааҕы дьаныйсыҥ, Өрөгөй үктэллээх саргыны салайсыҥ!* Күннүк Уурастыырап. *Үөрүү, өрөгөй күннэрэ Өрүүтүн көһүннүннэр, Хомолто хара түүннэрэ, Хоммокко төнүннүннэр*. И. Эртюков. *Өрөгөй* 'верх счастья, удача, успех, счастье, победа' [ПЭК:1961].

Өрөгөй – высшая степень счастья, блаженство. Использование данной лексемы характерно для поэтической речи. Прилагательное *өрөгөйдөөх* в значении «счастливый» обычно не используется в высказываниях от первого лица, а

говорится о каком-то определенном времени, например, о счастливом дне в значении «торжественный», «преисполненный радости». Лексему *өрөгөй* (*өрөгөйдөөһүн*) также используют в значении огромное торжество, триумф, блестящий успех: *Оскуола эркинин таһааран, сүгэ, хабырҕас тыаһа, эркин кураанах бэрэбинэтин лиҥкиниирэ, саҥа-иҥэ барыта холбоһон, кыайыы өрөгөйдөөһүн муусуката буолан иһиллэр.* М. Доҕордуурап. *Саха тылынан хаһыат тахсыыта – бу национальнай бэлиитикэ өрөгөйдөөһүнүн биир туоһута.* «Кыым».

В якутском языке существует выражение *өрөгөйө үрдээтэ*, который означает, что человек вышел победителем, восторжествовал: *Үрүҥ оҕус саҕа өрөгөйүн, саар бургунньах саҕа саргыҥ салалыннын.* Саха фольк. *Ону, эрэттэр эрэ буолларгыт, ол ат туоһахтарын маҥнайгы ытыыга таптаргыт эрэ биһиги өрөгөйбүт үрдүөҕэ, биһиги соргубут сонуоҕа*. Эрилик Эристиин. В древнетюркском языке *өрки* означает находящийся вверху, занимающий высокое положение. Таким образом, лексема *өрөгөй* используется в значении «верх счастья», «победитель», «успех», «триумф», «торжество».

Баарт – киһиэхэ туох эмэ дьол тосхойуута, тугу эмэ ситиһэргэ табыллыы 'удача, счастье, сопровождающие *кого-л.,* фарт'. *Соргу, дьол, баарт көрдөһө Сонордуу барыаҥ ыраата. Билиэҥ булду өҥнөһөр Сындалҕаннаах сылаатын.* М. Тимофеев. *Оттон Дьаакып оҕонньор Оһоҕун суоһа тымныйан Олоҕун барда салыйан Улам ахсаан истэ.* Күннүк Уурастыырап [БТСЯЯ: 80].

Айхал – устаревшее слово, которое использовалось в значении молитвенный возглас, выражает радость, пожелание блага, счастья. В «Толковом словаре якутского языка» находим второе значение данного слова: дьол-соргу, үрдүк үөрүү, үрдүк дьол 'успех, высокое счастье, торжество'. *Ол дойдум дьоно Аан дойду айхалыгар, Уу долгунун курдук олоххо Көрүлүүллэр эбит*. А.Софронов. [БТСЯЯ: 352]. У Э.К. Пекарского: *Айхал* 1. шаманское призывание духов или их даров. 2. молитвенный возглас, восклицание для выражения радости по какому-либо случаю, приветствия, благопожелания. 3. имя сказочного орла-богатыря. [ПЭК: 41].

Уруй – 1. дьолу-соргуну түстээн этэр алгыс тыл 'благопожелание, благословение'. 2. үрдүк үөрүү, дьол, өрөгөй; уйгу-быйан 'счастье, торжество, ликование; благодать' [БТСЯЯ: 259]. *Уруй-айхал* – дьолу-соргуну түстээһин, алҕааһын 'благословение и благопожелание' [Там же]. *Уруй-туску* – дьол-соргу, кэрэ кэскил, табыллыы өрөгөйө 'счастье, удача' [БТСЯЯ: 260]. *Уруй* 1. 'возглас, коим выражается мольба о благополучии, заклинание против зла и в то жк время радостное настроение; крик призыва, угрозы, союзный боевой клич; восклицание, которым шаман заключает свой сеанс, на что все собрание в один голос отвечает тем же; крик, которым приманивается скот'. 2. 'счастье' [ПЭК: 3070].

Кэскил – олох инники дьоло, инники туруктаах дьоллоох үтүө олох 'будущее счастье, благополучие; будущее развитие, расцвет'. // Ким эмэ инники анала; төлкө, дьылҕа; кэлэр өттө, инникитэ 'рок, судьба; предназначение; будущее, перспектива' [БТСЯЯ: 569]. В якутском языке также есть выражение *барылы кэскил* (эпитет лесного духа Байаная) 'обильное счастье, многообразный (разнообразный) жребий' [ПЭК: 1063]; үтүө, сырдык, инникилээх кэскил 'большое счастье, счастливое будущее'. *Бардам туту, Барылы кэскил, Баай барыылаах Тойон эһэм! Истэ сэргэҕэлээ, Көрө бүдүлээ!* Өксөкүлээх Өлөксөй. [БТСЯЯ: 280]. *Кэскил* 'предназначение, предопределение, судьба (только благоприятная, добрая, а не злая), жребий, удел, участь, грядущее, будущее, будущность; благо; завет, заповедь, постановление, повеление; учреждения, правила, предприятия о благоустройстве; пример, образец; обеспечение, упрочивание будущности; виды, надежды на будущее' [ПЭК: 1063].

Следующий синоним лексемы *дьол – ыра.* В Большом толковом словаре якутского языка дается следующее определение: 1. ким эмэ туохха эмэ, тугу эрэ онгорорго баҕарыыта, баҕа санаата 'желание чего-л., добиться, что-л., осуществить, устремленность к чему-л., мечта'. 2. *эргэр.* ким эмэ кэлэр кэскилэ эбэтэр кини инники олоҕор буолуохтааҕа 'предсказание или предчувствие *чего-л'*. [БТСЯЯ: 460-461]. В словаре Э.К. Пекарского дается следующее определение: *ыра* 'предчувствие, предрекание, загадывание вперед, оптимистический или пессимистический взгляд на свою судьбу; счастье, лучшая участь; что-то среднее

между понятиями: идея, пожелания, привычка'. *Төлкөнү ыраны оҥоруох тустаах*. (Гадальная ложка) должна определить судьбу-счастье [ПЭК: 3809]. Так, если в словаре Э.К. Пекарского сохранилось значение «счастье», «лучшая участь», то в современном словаре якутского языка осталось только значение «желание», «мечта». Таким образом, произошло сужение сферы употребления этого слова «счастье» в значении «счастье», «лучшая участь» и расширении сферы употребления этого слова в значении «желание», «мечта», «устремленность».

Дьаралык – 1. сырдык, ыраас, кэрэ 2. дьол, соргу [Сивцев 1979: 48]. Лексема *дьаралык* в первом значении означает что-то светлое, чистое, красивое. Второе значение – счастье. В «Большом толковом словаре якутского языка» данная лексема используется в значении: туох эмэ сыдьаана, кэрэтэ, өрөгөйө 'блеск, ореол, прелесть *кого-чего-л'*. [БТСЯЯ: 315]. Так, в современном якутском языке произошло сужение значения данной лексемы. *Дьаралык* 'счастье, удача' [ПЭК: 791].

Сарбааһын (*диал.* Таттинский район) – дьол-соргу 'счастье, удача' [ДСЯЯ:203].

Рассмотренный синонимический ряд позволяет сделать вывод о том, что счастье соотнесено с удачей, судьбой, фортуной, которые наделяют его с такими признаками, как предопределенность, так и непредсказуемость одновременно. Счастье предстает в виде некой высшей силы, которая воздействует на человека.

Синонимический ряд лексемы *сор* ‘несчастье’ представлен следующими единицами:

Муҥ – улахан эрэйи, сору көрүү, эрэйдэнии, санаа оонньоохуна, дууһа эрэйдэниитэ 'сильное физическое или душевное страдание, мука' [БТСЯЯ: 342]. *Муҥ* 'мука, мучение, страдание, страсть, скорбь; затруднение; несчастье, казнь; наказание'. *Муҥ-сор* 'несчастье, несчастье-мучение' [ПЭК: 1625]. *Сор-муҥ* – киһини улаханнык эрэйдиир быһыы, киһи олус эрэйдэнэр, муҥнанар туруга 'страдание, мучение, горе, беда' [БТСЯЯ: 535].

Алдьархай – дьону долгутар улахан иэдээн; ханнык эмэ куһаҕан содуллаах үлүгэрдээх быһылаан 'беда, несчастье, бедствие' [ТСЯЯ: 420]. *Алдьархай*

'разрушение, вред; беспорядок, расстройство; разорение, убыток; погибель, пагуба; зло, беда, опасность, горе (скорбь), напасть; бедствие, несчастье; нищета' [ПЭК: 90].

Эрэй – 1. олоххо улахан кыһалҕа, муҥ-сор, иэдээн, алдьархай 'страдание, мучение, беда, несчастье'. 2. сэниэни, күүһү ылар ыарахан үлэ 'тяжелый, напряженный труд, отнимающий много сил и энергии' [БТСЯЯ: 341]. *Эрэй* 'труд, напряжение, усилие; трудность, затруднение, тягость, утомление, беспокойство, (внутреннее) борение, страдание, мучение, томление, скорбь' [ПЭК: 279].

Эрэй-көлөһүн – ыар үлэнэн буллубут, көлөһүн, күүс-уох түмүгэ 'непосильный, напряженный труд' [БТСЯЯ: 346].

Эрэй-кыһалҕа – тиийиммэт, тугэммэт буолуу, улахан кыһалҕаҕа ылларыы 'страдания, лишения, нужда, нищета' [БТСЯЯ: 346].

Эрэй-муҥ – ыар олоххо эрэйдэнии, араас кыһалҕаны көрсүү 'мучения, жизненные невзгоды, несчастье, горе, беда' [БТСЯЯ: 346].

Эрэй-мускуур – олох көһүтүллэбэтэх өттүттэн кыһалҕата, эрийиитэ 'невзгоды, тяготы, трудности жизни, повороты судьбы' [БТСЯЯ: 346 - 347].

Эрэй-өлүү – иэдээн, алдьархай, күнтэн сүтүү 'несчастье, погибель' [БТСЯЯ: 347].

Эрэй-сор – улахан муҥу көрүү 'несчастье; проклятие' [БТСЯЯ: 347].

Иэдээн – 1. алдьархай, ыарахан түбэлтэ, ыныpык быһылаан 'беда, несчастье, трагедия'. 2. үчүгэйэ суох быһыы, киһи сөбүлээбэт түбэлтэтэ, кыбыстыылаах дьыала 'неприятное событие, неприятность'. 3. туохтан эмэ оһол, дэҥ тахсыыта 'несчастный случай, увечье, травма' [БТСЯЯ: 817]. *Иэдээн-куудаан* – 1. улахан алдьархай, үлүгэр 'большая беда, бедствие'. 2. тиэтэл-ыксал; араллаан-аймалҕан 'спешка; суматоха, суета'. 3. дьиксинии-долгуйуу 'тревога, волнение' [БТСЯЯ: 818]. Из приведенных словарных статей видим, что в современном якутском языке произошло расширение сферы употребления этого слова в значении «беда», «несчастье». *Иэдээн* 'суета, торопливость, тревога, беспокойство, волнение, смятение, возмущение, мятежь, суматоха, безалаберность, шум' [ПЭК: 890].

Кыһалҕа – тиийиммэт-тугэммэт буолуу; эрэй-мунҕ; ыктаран тугу эмэ онорорго күһэллии 'страдания, мучения; нужда, лишения'. [БТСЯЯ: 360]. *Кыһалҕа* 'надобность, нужда, необходимость, потребность; забота, старание; бедность, нужда, лишение, недостаток, крайность' [ПЭК: 1430].

Үлүгэр – ыар түбэлтэ, иэдээн, алдьархай, өлүүлээх-сүтүүлээх, иэдээннээх турук 'беда, горе, несчастье, бедствие, напасть'. *Өлөр төрүөттээх, үлүгэр быалаах* (*өс хоһ*.). *Ким урут турбут улаханнык Дьоллоох олох туһун туойуу. Үйэ тухары үктүөн турбут Үлүгэри үргүтүҥ!* А.Софронов [БТСЯЯ: 433]. *Үлүгэр* 1. 'беда, бедствие, напасть' 2. 'скорбь, искушение; вина, причина, изображение' [ПЭК: 3121].

Оһол – алҕаска, дэҥҥэ эчэйии, өлүү 'несчастный случай; увечье, травма (при несчастном случае)'. *Чугастан оһолго тиийэ чугаһы чуҥнуу сатыыбын.* Өксөкүлээх Өлөксөй. *Киһиэхэ күҥҥэ түөрт уон түөрт оһол сыстар.* А. Софронов. *Үөһэ дойдуттан Үргүөр үргүйбэтин, Аллараа дойдуттан Аргыар аргыйбатын, Орто дойдуттан Оһол таарыйбатын.* П. Ойуунускай [БТСЯЯ: 356]. *Оһол* 1. 'небрежность, внезапность' 2. 'вред, нанесенный по небрежности, нечаянное (неожиданное) несчастье (происшедшее отчасти от небрежности; внезапный случай с худыми последствиями; дорожные несчастные (нечаянные) случаи, оплошности' [ПЭК: 1884].

Если в «Толковом словаре якутского языка» Э.К. Пекарского лексема *былаҕай* имеет значение «нечистый, нечисть», то в «Большом толковом словаре якутского языка» означает: туох эмэ соһуччу иэдээн, алдьархай, куһаҕан буолуута; быстахха өлүү 'несчастье, несчастный случай; неожиданная смерть'. *Мунҕ булсуспатын, Сор солбонуппатын, Алдьархай ааҥнаабатын, Былаҕай былааспатын!* Өксөкүлээх Өлөксөй [БТСЯЯ: 691]. О человеке, умершем неожиданной трагической смертью говорят *былаҕайга былдьаппыт*. Толкование, данное в словаре Э.К. Пекарского подтверждает, что по традиционным представлениям якутов, всякое несчастье случалось под воздействием нечистых сил, злых духов. В современном якутском языке после распада мифологического мышления происходит смена с «влияния нечисти» на «несчастный случай». Лексема *былаҕай* в современном якутском языке используется редко,

употребляется в основном в художественной литературе для художественно-стилистических целей.

Быһылаан – ыар содуллаах түбэлтэ (хол., суолга транспорт саахала); алдьархай, иэдээн 'событие с тяжелыми последствиями, несчастный случай, авария (напр., дорожно-транспортное происшествие)'. *Суолга тахсар быһылааны сэрэтиигэ государственнай автоинспеция үлэһиттэрин сыралаах үлэлэрин чорботон бэлиэтиэххэ наада.* «Кыым» [БТСЯЯ: 770]. *Быһылаан* 'беда; суматоха, жаркая схватка; громкие деяния; расхват' [ПЭК: 638].

Первое значение лексемы *кэнтик* айа кылыытын баайар мас 'палочка или колышек, на который натягивается силок-насторожка самострела'. Но также используется в значении: ким эмэ инники олоҕор, дьылҕатыгар ыар охсуулаах куһаҕан оҥоһуу, өлөр-быстар суол 'роковой случай, бедствие, несчастье, имеющие тяжелые, гибельные последствия в жизни, судьбе *кого-л.'* [БТСЯЯ: 500]. С данной лексемой употребляются следующие выражения: *кэнтиккэ киирэн биэрдэ, угаайыга киирэн биэрдэ* 'попасться на чью-л. уловку, стать жертвой несчастного случая'. *Уу оломун, ойуур ыллыгын оччо аахса, билэ барбат оройукка дылы, онон кэнтиккэ киирэн биэриэн сөп этэ.* Болот Боотур. *Кэнтиккэ оҕунна* – алдьархайга түбэстэ, өлөр өлүүнү көрүстэ 'попасть в большую беду, найти погибель'. *Кэнтиккэ да охтуом буоллар, Кэннибинэн охтуом суоҕа.* П. Ойуунускай. *Кэнтиккэ тэп* – кимиэхэ эмэ куһаҕаны оҥор, өлөр-быстар суолга ас 'причинять *кому-л.* зло, приносить несчастье'. *Дьону кэнтиккэ тэбэр, кэлтэгэй кэскиллиир, үлэтэ суох буолуу алдьархайа өрөбөлүүссүйэ иннинээҕи Саха сиригэр эмиэ баар этэ.* И. Аргунов [Там же]. В словаре Э.К. Пекарского дано только первое значение данной лексемы: 'палочка, тычинка или кол, к которым натягивают конец симки-волоска или волосяного шнурка, прицепленного к малому челаку или к колпачку, надеваемому на самый конец «взвода» и малого челака и удерживающему натянутую тетиву лука-самострела' [ПЭК: 1031].

Өлүү – 1. олох олорон бүтүү, тыыннаах сылдьыы бүтүүтэ 'конец жизни, смерть'. 2. улахан ыарыы, киһи үксэ ыалдьар ыарыыта, сыстыганнаах ыарыы, уһуннук үтүөрбэккэ сылдьар ыарыы 'заразная болезнь, эпидемия'. 3. иэдээн,

алдьархай, сор-муҥ 'беда, горе, несчастье'. 4. күнү-ый хаххалаан көстүбэт буолуута, ыйы сир күнтэн хаххалааһына 'затмение луны, затмение солнца' [БТСЯЯ: 426]. *Өлүү* 1. 'умирание, смерть, гибель, погибель, смертность' 2. 'болезнь, боль; хворь; зараза' 3. 'падежь, чума' 4. 'беда, бедствие, несчастье, вред' [ПЭК: 1938-1939].

Холорук – порывистое, круговое движение ветра, вихрь. В современном якутском языке используется также в переносном значении: киһини долгутар улахан иэдээн, алдьархай 'большая беда, бедствие, несчастье' [БТСЯЯ: 545].

Приведенный синонимический ряд позволяет сделать вывод о том, что несчастье связано с тяжелым, изнурительным трудом, с бедностью, с мучением и страданием, с несчастным случаем, с тяжелыми последствиями, со смертью.

Приведенные синонимические ряды лексем *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’ позволяют определить следующее:

1. Счастье соотнесено с удачей, судьбой, фортуной, несчастье – со страданиями, бедствием, нуждой.
2. Счастье и несчастье обозначают душевное состояние человека: искреннюю удовлетворенность и внутреннее страдание и мучение.
3. Высшая степень счастья – успех и победа, несчастья – погибель, смерть.

2.3. Словообразовательные дериваты лексем *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’

Общеизвестно, что чем важнее для носителей той или иной лингвокультуры концепт, тем большим числом производных обладает актуализатор данного концепта. Понятие «деривация» определяется как «образование новых слов при помощи аффиксов (или посредством дезаффиксации) согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку [Ахманова 1969: 129]. Дериватором называется элемент словообразовательной структуры, представляющий собой конкретное средство, с помощью которого данное производное слово образовано от производящего.

Лексема *дьол* имеет 7 дериватов. Первое производное слово *дьолго* – этиллэр санааны үчүгэй, табыгастаах өттүнэн тоҕооспут диэн сыаналыырга туттуллар 'выражает удовлетворение говорящего по поводу сообщаемого (к счастью)'. *Дьолго, эмээхсин санаата көммүт быһыылаах*. Амма Аччыгыйа. *Бу сылга кинилэр, дьолго,тайах оҕотун өлөрбүттэрэ.* Суорун Омоллоон [БТСЯЯ: 398].

Второе прозводное – *дьоллон* от слова *дьоллоо*: ким эмэ баҕа санаатын толор, туох эмэ үчүгэйинэн аһары астыннар, дуоһут 'удовлетворять, исполнить желание, осчастливить кого-л'. *Ээ, тыаҕа саалана сылдьабын, хара тыа байанайа тугу эмэ дьоллоорой диэн*. Н. Неустроев. *Ийэтэ эргиллэн, сылаас тыына уолун сүүһүгэр биллэр. Ийэ кыайан этиллибэт тапталлаах сымнаҕас сыта уолу уоскутар, үөдэр, дьоллуур.* Амма Аччыгыйа [БТСЯЯ: 399].

Третье производное *дьоллоо:* ким эмэ баҕа санаатын толор, туох эмэ үчүгэйинэн аһары астыннар, дуоһут 'удовлетворять, исполнить желание, осчастливить кого-л'. *«Ээ, тыаҕа саалана сылдьабын, хара тыа байанайа тугу эмэ дьоллоорой диэн».* Н. Неустроев. *Ийэтэ эргиллэн, сылаас тыына уолун сүүһүгэр биллэр. Ийэ кыайан этиллибэт тапталлаах сымнаҕас сыта уолу уоскутар, үөрдэр, дьоллуур.* Амма Аччыгыйа [БТСЯЯ: 399].

Четвертое производное *дьоллоох:* 1. баҕа санаатын сиппит, олоҕунан дуоһуйбут, дьол тосхойбут 'счастливый'. *Уол оҕо дьоллоох* (өс ном.). *Дьоллоох дьоро киэһэ буолла*. Амма Аччыгыйа. *Үүйэлээх Симон бүгүн саамай дьоллоох күннэрэ. Дьоллоох дьоннор туора дьон туох дии саныылларыгар кыһаммат буолаллар эбит.* Л. Попов. *Кэлэр да кэмҥэ биһиги дьоллоох дойдубутугар куһаҕаны санаабыт уокка умайыа, илиитин көтөхпүт иҥиирэ тардыллыа.* Т. Сметанин. 2. баҕа санаа туолбут, туохтан эмэ дуоһуйбут киһи 'счастливый человек'. *Ханнык дьоллоохторго оҕолор сүрэхтэрэ аһыллан биэрэрэ буолуой?* Софрон Данилов. *Өлүү эмээхсин кэллэҕинэ Улуу дьоллоохтор этэллэр: «Биэририм суох эбээт эйиэхэ, Дууһабын биэрбитим норуоппар!»* П. Тобуруокап. *Москваҕа үөрэнэр Чиэс дьоллооххо эрэ тиксэр*. И. Гоголев. [БТСЯЯ: 399].

Пятое производное *дьоллоохтук:* эрэйи-мунҥу, кыһалҕаны билбэккэ, үчүгэйдик, санаабыт курдук 'счастливо, благополучно'. *Дьадаҥы буолан баран,*

дьоллоохтук олордоххо, баай киһи эрэйдэнэн олоорунааҕар ордук. А. Софронов. *Дьон эмиэ элбэхтэр, бары илиилэрин биэрэллэр, дьоллоохтук айаннырга баҕараллар.* Н. Заболойкай. [БТСЯЯ: 399].

Шестое производное *дьол быатыгар:* этиллэр санаа туох эмэ үчүгэйгэ, абыраллаахха төрүөт буолбут диэн саҥарааччы сыһыаннарын көрдөрөр 'выражает, что, по мнению говорящего, то, о чем говорится, стало причиной благополучного, спасительного исхода (к счастью, на счастье)'. Дьол быатыгар, күнүһүн ардаан, сиигирэн, соломо кыайан умайан быстыбат быһылаах [БТСЯЯ: 394].

Седьмое производное *дьоллуон иһин,* которое используется в таком же значении, как и *дьол быатыгар*.

Лексема *сор* имеет пять дериватов: *сорго, сордон, сордоо, сордоо-муҥнаа, сордоох.*

Сорго – саҥарааччы этиллэр санааны баар быһыыга-майгыга куһаҕан содуллаах диэн сыаналыырын көрдөрөр 'выражает субъективную отрицательную оценку высказываемой мысли как неудачного стечения обстоятельств (к несчастью)'. [БТСЯЯ: 532].

Сордон – 1. сору көр, эрэйи, кыһалҕаны бил 'страдать, мучиться, терзаться'. 2. күүскүн, сыраҕын биэрэн туран тугу эмэ гын, оҥор 'делать что-л., прилагая большие усилия'. [БТСЯЯ: 533].

Сордоо – 1. киһини этэ-хаана улаханнык эмсэҕэлиир гына эрэйдээ, муҥнаа 'причинять *кому-л.* сильное физическое страдание, мучить'. 2. кимиэхэ эмэ кини сөбүлээбэтин, тулуйбатын курдук тугу эмэ гын, оҥор 'причинять *кому-л.* неприятности, допекать *кого-л*'. [БТСЯЯ: 534].

Сордоо-муҥнаа – 1. киһини олус дьулааннык, кыыллыы эрэйдээ, накаастаа 'жестоко мучить, пытать *кого-л'*. 2. киһи улаханнык эрэйдэнэрин курдук киниэхэ туох эмэ куһаҕаны, эрэйдээҕи оҥор 'причинять *кому-л.* сильное страдание, мучение'. [БТСЯЯ: 534].

Сордоох – эрэйдээх-кыһалҕалаах; дьоло суох 'причиняющий страдания, мучения; несчастный' [БТСЯЯ: 534].

Так, обзор словообразовательных дериватов лексем *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ позволяет сделать вывод о том, что данные лексемы образуются путем морфологического (аффиксального) способа образования слов. Прилагательные *дьоллоох, сордоох* образованы аффиксальным способом - дьол+лоох, сор+доох. Аффикс – лаах, (-даах,-наах, -таах) может быть приставлен к самым различным именным и глагольным основам. «Слова с этим аффиксом преимущественно употребляются в значении имен прилагательных лишь тогда, когда они выражают понятие, мыслимое как признак или свойство» [ГСЯЛЯ: 163]. Прилагательные *дьоллоох, сордоох* определяют раличные семантические разряды существительных: одушевленных существ, явлений, предметов. Счастливым может быть субъект (*дьоллоох киһи* – счастливый человек), предмет (*дьоллоох таас* ‘счастливый камень, камень, приносящий счастье’), абстрактные понятия (*дьоллоох олох* ‘счастливая жизнь’). С помощью частицы *суох* образуется прилагательное *дьоло суох* ‘несчастливый’. Сочетание частицы *суох* с притяжательным именем рассматривается как аналитическая форма, которая представляет собой одну семантическую единицу. От слова *дьол* образуется модальное слово *дьолго,* от слова *сор – сорго, которые* выражает оценку высказываемой мысли, удовлетворение говорящего по поводу высказываемого: *дьолго, эмээхсин санаата көммүт быһыылаах*. Амма Аччыгыйа. *Күлүүһүн, муҥар, сиэбигэр укта сылдьар.* Ключи свои, к несчастью, он носит в кармане [ГСЯЛЯ: 464]. С помощью аффикса -н образуются глаголы *дьоллон, сордон,* которые приобретают залоговое значение, т.е. обозначаемое ими действие понимается как действие, побуждаемое или вызываемое в результате воздействия другого лица. Наиболее употребительным аффиксом, образующим глаголы действия-состояния от других слов, является аффикс -лаа, которая представляет собой самую производительную форму образования глагола в современном якутском языке. Глагольные реализации концептов ДЬОЛ “СЧАСТЬЕ’-СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ представлены глаголами побудительного залога *дьоллоо, сордоо,* которые образуются с помощью аффикса – лаа (-таа, -даа, -наа). Данные глаголы используются в значении ‘подвергаться действию предмета, находиться в состоянии, вызываемом данным предметом’. С

помощью аффикса -тык образованы наречия *дьоллоохтук* ‘счастливо’, *сордоохтук* ‘несчастливо’, которые определяют действие, указывая его качественный признак.

Таким образом, словообразовательный потенциал лексем *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ определяется использованием различных аффиксов, образующих вышеперечисленные дериваты.

Дефиниционный анализ всех актуализаторов концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском языке позволил составить модель ментального поля лексем *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’, где выделяются ядро и периферия. Ядром концептов являются ключевые слова *дьол* и *сор*, обозначающие концепт в совокупности всех этимологических и современных значений. Ядром концептов являются ключевые слова *дьол* и *сор*, околоядерную зону составляют производные исследуемых лексем: периферийную – синонимичные, аналогичные по своей семантике лексемы, а также лексемы, ограниченные в употреблении, связанные с номинантами исследуемых концептов семантически.

Рис. №1. **Лексико-семантическое поле концепта *дьол* ‘счастье’ в якутском языке**

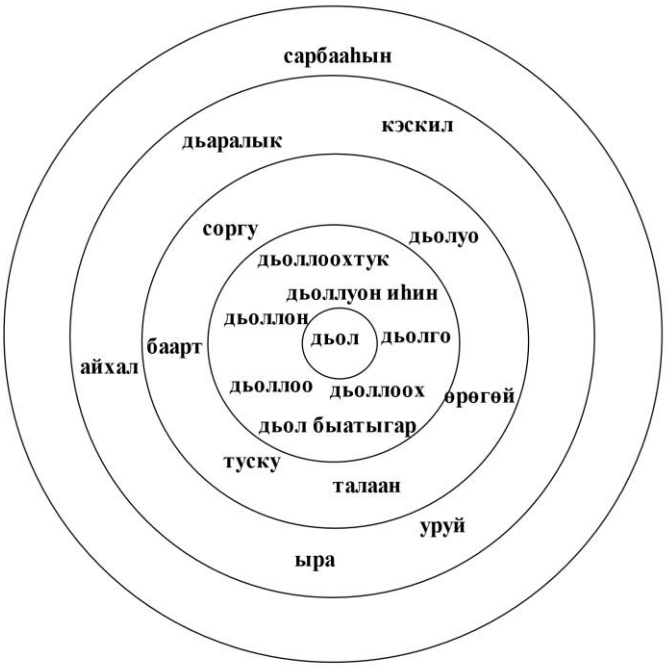
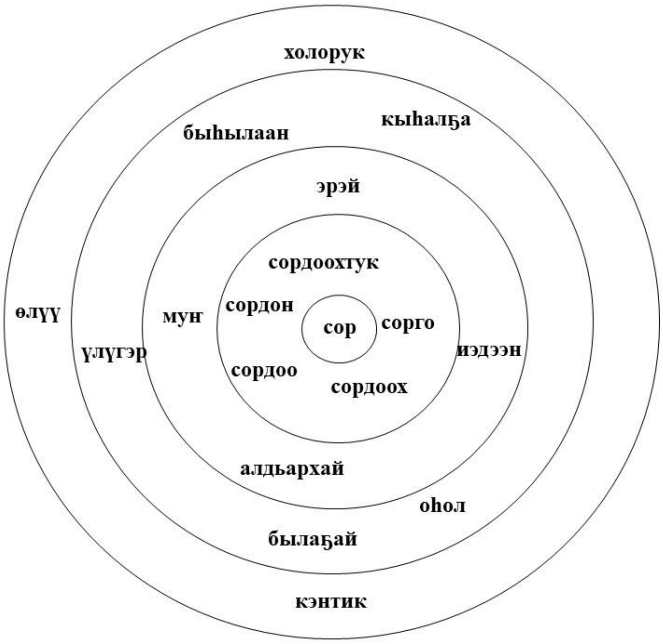


Рис. №2. **Лексико-семантическое поле концепта *сор* ‘несчастье’ в якутском языке**



2.4. Содержание концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ по данным ассоциативного эксперимента

Одним из методов выявления концепта является ассоциативный эксперимент, который позволяет раскрыть языковое сознание носителя языка. Еще Ферденанд де Соссюр указывал на то, что между словами в сознании индивида или языкового коллектива имеются разнообразные ассоциации. Ряд ученых доказали эффективность использования ассоциативного эксперимента как метода выявления концепта [Залевская 1999; Леонтьев 1997; Кубрякова 1994]. По мнению В.П. Белянина, «ассоциативный эксперимент дает возможность построить семантическую структуру слова, служит ценным материалом для изучения психологических эквивалентов семантических полей и вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [Белянин 1999: 25].

Как отмечают ученые, использование ассоциативного эксперимента, позволяет раскрыть связи, которые существуют в концептуальной системе носителей языка, а также получить фрагмент концептсосферы народа, который отражен в сознании носителя языка и культуры. «Для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентации концепта в лексико-семантических системах языка, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта» [Крючкова 2005:23].

Ассоциативный анализ позволяет максимально приблизиться к вербальной памяти народа, к их культурным стереотипам. Ассоциативный эксперимент является одним из самых востребованных методов, который исследует этнические стереотипы, существующие в сознании народов.

По мнению многих авторов (В.А. Маслова 1981; А. Вежбицкая 2001; С.Г. Воркачев 2001; И.А. Стернин 2007) свободный ассоциативный эксперимент должен проводиться в анонимной форме. Когда респондент не указывает в анкетировании свои данные, в частности, фамилию, имя и отчество, он дает более реалистичные данные, нежели чем человек, указавший свое имя, который не может полностью раскрыться.

В нашей работе мы использовали метод свободного ассоциативного эксперимента, когда от испытуемого требуется ответить первым пришедшим в голову словом (реакцией) в ответ на предъявленное слово – стимул. Испытуемым не дается никаких ограничений на словесные реакции. Свободный ассоциативный эксперимент является самым простым из всех ассоциативных экспериментов, и в то же время весьма эффективным.

Свободный ассоциативный эксперимент проводился среди носителей якутского языка, всего приняли участие 569 человек разных возрастов. Для получения объективной и полной картины о признаках изучаемых концептов привлекались респонденты обоих полов разного возраста – от 18 до 90 лет. Как полагают ученые, «более достоверные результаты исследователь может получить

при участии испытуемых, чей возраст варьируется от 17 лет, поскольку, как правило, к этому возрасту окончательно формируется языковое сознание человека и остается неизменным на протяжении всей дальнейшей жизни» [Караулов 1994: 192]. Данный ассоциативный эксперимент заключался в том, что в ответ на предъявление слов-стимулов *дьол* ‘счастье’ – *сор* ‘несчастье’ респонденты должны были привести слова-реакции, вызванные данными стимулами. Зафиксированные реакции на слова-стимулы *дьол* ‘счастье’ – сор ‘несчастье’ составили 5546 реакций.

Рассмотрим подробно реакции носителей якутского языка на слово-стимул *дьол* ‘счастье’. По данным «Ассоциативного словаря якутского языка», размещенного на сайте Новосибирского государственного университета (НГУ) [АСЯЯ], слово-стимул *дьол* ‘счастье’ ассоциируется с *үөрүү* ‘радость’– 311, *соргу* – 92, *таптал* ‘любовь’ – 72, *олох* ‘жизнь’– 64, *оҕо* ‘ребенок’– 49.

Проведенный нами ассоциативный эксперимент показывает, что у носителей якутского языка слово-стимул *дьол* ‘счастье’ вызывает следующие реакции.

Таблица 1. **Частотная характеристика реакций якутов на слово стимул *дьол* ‘счастье’**

Реакции	Количество
дьиэ кэргэн / семья	86,1 %
оҕо / ребенок, дети	81,1 %
доруобуйа / здоровье	80,8 %
баай-дуол / благополучие, деньги	79,7 %
үөрүү / радость	57,6 %
таптал / любовь	43,9 %
ситиһии / достижение	42,1 %
сөбүлүүр үлэ / любимая работа	31,9 %
баҕа санаа туолуута / осуществление мечты	28,9 %
табыллыы / удача	26,7 %
сири-дойдуну көрүү, айан, сырыы/ путешествие	17 %
соргу / счастье	14,7 %
өйдөһүү-өйөһүү / понимание, поддержка	14,3 %
олох олоруу / жизнь	12,1 %
дуоһунаска өрө тахсыы / карьерный рост	11,9 %
үөрэх / образование	10,3 %

дуоһуйуу / удовольствие	8,2 %
олох сайдыыта / развитие общества, улучшение социальных условий	6,3 %
ийэ / мать	5,4 %
кыыс оҕо / дочка	3,6 %
уол оҕо / сын	2,9 %
кэргэн / жена, муж	2,9 %
төрүт дойду / родина	2,8 %
таптыыр киһин / любимый человек	2,6 %
кыайыы/ победа	2,6 %
этэҥҥэ буолуу / жить благополучно	2,4 %
толору / полный	2,2 %
ипотека бүтүүтэ / закрытие ипотеки	1,4 %
эдэр саас / молодость	1,4 %
айылҕаҕа сылдьыы / времяпровождение на природе	1,4%
сырдык / светлый	1,2 %
чугас доҕор / близкий друг	1,2 %
оҕо саас / детство	1,2 %

Таблица 2. **Единичные ответы якутов на слово стимул *дьол* ‘счастье’**

Реакции	Количество
олоххо бэйэҕин булуу / найти свое место в этой жизни	0,5 %
инникигэ тардыһыы / стремление к будущему	0,5 %
көҥүл / свобода	0,5 %
алаһа / родной дом	0,5 %
киэҥ, улахан дьиэ / большой уютный дом	0,5 %
оҕом үрдүк үөрэххэ киирбитэ / поступление ребенка в высшее учебное заведение	0,4 %
лотереяҕа кыайыы / выигрыш в лотерее	0,4 %
сиэн кэлэрэ / появление внуков	0,4 %
күн / солнце	0,3 %
сайын / лето	0,3%
дьиэ-уот / домашний очаг	0,3 %
саҥа күн / новый день	0,3 %
тас дойдуга олоруу / жизнь за границей	0,3 %
ийэм үөрбүт хараҕа / счастливые глаза матери	0,3 %
сылаас / тепло	0,2 %
үтүө быһыы / доброта	0,2 %
эр киһи көмүскэлэ / защита мужчины	0,1 %
таптыыр киһи хараҕа / глаза любимого человека	0,1 %
тоҥ балык сыта / запах свежезамороженной рыбы	0,1 %

чугас дьоннун кытта ыһыахтыы олорор / времяпровождение с родными на ысыахе	0,1 %
чэпчэки олох / легкая жизнь	0,1 %
устудьуонну сылдьар кэм / студенческие годы	0,1 %
өрөгөй / победа, успех	0,1 %
булт / охота	0,1 %
үчүгэй / хороший	0,1 %
тосхойдо / уготовано	0,1 %
мичээр / улыбка	0,1%

Таблица 3. **Характеристика реакций якутов на слово стимул *дьол* ‘счастье’ по возрастным особенностям**

Реакции	От 18 до 35 (196)	От 36 до 55 (190)	От 56 до 89 (183)
	Количество		
дьиэ кэргэн / семья	24,9 %	30,2 %	30,9 %
оҕо / ребенок, дети	20,5 %	30,5 %	29,7 %
доруобуйа / здоровье	21,2 %	28,4 %	31,1 %
баай-дуол / благополучие, деньги	30,2 %	28,6 %	3,5 %
үөрүү / радость	12,4 %	21,7 %	9,6 %
таптал / любовь	22,3 %	12,6 %	7,2 %
ситиһии / достижение	13,7 %	19,5 %	1,2 %
сөбүлүүр үлэ / любимая работа	10,8 %	17,2 %	0,8 %
баҕа санаа туолуута / осуществление мечты	19,1 %	7,5 %	-
табыллыы / удача	13 %	16,8 %	4,7 %
сири-дойдуну көрүү, айан, сырыы/ путешествие	9,1 %	7,5 %	0,3 %
соргу	3,3 %	6,1 %	5,7 %
олох олоруу / жизнь	1,2 %	4,2 %	6,6 %
дуоһунаска өрө тахсыы / карьерный рост	1,9%	7,9%	0,1%
үөрэх / образование	2,8 %	7,2 %	0,3 %
дуоһуйуу / удовольствие	5 %	3,1 %	-
олох сайдыыта / развитие общества, улучшение социальных условий	0,5 %	3,3 %	2,4 %
ийэ / мать	3,3 %	2,1 %	-
кыыс оҕо / дочка	-	1,2 %	2,4 %
уол оҕо / сын	0,1 %	2,8 %	0,1 %

кэргэн / жена, муж	0,7 %	1,9 %	0,3 %
төрүт дойду / родина	0,8 %	0,7 %	1,2 %
таптыыр киһин / любимый человек	1,5 %	0,5 %	0,5%
кыайыы/ победа	1,7 %	0,8 %	-
этэҥҥэ буолуу / жить благополучно	-	0,8 %	1,5 %
толору / полный	0,1 %	1,2 %	0,8 %
ипотека төлөбүрүн сабыы / закрытие ипотеки	-	1,2 %	0,1 %
эдэр саас / молодость	0,1 %	1%	0,1 %
айылҕаҕа сылдьыы / времяпровождение на природе	0,1 %	0,5 %	0,7 %
сырдык / светлое	-	1,2 %	-
чугас доҕор / близкий друг	0,7 %	0,5 %	-

Полученные данные были обработаны и проанализированы с точки зрения частотности слов-ассоциатов. Из данной таблицы видим, что наиболее частотными реакциями на слово стимул *дьол* ‘счастье’ у носителей якутского языка являются: *дьиэ кэргэн* ‘семья’, *оҕо* ‘дети’, *доруобуйа* ‘здоровье’, *баай-дуол* ‘богатство, достаток’, *үөрүү* ‘радость’, *табыллыы* ‘удача’, *таптал* ‘любовь’, *сөбүлүүр үлэ* ‘любимая работа’, *үөрэх* ‘образование’, *ситиһии* ‘достижение’, *сири-дойдуну көрүү* ‘путешествие’. Среди менее распространенных реакций можно выделить такие содержательные признаки счастья как *олоххо бэйэҕин булуу* ‘найти свое место в этом мире’, *көҥүл* ‘свобода’, *инникигэ тардыһыы* ‘стремление к будущему’, *алаһа* ‘родной дом’, *лотереяҕа кыайыы* ‘выигрыш в лотерее’, *сиэн кэлэрэ* ‘появление внуков’, *таптыыр киһи хараҕа* ‘глаза любимого человека’ и др. Счастье среди носителей якутского языка ассоциируется с национальным праздником *ысыах* - *чугас дьоннун кытта ыһыахтыы олорор* ‘времяпровождение с родными на ысыахе’, с *булт* ‘охотой’, что еще раз подтверждает, что несмотря на то, что счастье – понятие универсальное, оно отображает культурно-национальную ментальность народа. Кроме, того счастье ассоциируется у носителей якутского языка с *сайын* ‘лето’, *күн* ‘солнце’, что также, несомненно, связано с условиями жизни якутов на Севере; лето всегда ассоциируется с счастьем, с новой жизнью, с *ысыахом* – с праздником лета (в старину у якутов – новый год), летом, по представлениям

древних якутов, «сами божества *айыы* поворачивались лицом к Среднему миру» [Бравина 2005: 30].

В «Ассоциативном словаре якутского языка» к слово-стимулу *дьол* ‘счастье’ в качестве ассоциата выступает словосочетание *толору дьэдьэннээх иһит* ‘посуда, полная земляникой’ [АСЯЯ].

Счастье ассоциируется у носителей якутского языка как с чем-то конкретным (н-р, *киэҥ, улахан дьиэ* ‘большой уютный дом’, *элбэх харчы* ‘много денег’), так и с чем-то абстрактным (*ситиһии* ‘достижение’, *дуоһуйуу* ‘удовольствие’).

Молодое поколение преимущественно в своих ответах использовали реакции, связывая счастье с такими понятиями как любовь, благополучие, богатство, путешествие, осуществление мечты. Для людей старшего поколения характерны следующие ассоциации, связанные со счастьем: семья, дети, здоровье.

Также мы хотели бы отметить половую идентификацию, так как в зависимости от пола некоторые реакции оказываются более значимыми по сранению с другими, их семантическое наполнение различно. Так, реципиенты женского пола привели большее число разнообразных слов-ассоциатов, чем реципиенты мужского пола. Очевидно, это связано с тем, что современная женщина сегодня не только хранительница домашнего очага, но и преуспевающая в работе женщина, которая и следит за домом, за детьми, и работает, и занимается собой, и путешествует, и находит время для своих увлечений. Так, информанты женского пола в качестве реакций на стимул *дьол* привели следующие слова-ассоциативы: *дьиэ кэргэн* ‘семья’, *оҕо* ‘ребенок’, *соргу* ‘благополучие’, *доруобуйа* ‘здоровье’, *дьиэ* ‘дом’, *таптал* ‘любовь’, *үөрүү* ‘радость’, *бизнес, харчы* ‘деньги’, *айан* ‘путешествие’, *ийэ* ‘мать’, *тосхойдо* ‘уготовано счастье’, *туолла* ‘исполнилось’, *ийэ дойду* ‘родина’, *табыллыы* ‘удача’, *толору* ‘полный’.

У реципиентов мужского пола в качестве реакций наблюдается только именная форма: *дьиэ кэргэн, дьиэ* ‘дом’, *доруобуйа* ‘здоровье’, *харчы* ‘деньги’, *чугас доҕор* ‘близкий друг’.

Негативной оценочности к стимулу *дьол* не выявлено. У мужчин преобладает перцептивное определение, такие как *дьиэ кэргэн* ‘семья’, *үөрүү* ‘радость’,

доруобуйа ‘здоровье’ и др. Женщины в качестве ассоциатов используют оптативно-оценочные определения: *дьол – толору* ‘полный’, *үчүгэй* ‘хороший’.

Наряду с традиционными компонентами счастья (семья, родина, любовь, достаток, здоровье, дружба) информанты включают такие понятия, как путешествие, карьера, материальные достатки. На наш взгляд, такая позиция сложилась под влиянием целого ряда факторов. Среди них наиболее значимыми являются образование, воспитание, основанное на русской и западной культуре, и, конечно, резкие изменения общественного сознания, произошедшие за последние годы в связи с глобализацией, интенсивными межкультурными связями. Современные реалии очень хорошо демонстрирует также еще один ответ – *ипотека бүтүүтэ* ‘закрытие ипотеки’.

Таким образом, счастье характеризуется понятиями нравственного, социального, культурного, материального порядка и являет собой их синтез. В сознании якутов *семья, дети, здоровье, любовь, работа, достаток, деньги, образование, карьера, путешествие, удача, везение* составляют счастье человека.

На слово-стимул *сор* ‘несчастье’ носители якутского языка представили следующие реакции.

Таблица 4. **Частотная характеристика реакций якутов на слово-стимул *сор* ‘несчастье’**

Реакции	Количество
чугас дьонун олохтон барыылара, олохтон барыы / смерть близких, смерть	98,4%
ыарыы / боль, болезнь	95,7 %
оһол / несчастный случай	50 %
алдьархай / беда	45,6 %
эрэй / страдание, мучение	41,1 %
соҕотохсуйуу / одиночество	40 %
сэрии / война	34,7 %
харчы тиийбэтэ / нехватка денег	30,9 %
дьоло суох / несчастливый	27,2 %
иэдээн / беда, неприятность	26,7 %

моһол / препятствие, затруднение	23,5 %
сүтүү / исчезновение, утрата	14,2 %
аймалҕан / тревога	10,5 %
хара, харанҕа / черный, мрак, тьма	7,5 %
киһини көмүү / похороны	6,6 %
бүппэт соруктар / нескончаемые проблемы	5,2 %
хотторуу / поражение	4,9 %
табыллымыы, сатанымыы /неудача	4,5 %
харах уута / слезы	2,9 %

Таблица 5. **Единичные ответы якутов на слово-стимул *сор* ‘несчастье’**

Реакции	Количество
айылҕа кэхтиитэ / увядание природы	0,8 %
дьон куһаҕан сыһыана / плохое отношение окружающих	0,7 %
урууга-аймахха баар кырыыс / родовое проклятие	0,7 %
арахсыы / разлука	0,7 %
дьыбар / мороз	0,5%
дьылҕа ыарахан олоҕу анаабыта / сложная жизнь, предначертанная судьбой	0,5 %
туох эрэ ситэ бүппэккэ состоро сылдьара / незавершенные дела	0,5 %
өстөйүү / питать ненависть	0,4 %
дьулаан / страх	0,3 %
санаа тууйуллуута / депрессия	0,3 %
күнүү / ревность	0,3 %
аччыктааһын / голод	0,2 %
тулаайах / сирота	0,1 %

Таблица 6. ***Х*арактеристика реакций якутов на слово-стимул *сор* ‘несчастье’ по возрастным особенностям**

Реакции	от 18 до 35 (196)	от 36 до 55 (190)	от 56 до 89 (183)
	количество		
чугас дьонун олохтон барыылара, олохтон барыы / смерть близких, смерть	31,8 %	33%	33,5 %
ыарыы / боль, болезнь	31,8%	32,3 %	31,6 %
оһол / несчастные случаи	13%	15%	21,9 %

алдьархай / беда	8,9%	19,6 %	17%
эрэй / страдание, мучение	11 %	14 %	15,9 %
соҕотохсуйуу / одиночество	6,6 %	13,5 %	19,8 %
сэрии / война	10,3 %	11,7 %	12,6 %
харчы тиийбэтэ / нехватка денег	13,7 %	12,1 %	5 %
дьоло суох / несчастливый	9,1 %	8,2 %	9,8 %
иэдээн / беда, неприятность	3,6 %	10,1 %	12,8 %
моһол / препятствие, затруднение	1,7 %	10%	11,7 %
сүтүү / исчезновение, утрата	-	6,6 %	7,5 %
аймалҕан / тревога	1,5 %	4,2 %	4,7 %
хара / черный	2,8 %	4 %	0,7 %
киһини көмүү / похороны	0,3 %	2,2 %	4%
бүппэт соруктар / нескончаемые проблемы	2,1 %	2,4 %	0,7 %
хотторуу / поражение	2,9 %	1,9 %	-
табыллымыы, сатанымыы /неудача	4,5 %	2,1 %	1,5 %
харах уута / слезы	0,1 %	1,7 %	1%

Среди ассоциатов – определений несчастья наиболее распространенными являются реакции, связанные со смертью близкого человека (98,4 %) и болезнью (95,7 %). В менее частотных ассоциатиативных реакциях отражаются эмоции и ощущения, связанные с переживанием несчастья: *эрэй* ‘страдание, мучение’, *соҕотохсуйуу* ‘одиночество’, *дьулаан* ‘страх’ Также включены представления о неудаче, душевные страдания человека и их внешние проявления: *табыллымыы, сатанымыы* ‘неудача’, *харах уута* ‘слезы’. Человек выступает объектом воздействия высших сил, которые могут предначертить ему несчастливую судьбу: *дьылҕа ыарахан олоҕу анаабыта* ‘сложная жизнь, предначертанная судьбой’. Так, в ответах респондентов отражается традиционное представление якутов о том, что счастливая или несчастливая судьба человека зависит от решения высших сил, от доли, наделенной ими при дележе в момент его рождения. Если счастье ассоциируется с *летом*, то несчастье – с *дьыбар* ‘мороз’. Якутия – самый суровый край на планете, освоенный человеком, и это, несомненно, отражается в жизнедеятельности, в мировоззрении, традиционной культуре якутов. Зима

представлялась временем больших испытаний, когда человек мог его просто не пережить.

Несчастье ассоциируется у респондентов с отсутствием чего-либо (счастья, денег): *харчы тиийбэтэ* ‘нехватка денег’, *дьоло суох* ‘несчастливый’. Ассоциативный эксперимент показал также, что значительное количество реакций ассоциативного поля *сор* ‘несчастье’ связано с различными модальностями восприятия: в зрительном плане *сор* ‘несчастье’ – это *хара, хараҥа* ‘мрак, тьма’; вкусовом – *аччыктааһын* ‘голод’.

Ассоциативный эксперимент позволяет выявить некоторые возрастные особенности в восприятии исследуемого концепта. Так, если смерть и болезнь, как самые страшные и трагические явления в жизни человека, находят отражение в ответах респондентов всех возрастов, то некоторые понятия, как *соҕотохсуйуу* ‘одиночество’, *харчы тиийбэтэ* ‘нехватка денег’ имеют некоторые отличия. Одиночество больше характерно для людей в возрасте от 55 до 98 лет, а нехватка денег, наоборот, беспокоит молодых людей (18-35 лет). Понятие *сүтүү* ‘исчезновение, утрата’, как ассоциат к слову несчастье, не встречается в ответах молодых людей, а понятие *хотторуу* ‘поражение’ не входит в ассоциативное поле старшего поколения. Это приводит к мысли, что молодое поколение не сталкивалось еще с таким явлением как утрата в силу их возраста, а поражение не является столь «печальным», «несчастным» событием для людей более старшего возраста.

Представленный ассоциативный анализ концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ отражает, с одной стороны, специфику языкового сознания якутов, особенности выбора языковых средств для раскрытия ассоциативных смыслов, с другой, социальные и культурные установки, различные ценности жизни, стереотипы, сложившиеся в обществе и оказывающее влияние на сознание носителей якутского языка.

Выводы по II главе

Таким образом, в центре лексико-семантического поля концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ в якутском языке лежит базовая лексема, представленная родовой семой *дьол*. А на периферии поля расположены единицы, имеющие интегральное, общее с ядром значение, - синонимы *соргу, туску, дьолуо, уруй, айхал, талаан, өрөгөй, айхал, ыра, баарт, сарбааһын, дьаралык.* В ходе исследования были выделены следующие семантические составляющие концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ в якутском языке: 1. удача, благо; 2. искренняя удовлетворенность от исполнения желания, чувство довольства и радости; 3. благополучие, блаженство, фортуна; 4. доля; 5. светлое будущее; 6. лучшая участь; 7. мечта. От слова *дьол* образуются следующие лексемы: *дьоллоох, дьоллоо, дьолго, дьоллон, дьоллоохтук, дьол быатыгар, дьоллуон иһин*, что доказывает включенность данного концепта в число базовых единиц концептосферы якутского языка.

В центре лексико-семантического поля концепта СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ лежит базовая лексема сор ‘несчастье’, на периферии которого расположены следующие единицы: *эрэй, муҥ, кыһалҕа, алдьархай, иэдээн, быһылаан, оһол, үлүгэр, кэнтик балаҕай, өлүү, холорук.* Выделены следующие семантические составляющие концепта СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’: 1. несчастье, злосчастье; 2. страдание, мучение; 3. горе, беда; 4. неприятность; 5. бедствие, напасть; 6. несчастный случай. От слова *сор* образуются лексемы *сорго, сордоох, сордоо, сордон, сордоохтук.*

Свободный ассоциативный эксперимент характеризуется преобладанием универсальных понятий, таких как семья, дети, здоровье, любовь – для понятия счастье; смерть, болезнь, утрата – для понятия несчастье. В ответах встречаются также национально-специфические составляющие: якутский национальный праздник ысыах, *толору дьэдьэннээх иһит* ‘посуда, полная земляникой’, которые ассоциируются со счастьем.

ГЛАВА III. КОНЦЕПТЫ ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’-СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ ЯКУТОВ

3.1. Репрезентация концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в паремиологических и фразеологических единицах

Данный раздел посвящен анализу паремиологических (ПЕ) и фразеологических единиц (ФЕ), репрезентирующие концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’. Пословицы, поговорки занимают в фонде языка особое место, поскольку отражают менталитет, ценности, традиции, этническую картину мира. «Фразеологизмы, пословицы и поговорки наиболее наглядно демонстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой» [Тер-Минасова 2000: 80]. Пословицы и поговорки представляют большой материал для анализа концептосферы народа, они хранят важнейшие сведения об их древнейших представлениях, ритуалах, обрядах.

Пословица – это «крылатое» слово, поражающее нас своей меткостью, сжатостью и силой. «В пословицах отражается, как в зеркале, все мировоззрение данного народа, его быт, характер, наблюдательность и даже историческое прошлое» [Кулаковский 1945: 4]. «Жанр пословиц якутского народа возник как свод правил, как своего рода неписаный закон, отражающий жизненный опыт народа» [Емельянов 1962: 4]. Пословицы по-якутски называются *өс хоһооно,* поговорки – *өс номоҕо.* «Якутские пословицы, как и пословицы других народов – это краткие народные изречения, обобщающие социально-исторический опыт народа в виде полных, законченных суждений, выводов, поучений. А якутские поговорки – это краткие изречения, образно определяющие предмет и явления по их характерным действиям» [Там же]. Представление якутов о пословицах и поговорках определяет само сочетание двух слов *өс* и *хоһоон*. Слово *өс,* имея общетюркское значение «слово», «речь», также в говоре северных и вилюйских якутов имеет значение «обычай», «правило». Слово *хоһоон* в современном

литературном языке обозначает стихотворение. Таким образом, *өс хоһооно,* если перевести на русский язык, означает «обычай, закрепленный в стихах».

Во фразеологическом фонде репрезентируется языковая картина мира, воплощается культурно-национальное мировоззрение, объективируются этноспецифические представления о явлениях действительности. «Фразеологическая картина мира – это особый когнитивный пласт, зафиксированный в содержании языковых форм (различных устойчивых единиц) ...» [Трахова 2007: 13]. Во фразеологии отражается ценностная картина мира этноса, исторический и духовный опыт языкового коллектива, культурные традиции. По мнению В.А. Масловой, «фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. ... Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [Маслова 2001: 82].

Для анализа особенностей функционирования концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в паремиологической и фразеологической картинах мира привлечены якутские пословицы и поговорки из следующих книг и сборников «Образцы народной литературы якутов. Пословицы и поговорки» И.А. Худякова (1918), «Якутские половицы и поговорки» А.Е. Кулаковского (1945), «Сборник якутских пословиц и поговорок» Н.В. Емельянова (1965), «Очерки по якутскому фольклору» Г.У. Эргис (1974), фразеологизмы – из «Якутско-русского фразеологического словаря» А.Г. Нелунова в 2-х частях (1998, 2002), Большого толкового словаря якутского языка (в 15 т.).

Выборка пословиц и поговорок, репрезентирующих концепт ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’, составило 48 единиц. Пословицы и поговорки мы распределили на несколько групп по присутствию в них исследуемых концептов и их ядерных, околоядерных и периферийных лексем.

Наибольшее число пословиц и поговорок, репрезентирующих концепт ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ в якутском языке, составляют слова с ядерной лексемой **дьол ‘счастье’ -** *көтөр кынаттаах көтөргө, киһи дьолго ананан айыллыбыттар*

‘крылатые для полета, а человек для счастья созданы’; *оҕо – киһи дьоло, эрэлэ* ‘ребенок – счастье и надежда человека’; *уол оҕо дьоллоох, соноҕос ат соргулаах* ‘юноша со счастьем, молодой конь с удачей’; *уол оҕо дьоллоох, таҥара баайдаах* ‘добрый молодец со счастьем, бог с богатством’; *уол оҕо дьоло сир түөрт өттүгэр* ‘у доброго молодца счастье во всех четырех сторонах света’; *хара тыа баайдаах, уол оҕо дьоллоох* ‘черный лес с богатством, а юноша со счастьем’; *төрөөбүтүгэр олорор кыыс дьоло суох буолар* ‘девушка, живущая у родных, не бывает счастлива’*; эдэр киһи эрэйэ – дьоло* ‘для молодого человека трудности – счастье’; *уол оҕо дьоло сир түөрт өттүтүгэр* ‘счастье доброго молодца во всех четырех странах света’; *үтүө тыл – дьол буолар* ‘доброе слово – это счастье’; *дьол сор икки киһини кытта тэҥҥэ сылдьаллар* ‘счастье и несчастье ходят вместе’; *дьол диэн быстах, оҥоруу-ыйаах кытаанах* ‘счастье изменчиво, рок и судьба вечны’; *дьол икки хараҕа суох* ‘счастье слепо на оба глаза’; *тойон кыыл дьоло тосхойбут* ‘ему перепало от удачи орла’; дьол боппууда эбит ‘счастье (у нас) всего с полпуда’; *дьол былыт быыһынан тыган аахар* ‘счастье проглядывает между облаками’; *дьоло суохха сото маһа түбэһиэ диэбиккэ дылы* ‘несчастному достанется мясо с наружной стороны голени, как говорится’; *уол оҕо дьолун туох да билбэт* ‘счастья доброго молодца никто не знает’; *уол оҕо дьоло орто дойдуга, баайа балаадаҕа, көлөһүнэ күн сиригэр* ‘счастье доброго молодца в средней стороны, богатство его в палате, труды его в подсолнечном мире’; *таптал диэн дьол, онтон баай диэн күн кырааската ‘*любовь – это счастье, а богатство – это видимость’; *дьолун тобугунан тоҕо түспүт* ‘свое счастье опрокинул своим коленом’; *ким доҕордоох, ол дьоллоох* ‘у кого есть друг, тот счастлив’; *ким үлэлээх ол дьоллоох,* ‘кто имеет работу, тот счастлив’; *дьоллоох киһи сототунан оонньуур ‘*счастливый человек играет своими голенями’*; дьоллоох тобуга сынньанар ‘*у счастливого отдыхают голени’; *халыҥ баайдаах, суон дьоллоох* ‘с несметным богатством, с огромным счастьем’; *дьоллоох киһи ohox сыбыытыгар түбэһэр* ‘счастливый человек приходит как раз в то время, когда обмазывают камелек (печь)’; *уол оҕо дьоллоох, таҥара баайдаах ‘*добрый день молодец со счастьем, бог с богатством’; *уол оҕо дьоллоох, соноҕос ас соргулаах* ‘юноша – со счастьем, молодой конь – с удачей’*; кыыс оҕо сирэйигэр дьоллоох*

‘счастье девушки в ее лице’; *дьолу таҥара биэрбэт, дьолу былаас биэрэр* ‘счастье не бог дает, власть дает счастье’; *дьол үлэҕэ баар* ‘счастье – в труде’; *үлэ дьол аргыһа* ‘труд – спутник счастья’; *киһи дьоло үлэҕэ* ‘счастье человека – в работе’; *дьол боппууда эбит* ‘счастье всего с полпуда’, *дьолгун холбоо* ‘вступать в брак с *кем-л*., обзавестись семьей’. (*букв.* счастье свое соединить); *дьоло оонньоото* ‘неожиданно большая удача на охоте’ (о стариках к скорой смерти).

Кроме ядерной лексемы *дьол* ‘счастье’, в структуре концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ в якутской лингвокультуре также участвуют такие лексемы из периферийных зон, как *үөрүү* ‘радость’, *ыра* ‘желание’, ‘предсказание’, ‘лучшая участь’, *соргу* ‘благо’, *талаан* ‘счастье, удача’:

үөрүү ‘радость’ *үөрүүтүттэн эдэригэр түспүт* ‘от радости помолодел’; *оҕолоох ыалтан оннооҕор уот иччитэ үөрэр* ‘даже дух огня бывает рад, когда хозяева имеют детей’; *оҕолоох ыалтан оннооҕор уот үөрэр* ‘семье с детьми даже огонь радуется’, *уол оҕо ойдоох бууру охтордоҕуна – үөрэр* ‘добрый молодец только тогда бывает доволен, когда свалит (убьет) лесного великана – сохатого’.

ыра ‘желание’, ‘предсказание’, ‘лучшая участь’ *ыра ырааппат* ‘что напророчишь себе, не заставит долго ждать’; *ыра - ытыска, төлкө - түөскэ* ‘предрекание – уже на ладони, предопределение рока – уже на груди’.

соргу ‘благо’ *сотото да дьоройдор – соргута билиэ* ‘хоть у него и стройные ноги, но дело зависит от счастья’; *соргута көтөҕүннэ* ‘набрался энергии’; *түскэ сөбүлээбит, томторго соргулаабыт* ‘благословил на счастье и повышение’.

талаан ‘счастье, удача’ *үөмнэр да үөннээх, тааллар да талааннаах* ‘хотя с крадущейся походкой, но с червивым характером, хотя и молчаливый, да с удачей’.

дьолуо ‘счастье’ *дьолуо билиэ* ‘все зависит от удачи, счастья’; *илии дьолуота* ‘везение, фортуна, удача (все решит) ’, ‘ловкость рук (решит в решающий момент)’.

Рассмотрим количественное распределение паремиологических единиц в якутском языке (*см. Таблицу 7*).

Таблица 7. **Количественное распределение ПЕ и ФЕ в структуре концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ якутском языке**

	Компонент	*ПЕ и ФЕ*	
		количество	*%*
	дьол ‘счастье’	35	72,9%
	үөрүү ‘радость’	5	10,4%
	соргу ‘благо’	3	6,25%
	ыра ‘желание’, ‘предсказание’, ‘лучшая участь’	2	4,1%
	дьолуо ‘счастье’	2	4,1%
	талаан ‘счастье, удача’	1	2%
	Итого	48	100%

Как показано в таблице 7, наибольшее число компонентов в ПЕ и ФЕ языковой картины мира якутов занимает ядерная лексема *дьол* ‘счастье’ – 35, что составляет 72,9% от общего количества. Наименьшие показатели имеет слово *талаан* ‘счастье, удача’, которое в якутском языке в данном значении употребляется редко. Слово *талаан* в якутском языке имеет три значения: I. 1. айылҕаттан бэриллибит уһулуччу дьоҕур ‘выдающиеся врожденные качества, талант’. 2. айылҕаттан бэриллибит уһулуччулаах дьоҕурдаах киһи ‘человек, обладающий выдающимися врожденными качествами, способностями, талант’. II. дьол-соргу тосхойуута, туохха эмэ табыллыы, сатаныы ‘счастье, удача, везение, желательный исход дела’. III. туох эмэ уу ньуурун хамсатыыта, долгутуута (хол., кус күөлгэ түстэҕинэ үөскээн кэлэн иһэр иилэр, биллэр-биллибэт долгуннар) ‘круги на воде (от соприкосновения чего-л. твердого с ее поверхностью)’. В современном якутском языке слово *талаан* используется в основном в первом значении.

По структуре исследуемые ПЕ И ФЕ разнотипны. Основу составляют односоставные формулы: *үтүө тыл – дьол буолар* ‘доброе слово – это счастье’, *эдэр киһи эрэйэ – дьоло* ‘для молодого человека трудности – счастье’. Двусоставные образуют бинарную оппозицию: *дьол диэн быстах, оҥоруу-ыйаах кытаанах* ‘счастье изменчиво, рок и судьба вечны’, *таптал диэн дьол, онтон баай диэн күн кырааската* ‘любовь – это счастье, а богатство – это видимость’.

Анализ всех ПЕ и ФЕ, репрезентирующих концепт ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’, позволяет сделать вывод, что счастье для народа заключается в:

- детях: *оҕолоох ыалтан онноҕор уот иччитэ үөрэр* ‘даже дух огня бывает рад, когда хозяева имеют детей’; *оҕолоох ыалтан онноҕор уот үөрэр* ‘семье с детьми даже огонь радуется’, *оҕо – киһи дьоло, эрэлэ* ‘ребенок – счастье и надежда человека’, *оҕо - киһи инники кэскилэ* ‘ребенок – это будущее благополучие человека, *оҕото суох олох олох буолбатах* ‘жизнь без ребенка – не жизнь’;
- добром слове: *үтүө тыл – дьол буолар* ‘доброе слово – это счастье’, *үтүө тыл баайдааҕар күндү* ‘доброе слово дороже богатства’;
- дружбе: *ким доҕордоох, ол дьоллоох* ‘у кого есть друг, тот счастлив’;
- труде: *дьол – үлэҕэ* ‘счастье в работе’, *ким үлэлээх ол дьоллоох,* ‘кто имеет работу, тот счастлив’.

Счастье девушки заключается в:

- замужестве: *дьоллоох кыыс төрөөбүтүттэн (ийэтиттэн, аҕатыттан) ыраах эргэ барар* ‘счастливая девушка выходит замуж далеко от родных мест’.
- красоте: *кыыс оҕо сирэйигэр дьоллоох* ‘счастье девушки в ее лице’.

Счастье мужчины заключается в:

- удачной охоте: *уол оҕо ойдоох бууру охтордоҕуна – үөрэр* ‘добрый молодец только тогда бывает доволен, когда свалит (убьет) лесного великана – сохатого’, *уол оҕо ойдоох бууру охтордоҕуна, олоҕо тупсар, арҕахтаах эһэни самнардаҕына, санаата табыллар* ‘житье-бытье доброго молодца тогда ладится, когда он убьет лося-самца, а мечты-желания его тогда сбываются, когда он уничтожит медведя в берлоге’;
- трудностях: *эдэр киһи эрэйэ – дьоло* ‘для молодого человека трудности – счастье’.

Существуют разные способы выражения счастья в зависимости от мировоззрения народа в целом и отдельного человека. Например, в якутском языке существуют следующие фразеологизмы: *күлэн быара быстыбыт* ‘рвать кишки от смеха’, *үөрүүтүттэн ыһыах ыспыт* ‘от радости организовал праздник’, *үөрүүтүттэн халлааҥҥа көтүөх курдук* ‘от радости готов взлететь на небо’, *хараҕа көстүбэт буолуор диэри дьолломмут* ‘так рад, что глаз не видно’, *атаҕа сири билбэт* ‘не чуять ног под собой’.

Рассмотрим ПЕ и ФЕ, репрезентирующие концепт СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском языке. По представлениям якутов счастья не бывает без несчастья. Счастье и несчастье преследуют человека вместе, “рука об руку”: *дьол сор икки киһини кытта тэҥҥэ сылдьаллар* ‘счастье и несчастье ходят вместе’. Употребление этих слов в одном контексте подчеркивает значимость счастья на фоне несчастья. Народным сознанием подчеркивается сочетание в обыденной жизни людей счастья и мучений, несчастий: только испытав несчастья и страдания, человек познает истинное счастье.

Общее количество ПЕ и ФЕ с ядерной лексемой *сор* ‘несчастье’ и его синонимами составило 55 единиц. Лексема *сор*, как было указано выше, имеет значение несчастье, злосчастье, злополучие, бедствие, горе, беда; мучение, страдание, неприятность, и представлено множеством ПЕ И ФЕ. Наибольшее число ПЕ и ФЕ, репрезентирующих концепт СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском языке, составляют слова с ядерной лексемой *сор*:

сор ‘несчастье’ *эрэйи эҥэриттэн, сору сонуттан тутуспут* ‘(он) держится за полу мученья, за шубу горя’, *сор оттооҕор элбэх, муҥ сыыстааҕар элбэх* ‘несчастий больше, чем травинок, мук больше, чем соринок’, *сордоммут-муҥнаммыт киһиэхэ үрүҥ күн да өлбөөдүйэн көстөр* ‘для несчастного горемыки и светлое солнце кажется мутным’, *кырдьар – кырыыс муҥа, сорсуйар – сор муҥа* ‘старость – проклятие, дряхлость – мучение’, *сордоох киһи ырыаһыт буолар* ‘несчастный человек бывает певцом’; *сордоохторго сото маһа түбэһэр, эрэйдээхтэргэ эт маһа түбэһэр* ‘несчастным попадается наружная часть голеней, горемычным попадается верхняя часть мускулов’, *сордоохчо сото уҥуоҕа түбэһэригэр дылы* ‘подобно тому, как горемыке попадает голенная кость’, *сордоохчо сото уҥуоҕа баҕалааҕар дылы* ‘подобно тому, как горемыке коленная часть желанна’, *өлүү быалаах, сор суоллаах* ‘беда имеет повод, несчастье – путь’, *өлүү түбэлтэлээх, сор болдьохтоох* ‘беда ищет случай, несчастье – срок’, *сор суоллаах* ‘несчастный, преследуемый несчастьем’, *сор суолланна* ‘погибать преждевременно (обычно от несчастного случая)’, *сору-муҥу көрөр* ‘испытывать муки, страдания от чего-л.’, *сорун сордоо* ‘мучить *кого-л.*, причинять *кому-л.*

тяжелые страдания’, *сор хаанын сордоо* ‘жестко мучить *кого-л.* (физически или нравственно)’, *тоҕус сорунан (муҥунан)* ‘с горем пополам, с грехом пополам’.

муҥ ‘мучение’ *тот бөҕө муҥнаах, аччык эрэйдээх* ‘пресыщаться значит мучиться, голодать значит страдать’, *муот киһи муҥа суох, халтаҥ киһи хабаана суох* ‘бедный человек беззаботен, голый человек незастенчив’, *муҥнаах муҥнааҕы муҥа суох саныыр* “горемычный горемычного полагает в лучшем состоянии’, *буруолаах буруолааҕы муҥа суох саныыр* ‘владелец очага (имеющий дом) полагает владельца очага (другого) в лучшем состоянии’, *эрэйдээхтэн эрэй арахпат, муҥнаахтан муҥ арахпат* ‘от горемыки не отступает горе, от несчастного не отходит несчастье’, *муҥ маһы кэрийбэт, киһини кэрийэр* ‘горе ходит не по деревьям, а по людям’, *муҥнаах муҥатыйарын таптыыр, эрэйдээх иһиллэтэрин таптыыр* ‘горемыка любит сетовать (на свою судьбу), несчастный любит, чтобы выслушали его’, *муҥнаахтар мустан муоралаабыттарыгар дылы* ‘подобно тому, как горемыки, собравшись, пошли к морю’, *муҥнаахтар мустан «муоралыах» диэбиттэригэр дылы* ‘подобно тому, как несчастные, собравшись, говорили: «отправимся на море»’, *тотор да муҥнаах, аһыыр да эрэйдээх* ‘насытиться – и то мучение, покушать – и то страдание’, *ойоҕо суох – ооҕуй муҥа, эрэ суох эрэй муҥа* ‘не иметь жены – паучья мука, не иметь мужа – горькая мука’.

эрэй ‘страдание’ *эрэйдээхтэн эрэй арахпат, муҥнаахтан муҥ арахпат* ‘от горемыки не отступает горе, от несчастного не отходит несчастье’, *эрэйдээҕи эрэй ситэр, муҥнааҕы муҥ ситэр* ‘горемыку горе догоняет, несчастного несчастье догоняет’, *эрэйи эҥэриттэн, сору сонуттан тутуспут* ‘(он) держится за полу мученья, за шубу горя’, *эрэйдээх этигэс, муҥнаах булугас* ‘горемычный говорлив, бедствующий находчив’, *эрэйдээх эппиэтчит* ‘горемыка находчив при ответе’; *эрэйдээх-буруйдаах киһи санаата дириҥ, киэҥ буолаччы* ‘думы страждущего бывают глубокими, широкими, тот просит’, *муҥнаах муҥатыйарын таптыыр, эрэйдээх иһиллэтэрин таптыыр* ‘горемыка любит сетовать (на свою судьбу), несчастный любит, чтобы выслушали его’, *эрэйдээҕи таҥара аһынар* ‘горемычного бог жалеет’, *сатыыны биэс эрэй туһайар, аттаахтан биир эрэй куотар* ‘пешехода пять бед подстерегает, от всадника одна беда убегает’; *эрэйдээх*

эмэх баһы эргитэр ‘горемыка и гнилое дерево переворачивает’, *байар да эрэйдээх* ‘разбогатеть – и то мучительно’.

кыһалҕа ‘нужда’ *кыһалҕа кыһыл кымньыылаах* ‘у нужды красный кнут’, *кыһалҕа кыһыл талах кымньыылаах* ‘у нужды кнут у краснотала’, *кыһалҕа маһыйара талахтааҕар сытыы* ‘удары нужды чувствительнее ударов лозой’, *кыһыылаах тарбанар, аһыылаах имэринэр, кыһалҕалаах көрдөһөр* ‘у кого зудится, тот чешется, у кого где жгет, тот там гладит, у кого нужда’, *баай киһи кыһалҕата элбэх* ‘у богатого много забот’, *күннээҕи кыһалҕа кыһайар* ‘повседневные заботы одолевают’.

алдьархай ‘беда’ *алдьархайтан ас тахсар, үлүгэртэн үп тахсар* ‘при несчастье бывает пожива, при беде бывают деньги’, *алдьархайтан ас тахсар* ‘из беды (разрушения) получается пища (польза)’, *өлүү өллөйдөөх, алдьархай абырахтаах, сут сулуулаах* ‘горе имеет подспорье, беда – возмездие, голод – отплату’, *атах анныттан абааһы (алдьархай) тахсар* ‘из-под ног черт (беда) выходит’, *атах анныттан алдьархай тахсар, илии анныттан илдьиркэй тахсар* ‘из-под ног беда выходит, из-под рук напасть выходит’, *алдьархай атастаах, сут сулуулаах* ‘беда возместима, бескормица (голодовка) отплачиваема’;

үлүгэр ‘горе’ *өлөр төрүөттээх, үлүгэр быалаах* ‘смерть имеет причину, несчастье имеет повод’.

оһол ‘несчастный случай’ *сыыһар сыыстааҕар элбэх, оһол оттооҕор элбэх* ‘ошибок больше, чем соринок, внезапных несчастий больше, чем травинок’, *сылдьыбыт сыысхала сыыстааҕар элбэх, орто дойду оһоло оттооҕор элбэх* ‘ошибок бывалого человека больше, чем соринок, внезапных несчастий на средней земле больше, чем травинок’.

Таблица 8. **Количественное распределение ПЕ и ФЕ в структуре концепта СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском языке**

	Компонент	*ПЕ и ФЕ*	
		количество	*%*

	сор ‘несчастье’	17	30,9%
	муҥ ‘мучение’	12	21,8%
	эрэй ‘страдание’	11	20%
	алдьархай ‘беда’	6	10,9%
	кыһалҕа ‘нужда’	6	10,9%
	оһол ‘несчастный случай’	2	3,6%
	үлүгэр ‘горе’	1	1,8%
	Итого	55	100%

Как показано в таблице 8, в якутском языке фразеологические и паремиологические единицы, главным компонентом которых является ядерная лексема *сор* ‘несчастье’, составляет 17 единиц. Наименьшее количество пословиц, всего 1 единица, выделено с периферийной лексемой *үлүгэр* ‘горе’. В составе ПЕ и ФЕ, репрезентирующих концепт СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’, наиболее употребительными являются семы: *кырдьыы* ‘старость’, *ойоҕо суох, эрэ суох* ‘не иметь жены, мужа’.

В пословицах и поговорках якутского языка отражены неизбежность и предопределенность счастливых и несчастливых событий в жизни человека: *дьол диэн быстах, оҥоруу-ыйаах кытаанах* ‘счастье изменчиво, рок и судьба вечны’. То есть, счастье человека тем или иным образом зависит от судьбы. В данной пословице заключено представление якутов об определенном фаталистическом воззрении на феномен счастье, ибо в этой жизни божествами судьбы определено предназначение каждого человека. Божества *Дьылҕа Хаан, Чыныс Хаан, Одун Хаан* предопределяли судьбу человека уже при его рождении, записав ее в своих небесных *сурук* – письменах. *Дьылҕа Хаан* или *Таҥхаһыт Дьылҕа Хаан* – бог-распорядитель судьбы человека, вышний царь, во власти коего находится человек, один из верхних богов-братьев, носящих общее имя *Сэттэ-күрэ-дьөһөгөй-айыы* [ПЭК: 880].

В пословицах концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ могут репрезентироваться различными лексемами. Лексема *дьол* ‘счастье’ соотносится с лексемой *күн үтүөтэ* ‘лучшие дни’. Лексема *сор* ‘несчастье’ соотносится с лексемами *алдьархай* ‘беда’, *муҥ* ‘горе’, *эрэй* ‘трудности’, *өлүү* ‘смерть’.

В пословицах о счастье и несчастье представлены характерные для мифологического сознания оппозиции «верх-низ»: *уол оҕо биир күн ат өрөҕөтүгэр, биир күн ат уорҕатыгар* ‘добрый молодец в один день под лошадью, в другой день верхом на лошади’. В русском языке – счастье на коне, бессчастье – под конем. Оппозиция «хорошо/плохо» представлена в пословицах: *куһаҕаннаах үчүгэй кусстуспутунан сылдьаллар* ‘плохое с хорошим ходят в обнимку’, *үчүгэй эмиэ доҕуһуоллаах, куһаҕан эмиэ содуоллаах* ‘хорошее имеет своего сопроводителя, плохое имеет своего последователя’, *алдьархайтан ас тахсар* ‘из беды (разрушения) получается пища (польза)’, *өлүү өллөйдөөх, алдьархай абырахтаах, сут сулуулаах* ‘горе имеет подспорье, беда – возмездие, голод – отплату’ (рус. нет худа без добра).

Несчастье всегда имеет повод: *өлөр төрүөттээх, үлүгэр быалаах* ‘смерть имеет причину, несчастье имеет повод’, *өлүү болдьохтоох, үтүгэн төрүөттээх* ‘несчастье имеет свое время, бедствие имеет свою причину’, *өлүү быалаах, сор суоллаах* ‘беда имеет повод, несчастье – путь’. Так, неудачи и несчастье якуты объясняли сверхъестественным воздействием каких-нибудь предметов или живых существ, нарушением различных табу. Все имеет причину: *тыала суохха мас хамсаабат* ‘даже деревья без ветра не колышутся’.

Беда не приходит просто так: *эрэй эҥиҥнэ үөрэтэр* ‘нужда всему научит’ (рус. нужда научит кузнеца сапоги тачать), *алдьархайтан ас тахсар, үлүгэртэн үп тахсар* ‘при несчастье бывает пожива, при беде бывают деньги’ (рус. после грозы ведро, после гоя радость; где радость, там и горе; где горе, там и радость).

Несчастье олицетворяется с живым существом: оно может ходить, выходить из-под-рук и из-под ног, может учить: *муҥ маһы кэрийбэт, киһини кэрийэр* ‘горе ходит не по деревьям, а по людям’, *муҥ маһы кэрийбэт, икки атахтааҕы кэрийэр* ‘горе ходит не по деревьям, а по двуногим’, *атах анныттан алдьархай тахсар, илии анныттан илдьиркэй тахсар* ‘из-под ног беда выходит, из-под рук напасть выходит’, *эрэй элбэххэ үөрэтэр* ‘трудности учат многому’. Несчастье предстает в виде *абаасы* ‘злого духа’: *атах анныттан абааһы тахсар* ‘из-под ног черт

выходит’, *ынчыктаатар эрэ, абааһы арахпат* ‘только застони, черт не отойдет’ (рус. пришла беда – жди и другой; беда по беде, как по нитке, идет).

Чтобы описать, что чувствует человек, когда сталкивается лицом к лицу с несчастьем, якуты прибегают к метафоризации: *кутуйах түүлэннэҕинэ «ычча» диригэр дылы* ‘подобно тому, как мышь жалуется на холод, когда обрастает шерстью’, *бил баһыттан сытыйарын курдук* ‘подобно тому, как таймень гниет с головы’, *хаххан баһынан куттаабыкка дылы* ‘подобно тому, как пугать (черта) головой филина’, *өлүү суолун нэтээгинэн (эмэҕинэн) бүөлээбиккэ дылы* ‘подобно тому, как перекрыть дорогу в присподнюю шкуркой летяги (куском гнилого дерева)’.

Вера якутов в то, что после ненастья обязательно появится солнце, после черной полосы последует белая заключена в следующей пословице: *мин да ытыспар тураах сыптарыйыа* ‘и на моей ладони оставит ворона свой помет’. И счастливые дни, действительно, настают: *күнүм буолла: күөнэҕим таҕыста, күөрэгэйим ыллаата* ‘настали мои красные денечки: вышла моя рыба, запел мой жаворонок’, *күн-ый быатын туттум* ‘я ухватился уж за скрепы сблица и луны’.

Существуют рекомендации о правилах поведения якутов для сохранения своего счастья. Например, нельзя заранее «предвкушать» счастье: *күөскүн эрдэттэн өрүнүмэ* ‘не ставь на огонь своего горшка прежде времени’ (т.е. прежде чем найдешь, что варить). Так останавливают мечтателя, преждевременно радующегося перспективам еще недостигнутой цели. Зазнайство, высокомерие, самовлюбленность, зависть и привередливость «отнимают» счастье: *сэниэбиккиттэн тотуоҥ* ‘насытишься у того, кого ни во что не ставил’; *киһи киэнигэр баҕарыма – бэйэҥ киэниттэн матыаҥ* ‘не пожелай чужого – своего лишишься’; *баайбын диэн баҕыдыйыма, дьадаҥыбын диэн сэнэнимэ* ‘не гордись, что ты богат, не унывай, что ты беден’; *былаҕын быһа ытаама – былаҥ быстыа суоҕа* ‘не истощай последних сил своих сил слезами – остатки средств к существованию у тебя не выйдут’, *мыынньык оҕо үүтүн тоҕор* ‘дитя, которому кажется, что ему мало дали молока, проливает и это свое молоко’ (смысл: человек, не довольствующийся малым, лишается и этого малого).

Доброта, человечность, верность, скромность, гостеприимность – способствуют к счастью: *уохтаах буору сиэмэ сөбүлүүр, үтүө санаалаах киһини – дьон сөбүлүүр* ‘удобренную почву семя любит, доброго человека народ любит’, *күн курдук көнө санаалаах, ый курдук ыраас өйдөө*х ‘с прямой душой, как солнце, со светлым умом, как луна’, *көрсүө-сэмэй быһыы киһини киэргэтэр* ‘скромность украшает человека’, *үчүгэй майгын – көтөр кынатыҥ* ‘хороший твой нрав – крыло для полета’ и др.

Таким образом, счастье и несчастье характеризуются признаком «предопределенность», «неизбежность». Счастье и несчастье «преследуют» человека всегда вместе. Но вместе с тем человек своим поведением может управлять своей жизнью. Для того, чтобы стать счастливым, человек должен трудиться, не посягаться на чужое, довольствоваться тем, что есть. В несчастливые часы нужно не падать духом и надеяться на лучшее. О счастье надо молчать, поскольку его можно упустить, потерять. Счастье для якутов, по данным рассмотренных пословиц, это иметь детей, верных друзей, счастливым человека может сделать труд и доброе слово, сказанное в его адрес.

3.2. Вербализация концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в песенном дискурсе

Народные песни являются бесценным культурным наследием, основой национальной культуры, ее наиболее важной и самобытной частью. На протяжении многих веков он передавался из уст в уста, от поколения к поколению, в неразрывной связи с жизненным укладом народа. Якутские народные песни, вобрав в себя духовный и практический опыт народа, отразили этические, эстетические представления этноса, его историю, мировоззрение, систему ценностей, менталитет; в них коренится национальное своеобразие народа. Песня, как считает В.И. Карасик, «тип ситуативного общения особенного рода, который насыщен глубинными эмоциональными переживаниями и который выражается в эстетически маркированных языковых знаках путем фасцинативного

(привлекательного для читателя) текста» [2007: 415]. Песня, по мнению якутского исследователя Эргис, — это «душа народа, спутница его жизни, выразительница его дум, чувств, настроений» [1974: 285].

В качестве практического материала использовались якутские песни, извлеченные из сборников «Якутские народные песни» (сост. Эргис Г.У, Емельянов Н.В.) в 4-х частях, а также «Обрядовая поэзия саха (якутов)».

В первом томе «Якутских народных песен» из 42 песен, посвященных природе, родной земле, нами обнаружено 14 единиц с лексемой *дьол* ‘счастье’. В песнях данного цикла функционируют следующие единицы: *дьоллоох* ‘счастливый’, *үөрүү* ‘радость’, *кэскил* ‘счастливая будущность’, *соргу* ‘счастье’.

Отличительной особенностью якутской народной песни является наличие большого числа песен о природе, что связано с ощущением якута себя частью природы. Любовь к Родине считается неотъемлемой чертой якутского национального характера. Якуты воспевают величие и красоту родного края. Только на своей родине якут ощущал себя счастливым.

Бу айыллыбыт аан ийэ дайдыкабыт
Уларыйбат уйгу быйаҥынан оҥоһуллубут,
Кэлбэрийбэт кэтит кэскилинэн тэриллибит,
Аралдьыйбат араҕас илгэнэн айыллыбыт эбит.

Так устроенная изначальная страна
Неизменным постоянным изобилием наделена,
Неизбывным огромным счастьем определена,
Неиссякаемой желтой благодатью одарена.

(Аан дойду айыллыбыт ырыата)

Река Лена, «ставшая украшением широкой Сибири, нанесенная на карту всего мира, записанная в истории великой страны, та, которую полюбили разные племена, к которой с почтением относились люди, благодарность воздавал весь

народ», воспевается в народных песнях, приносит людям счастье. Величину ее, глубину, красоту ее подчеркивают следующие эпитеты: *кэтит быйаҥ кэһиилээх* ‘изобилие щедро дарующая’, *уйгу быйаҥ олохтоох* ‘на беспредельном достатке основанная’, *өрөгөйдөөх-саргылаах* ‘удачливая, счастливая’.

Үгүс киһини үөрпүт,	Этим многим принесла радость,
Элбэх киһини ииппит,	множество людей вскормила,
Эбээн, чукча иитиллибит,	эвены и чукчи кормились,
Ньуучча, саха туһаммыт	русские и якуты получили пользу.

(Өлүөнэ өрүс)

Үгүс элбэх уулаах	С обильными водами,
Өрүкүйэр сүүрүктээх	со вздымающимся течением,
Өрөгөйдөөх-соргулаах	блаженная, счастливая,
Өлүөнэ эбэм барахсан	моя бабушка Лена милая.

(Өлүөнэ өрүс)

«Природа воспевается как источник жизни, она поит и кормит человека, обеспечивает ему благополучие в жизни и радостные чувства восприятия красоты» [Эргис 1974: 301]. В песнях о природе, родной земле, воплощается мечта народа о счастливой и изобильной стране. В песнях о реке Лене, о Вилюе, Татте, Амге описаны не толко пейзаж и красота природы, но и занятия и быт их жителей. Основу счастливой жизни в этих песнях составляют «богатое изобилие», «добрая судьба», «тучная растительность», «жирные телята», «крепкие жеребята», «желтое масло», «играющие-веселящиеся дети» и др.

Наступление лета после долгой суровой зимы, несомненно, является для якутов долгожданным событием, которое приносит счастье и радость. Скот свободно кормится на пастбище, проходят кумысные празднества, на улице тепло и солнечно. Например, в песне «Сайын» («Лето») воспевается родная земля, которая с наступлением лета “принарядилась”, “зацвела”:

Айгыламмыта үһү,	Покрылись, говорят,
дьоллордоох толооннорун	счастливые поля-долины
тоҕус салаалаах локуора күөх ото.	Девятиветвистой зеленой травой-локуорой.

С наступлением лета увеличиваются радость и веселье, люди становятся добрее:

Кэҕэ мааны дьонум кэҕэһэрдээтэ,	Добрые славные люди ободрились,
Оонньуу-күлүк олохсуйда,	Смех и игрище водворились,
Иэхэй-чуохай элбээтэ,	Веселье и радость увеличились,
Уруй-айхал урсуннанна...	Клики ликования раздалися...

(*Сайын*)

В другой песне о наступлении лета счастье приносит людям обильный дождь:

Дорҕооҥ этиҥ дуораһыйда,	Раскаты грома загремели
Толон ардах толоонноох дьоллоото.	Обильный дождь, хлынув, осчастливил.

В песне «Кэҕэ ырыата» («Песня о кукушке») поется о Кукушке, предвестнике лета, воспевающей «счастливую вольную жизнь»:

Итии элгэ эҥэрдээх	Чудесные дни возвращения
Иллэҥ босхо олохтоох	Данного лета, нам несущего
Эриэккэстиир сайыммыт	Теплую животворную влагу,
Эргийээхтиир күннэрин	Счастливую вольную жизнь.

Рассмотрим, как репрезентируется концепт ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ во втором томе данного издания «Песни о труде и быте», включающем в себя 386 песен. Нами

выявлено 32 песни с лексемой *дьол* ‘счастье’. В них находит отражение любовь матери к родным детям, воспевается богиня Иэйэхсит, приносящая людям душу детей. Она через окно вносит оперенную стрелу, душу мальчика, и ножницы, душу девочки. В песне «Иэйэхсит ырыата» («Песня Иэйэхсит») воспевается богиня плодородия Иэйэхсит, благодаря которой «подобно четырехтравому быку порозу» удача заревела, «подобно шеститравому пестрой масти порозу-быку» счастье сопутствовала.

Трогательны и душевны колыбельные песни, в которой мать, ласково называя своего ребенка белым птенчиком, шалунишкой, озорником, изготавливает «кроватку из красного дерева», «печку из светлого серебра»:

Биэлэй-биэлэй чыычаах	Для счастья белого птенчика,
Биэтэҥкэстиирим дьолугар	Шалунишки малого моего
Үрүҥ көмүс оһохтонуом,	Печь из серебра сделаю,
Кыһыл көмүс кырабаттаныам,	Колыбель из золота сотворю.

(Биһик ырыата)

Песня «Чырылык дьолугар» («Для счастья Чырылыка)» посвящена маленькому мальчику по имени Чырылык, которому мать желает счастливую судьбу:

Өлөр-сүтэр үтүөрдүн.	Пусть болезнь-несчастье прекратится.
Чырылыктыыр дьолугар	Чтобы птенчик Чырылык был счастлив,
Дьоллоох туона тубустун.	Пусть удача-счастье всегда сопутствует.

Следующим конмпонентом счастья в данном сборнике выступает удачная охота. Якуты всякую удачу на охоте считают посланием свыше, т.е. данной духом-хозяином леса *Баай Байанай,* который является одним из самых почитаемых духов-покровителей людей Среднего мира. «*Байанай* всегда является охотнику, будь то во сне или наяву, в образе великана преклонных лет в дохе и, вообще, в костюме

охотника. Он очень добрый и великодушный и часто выручает людей от голодной смерти, посылая в критическую минуту какую-нибудь добычу, так что жертвоприношения ему делаются как благодарность за содеянное им благодеяние» [Кулаковский 1979: 35]. Так, на охоте просят у Баай Баяная «лося-самца», «чернобурую лисицу», всех «пробегающих», «убегающих», молят, чтоб удача их настигла. В якутских народных песнях *Баай Байанай* является олицетворением обильного счастья:

Түөстэрин хааннаан,	Груди свои обагрив,
Түһэхтэрин уҥуохтаан,	суставы свои кровью смазав,
Сыһан-соһон намылытан аҕай,	[по земле] волоча, еле таща,
Сүгэн үллэтэн	[как гору] на спину взвалив,
Баай Байанай	С Баай Баянаем,
Барылы кэскил	дающим обильное счастье,
Тойон эһэ	с дедом владыкой [духом охоты]
Аргыстаах иһэллэр!	Не они ли вместе идут!

(Оҕолортон үөрбүт хоһоон)

Мечты о счастливой жизни, о протесте против социальных несправедливостей, неравенства людей поется в песнях о Манчаары, посвятившем себя борьбе с богатыми. В своей «Предсмертной песне» он не оставляет свою надежду и веру в счастливое будущее:

Өлүгүрбүт үрүҥ күн	Когда же воссияет ярко
Өрө тыган тахсан,	потускневшее белое солнце,
Өрөгөйдөөх олох	и счастливой жизни
Үрүҥ кынатын	взмахнет светлое крыло,
Тымтыгын уотун	и лучину (священную)
Туох тутуо баарай?	кто же поддержит?

Третий сборник посвящен песням советского периода. Данный сборник включает 52 песни, в которых мы обнаружили 42 единицы со словом *дьол* ‘счастье’. В советских песенных текстах преобладают патриотические мотивы, воспевающие партию Ленина, коммунизм, труд, благодаря которой родина-мать «подружилась с миром и счастьем», «судьба определилась», «мечта-дума окрылилась»:

Үөрэхпит сайынна,	Вот к такой счастливой жизни
Маннык дьоллоох олоххо	нас приведшую
Барыбытын сирдээн аҕалбыт	великую партию
Улуу партиябын	прославляю-
Уруйдаатаҕым буоллун!	хвалю я!

(Уруй Улуу партияҕа)

Ленин отождествляется с отцом и солнцем, который окрылил могучим учением, привел к счастливой жизни:

Күн аҕабыт улуу Ленин!	Отец-солнце великий Ленин!
Күүстээх үөрэҕинэн кынаттанан,	Окрылил нас могучим учением,
Хаан-уруу коммунист партиям	Родная партия коммунистов
Коммммунизм сырдык ааныгар	К светлым дверям коммунизма
Сирдээн, тэрийэн аҕалла,	Привела нас, вдохновила,
Сир, дойду ньуурун уларытта.	Облик мира-земли изменила.

Все, что принесли Ленин и советская власть, квалифицируется как *дьол* ‘счастье’, үөрүү ‘радость’. В песне «Саҥа олох ырыата» («Песня о новой жизни») поется о завершении несчастливой жизни и о наступлении счастливого времени: *саҥа олох оҥоһулунна* ‘новая жизнь построена’, *турудобуой норуот турда* ‘трудовой народ процветает’, *тойон сололоохтор туорааттылар* ‘господа-тойоны прочь убрались’, *торуоннаахтар тоһуннулар* ‘на троне сидящие провалились’, *тоҥолуйбат олох туругурда* ‘неизменная жизнь здравствует’. В песне «Коммунист

партияҕа» («Коммунистической партии») новая жизнь ассоциируется с желтым маслом (*араҕас арыынан алынна*), густой сметаной (*сөҥ сүөгэйинэн чөллөрүйдэ*). В песне «Уруй улуу партияҕа» («Слава великой партии») встречаются мотивы, связанные с новыми советскими героями: Юрий Гагарин становится героем не только для русского народа, но и, в частности, для якутов: *Юрий Гагарин аан бастаан Космоска тахсыбыт Хорсун хотой буолла. Космонавт летчигы хоодуот сүрэхтээбит Улуу партияҕа Уруй-Айхал буоллун!* (Юрий Гагарин, впервые в космос взлетев, стал отважным орлом. Великой партии нашей, воспитавшей отважного сердцем, бесстрашного летчика-космонавта, уруй-айхал, слава!). Ленин – даритель благ, изобилия и счастья, символ новой жизни, открывший глаза народа на мир: «он жизнь людей осчастливил», «изобилие и счастье дал».

Четвертая часть сборника «Якутские народные песни» посвящена якутским народным поэмам-тойукам. По мнению якутского лингвиста С.А. Новгородова, сочетание обоих слов *ырыа-тойук* означает вообще все поэтическое [1977: 68]. Если *ырыа* – это песня вообще, она может быть и короткой, и длинной, и лирической, и сатирической, то *тойуки*, как правило, объемны и исполняются на традиционные народные мелодии [Якутские народные песни 1983: 7]. В песнях-тойуках мы встречаем красочное описание природы, родной земли, правдивое изображение жилища бедняков, их скудной пищи и одежды, эксплуатацию народных масс и их протест против насилия и произвола богачей и тойонов. Описывается горькая, а зачастую и трагическая, судьба женщин, выданных замуж против их воли, угнетенных, нелюбимых, оторванных от родной земли. В данном сборнике мы нашли всего 10 единиц с лексемой *дьол* ‘счастье’. Так, в песне-тойуке «Суоһалдьыйа Толбонноох» счастье ассоциируется со священным очагом, домашним уютом, несметным богатством, многочисленными стадами, детьми, любимым человеком:

Аҕыс маҥана анныгар	Чтобы посреди восьми столбов- подпорок
Аал уот оттор,	священный очаг развести-разжечь,
Алаһа дьиэ тиирэр,	чтобы домашний уют сотворить-создать,

Бадах баайы байар чтобы несметное богатство нажить,
Атаан күрүөх сүөһү иитэр чтобы многочисленные стада вырастить,
<…>
Модун уйалаах оҕо төрөтүнэр чтобы для крепких колыбелек детей нарожать
–
Отунуох буоламмын… (домашний очаг) зажечь захотел я…

Далее рассмотрим, как репрезентируется концепт СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутских народных песнях. В первой части сборника о природе ядерная лексема сор ‘несчастье’ отсутствует. Только в одной песне «Тыал» («Ветер») присутствует лексема из периферийной зоны: *оһол* ‘несчастный случай’. Несчастье в данной песне складывается из таких понятий, как *сибиэн аймах* ‘призраки злых духов-сибиэн’, *куор-дьай* ‘болезни и недуги’, *күүстээх өлүү* ‘всесильная болезнь’, *өлүү-сүтүү* ‘болезни и погибель’.

Во второй части народных песен, включающих песни о труде и быте, нами найдено 9 лексем *сор* ‘несчастье’, 13 лексем *муҥ* ‘мука’, 17 лексем *эрэй* ‘страдание’, 6 лексем *кыһалҕа ‘нужда’,* 4 лексемы *алдьархай* ‘беда’, 1 лексема *оһол* ‘несчастный случай’. Так, несчастье в анализируемых песнях складывается из следующих составляющих:

- ‘несчастная судьба, душевные страдания’. В данном значении слово *сор* и его синонимы *кыһалҕа* ‘горе’, *алдьархай* ‘беда’ чаще всего встречаются в песнях о женской судьбе. В народных песнях отразилась трагическая судьба девушек, насильно выданных замуж за нелюбимого человека вдали от родной земли и родителей. Душевные переживания девушек, их чувства и внутреннее состояние отражены в этих песнях:

Төрүт кырдьаҕастар Мудрейшие старики
Төлкөлөрүнэн төлкөлөөтүгүт. Участь мою определили.
Ол гынан баран Но все-таки
Сөбүлүүр киһибэр За понравившегося человека

Сүгүннэрбэтигит,	Не отдали меня,
Хайгыыр киһибэр	С приглянувшимся человеком
Ханыылаабатыгыт.	Не соединили меня,
Таптыыр киһибэр	За любимого человека
Таһаарбатыгыт.	Не выдали меня.

(Сүктэр кыыс ырыата)

Девушка страдает, что она родилась женщиной, что ее, словно вещь, или скотину, отдают в нелюбимые руки:

Кыыс буолан	Что я родилась девушкой –
Төрөөбүт кыһалҕам,	Это мое горе,
Дьахтар буолан	Что я родилась женщиной –
Төрөөбүт алдьархайым;	Это моя беда;
Амтаннаах ас курдук	Подобно вкусной еде –
Атыыга ананан,	Предназначена для купли-продажи,
Үтүө сүөһү курдук,	Подобно хорошей скотине –
Сыанаҕа быһыллан бардаҕым.	Отданная за определенную цену, уезжаю.

(Былыргы сүктэр кыыс бырастыыласпыт ырыата)

Далее девушка описывает, какой она должна быть невестой, как должна себя вести: не показываться на передней стороне дома, не глазеть в правую сторону дома, не должна беседовать с людьми и разговаривать с ними тайком, начиная говорить, должна остановиться, ступая ногами, должна шаг придерживать, по скромности должна мало есть, должна быть стеснительной, пугливой, скромной и застенчивой. И в конце, состарившись, она будет вздорить со своими детьми, пререкаться с мужем, за что будет бита, ругаться со своими соседями, будет ворчливой, костлявой, с трясущимися коленями, с дряблым животом, с невнятным голосом «счастливой долгожительницей».

В песне «Дьахтар мунатыйбыт ырыата» («Песня о женской печали») описывается мучительная судьба женщины, избитой, нелюбимой, изнеможденной. Она, будучи девушкой, выходила замуж не за то, что ее будущий муж богат, или известен, не за красоту его, или за большие хоромы, или многочисленные стада и табун лошадей. Она думала, что ее будут любить, что каждыми вечерами будут «разговаривать-мечтать», «каждый день по утрам счастливую жизнь вместе вести», что «друга равного себе нашла». Вместо этого она поет о своей скорбной жизни, о своей несбывшейся мечте:

Тэпсиллиэҕим диэбэтэҕим,	Что будешь истязать – не думала,
Сынньыллыаҕым диэбэтэҕим,	Что будешь избивать – не думала,
Охсуллуоҕум диэбэтэҕим.	Что ударишь меня – не думала.
Хайа айыым иннигэр	За какие же мои погрешения
Хадьыылаах аҕабыыт	Поп, кадилом (размахивая),
Хаһыытаан-ыһыытаан туран	Громогласно крича,
Хаҥыылаабыта буолуоҕай?	Соединил нас (в браке)?

Слово *сор* ‘несчастье’ и его синонимы в значении ‘трагические, печальные события’ встречаются в песнях о классовой борьбе, сражениях и войнах. В песнях отражаются горе, беда, трагическая судьба якутов:

Ийэ сирбит энэлгэнин	За потоки слез матерей,
Биһи истэн турбуппут	За земли опаленной стон,
Фашист күүһүн күрүлгэнин	Враг заплатит кровью своей,
Аан дойдуттан сотуохпут!	Будет мир освобожден!

(Өһүөн ырыата)

Якутские народные песни, описывая трудную жизнь якутов в классовом обществе, учат людей не терять надежду, верить в счастливое будущее:

Дьаданҕылар (сахалар) да барахсаттар	Придет день и бедняги-якуты
Санааларын саҥарыахтара,	Думы свои (вслух) выскажут,
Кырдьыктарын этиэхтэрэ,	Правду свою поведают,
Күөххэ кҕтүөхтэрэ,	На зеленом лугу повеселятся,
Көҥүлгэ көрүлүөхтэрэ.	На свободе попразднуют.

(Ырыа)

Сор ‘несчастье’ в значении ‘бедность, нищета, трудная жизнь’ встречается в песнях на социально-бытовые темы. В них описывается повседневная жизнь якута-бедняка, обреченного работать до самой смерти ради своего пропитания. В песне «Сут ырыата» поется о трудной године, которая многим уничтожила скотину, увеличила убытки, нанесла большие потери. О бедственном годе, из-за которого люди залезли в «неоплатные долги», в «неубывающие проценты», в «контракт-кабалу» поется в песне «Сукка оҕустарбыт киһи ырыата». Трудная, бедная жизнь, потраченная на «жадных богатеев», описывается в песне «Күүлэй ырыата» («Песня о страдной помочи»). Это песня о бедном старике, когда-то лучшем косаре, который надорвал свое здоровье на даровой косьбе сена на богачей и стал инвалидом. Богачи в своих эксплуататорских интересах «заставляли» участников «күүлэй» косить траву за угощение. Старик жалеет, что «не накопил себе богатства знатного», «не взрастил в загонах стадо тучное», что всю свою лишь выполнял чужие наказы, терпя лишения:

Баттал бастыҥа	Большой гнет-притеснение
Манна баар.	вот здесь налицо.
Сор улахана	муки страшные -
Бу буолар эбит.	вот это, оказывается.

В конце песни старик призывает молодых людей не обрекать себя на мучения, не работать на богачей, «силы свои не распылять» («элэҕитин эспэт буолуҥ»).

Еще одна песня «Көмүсчүт мунатыйбыт ырыата» («Жалобная песня золотоискателя») посвящена бедному золотоискателю, сироте, который, попав на золотые прииски, пристрастился к водке и игре в карты, не обзавелся семьей и детьми, и в старости остался одни, так и не найдя своего счастья:

Билигин кэлэн	А теперь
Мин эрэйдээх	я, бедняжка,
Баай туһугар бакыҥнаан,	чтобы жить, не разгибаю колени,
Тот туһугар токуҥнаан,	чтобы жить сытым, сгибаюсь весь,
Турдаҕым ээ, доҕоччуок.	дружочек мой.
<…>	
Билигин мин эрэйдээх	А теперь – я бедняжка
Үтүөм үксүөбэт,	хорошего у меня мало,
Мөкүм мөлтүөбэт киһибин.	А плохое не проходит – таким стал я.

Песня пронизана горечью и тоской, не на кого герою опереться в старости, до самой смерти придется ему «сгибать колени», «гнуть спину», трудиться, пока не сможет найти «хоть одну лепешку»:

Иҥиирим илбирийиэр диэри	До тех пор, пока жилы не износятся,
Иэҕэҥнии туруом,	буду наклоняться из стороны в сторону,
Хааным хараарыар диэри	до тех пор, пока кровь не станет черной,
Хамсаахтыы туоруом.	буду трудиться-двигаться я.

Схожа с судьбами бедняков-батраков «судьба» березы в известной якутской народной песне «Чабычах ырыата» («Песня про берестяную посуду»). В лесу росла «восьмиветвистая, с распускающимися листьями, серебру уподобленная своей светлой наружностью в глубине белоствольной рощи привольно росшая, добрая» береза. Однажды пришел один человек и безжалостно содрал с нее белую кожу – бересту, чтобы сделать из нее красивую посуду. Посуда заняла почетное место в

доме хозяев, получая высокую оценку за «сливки обильные». Но когда посуда становится старой, в нее наливают «кал и мочу болезненного дитя», а затем на старый мусор вынеся, «кинули брезгливо». *Чабычах* в данной песне является олицетворением бедняков-батраков, которые, пока здоровы и полны сил, работают на богачей, а когда становятся немощными, становятся никому не нужными.

Испытывает горечь, досаду и страдание герой песни «Хаартыһыт ырыата» («Песня картежника»). Герой проигрывает в карты и спускает все свое имущество, все достояние «нажитое черным обильным потом», разорил «родной, золотой дом», карты привели его ко многим страданиям:

Хаарыан аҕастарым ааккытыгар
Харалыйбыт хара көлөһүммүн
Харыстаабакка хастыы таҕыстым аҕай ини.

Ради достойных сожаления старших сестер
Достояние, нажитое обильным черным потом
Не жалея, промотал изрядно я.

Несчастье в значении ‘неразделенная любовь’ встречается в песнях о любви. В них поется о страданиях, мучениях девушки, которая считает себя некрасивой и недостойной любви, и боится даже влюбиться:

Биһигинниги ити бэйэлээх баҕадьы	Как на нас такая уродина
Утары көрдөҕө диэн	Заглядеться посмела – думая,
Хоһулуу саныаххыт,	Вы осудите меня,
Хоргута майгыланыаххыт.	Обижаться станете.

(Таптал ырыата)

Встречаются песни об обманутой любви. В ней передаются чувства девушки, которая поверила в молодого человека, в его любовь, но осталась одна, покинутая:

Түүнэри-күннэри	Днем и ночью,
Саныырбар, санааргыырбар	О нем думая, печалясь,
Сырдыгы көрбөккө,	Света (божьего) не видя,
Хараҥанан эргийэн	В темноте блуждая,
Хааллым ини, оҕолоор!	Осталась я, ребята!

(Кыыс уолу ахтара)

В третьей части, посвященной песням советского периода, мы нашли всего 4 лексемы *сор* ‘несчастье’, 5 лексем *эрэй* ‘страдание’, 2 лексемы *муҥ* ‘мука’. Это связано с тем, что якутские народные песни о советском периоде, в основном посвящены воспеванию партии Ленина, коммунизму, патриотизму и носят положительный характер. Лексемы *сор* ‘несчастье’ и *эрэй* ‘страдание’ встречаются в песнях, в которых поется о конце тяжелой, бедной жизни и начале светлого будущего. Лексемы *сор* ‘несчастье’, *муҥ* ‘мука’ олицетворяются со словом война. Война в одноименной песне («Сэрии») предстает в виде страшной силы, которая плодит горе и муки. Эпитеты *быһылааннаах* ‘разрушительная’, *былдьаһыктаах* ‘напряженная’, *сэймэктэһиилээх* ‘кровавая’, *сиһиктиһиилээх* ‘смертоносная’ подчеркивают все ужасы и жестокость войны, ни в рассказах, ни в легендах неслышанной, ни в олонхо, ни в сказках невоспетой:

Быйылгы сэрии курдук	Кровавая, смертоносная,
Сэймэктэһиилээх, сиһиктэһиилээх	война ныне разразилась,
Сэриини истэ илигим...	раньше про такую войну я не слыхал...

В якутских народных песнях досоветский период называется мучительным веком, а советский период воспевается как счастливое время, время, когда проложена новая дорога, «путевая дорога расширилась, езда убыстрилась». В следующей песне «Уруй улуу партияҕа» («Слава великой партии») трудная

досоветская жизнь сравнивается с злобной смертью, называется веком угнетения и насилия:

Өһөгөйдөөх өлүү эркиннээх,	Злобной смертью окруженный,
Өксөкү бэлиэлээх	треглавым орлом отмеченный,
Үтүргэннээх үйэни	век угнетений-насилья
Баттаһа төрөөммүн	застав, родилась я -
Бакыйа кырдьыбытым.	Потому согнулась-состарилась.

Только после Октябрьской революции люди «вышли из нужды-горя» (*кыра-хара дьон кыһалҕаттан тахсан*), «светлые очи-взоры свои наконец кверху подняли» (*үрүҥ харахпытын өрө көрбүппүт*).

Четвертая часть посвящена якутским народным поэмам-тойукам. В данных произведениях представлены 7 лексем *сор* ‘несчастье’, 8 лексем *эрэй* ‘страдание’. О несчастной женской доле поется в песне «Суоһалдьыйа Толбонноох», славившейся своей красотой и трагически покончившей собой. Вся атмосфера данной песни пронизана страданием, печалью и тоской:

Кэскилбин кэччэрэппит	Мое счастье загасившие,
Ийэлээх аҕам буолуохтара,	Мою будущность сгубившие,
Эйиигиттэн атыҥҥа	Конечно, мои мать с отцом.
Холбоһор санаам суоҕа,	Кроме тебя одного ни с кем другим
Сор бөҕөнү состум,	Соединиться желания не было
Ыарахан өлүүгэ ыллардым	Потому муки-страдания несу я,
Санаа бөҕөбө сабардаттым	На ужасную гибель себя обрекая.

В песне о Николае Дорогунове «Дойду оҕото Ньукулай Дорогуунап» («Дитя долины писарь Дорогунов») мы видим «несчастливые моменты» в жизни главного героя. В песне обстоятельно описывается приезд главного героя Николая Дорогунова в город, его встреча с городскими жуликами, проигрыш в картах, психологическое состояние героя:

О, тамат оҕолоор! О, горе-досада мне, ребятушки!
Хаартыга сүүттэрбиппин, В карты проигрался оказывается,
Туох баар малбыттан арахсыбыппын, Со всеми своими товарами распрощался,
Баркылаах ырбаахынан эрэ хаалбыппын. Лишь в одном исподнем остался.

Особое место в песенном дискурсе якутов принадлежит песням-благопожеланиям – *алгыс. Алгыс* – поэтические произведения, сопровождающие большую часть традиционных обрядов якутов. *Алгыс* – 1. благословение, благопожелание, доброжелательство 2. хваление, заклинание, моление [ПЭК: 76]. *Алгыс* – «произведения устно-поэтического творчества саха (якутов), являющиеся составной частью традиционных обрядов, шаманских камланий, созданные на основе мифологических воззрений народа и направленные для просьбы, умилостивления как светлых, так и тёмных сил всех трёх миров: верхнего, срединного, нижнего» [Ефимова 2013: 3]. *Алгыс* читали *алгысчыты* (*букв.* «заклинатель», «благопожелатель»), хорошо знавшие традиции обрядов. С песнями-благопожеланиями обращались к божестам *айыы*, которые, по представлениям якутов, приносили счастье и благополучие, к духам хозяевам *иччи*, у которых просили различные блага: защиты скота и детей, заботы о приумножении богатства и потомства, избавления от разных бед и несчастий, удачи, защиты от козней злых духов. Исполнение *алгыс* также сопровождалось движениями *битии* – поочередным взмахом правой и левой рукой перед лицом, которым как бы притягивали к себе счастье, благополучие, ниспосланное божествами-*айыы*. «Такие попеременные взмахи руками перед собой в далеком прошлом якуты называли *уруйдаан ыллыы* (привлечь, притянуть к себе ниспосланное божествами добро с возгласами "Уруй"!)» [Обрядовая поэзия 2003: 53].

Многочисленные произведения обрядовой поэзии исполнялись в обрядах, связанных с охотой и рыболовством. Охотники обращались к духу-хозяину леса *Баай Байанай* с просьбой быть благосклонными к ним, даровать удачу или

сохранить ее, избавить от неудач и щедро наделить добычей. Всего представлено 12 заклинаний охотников.

Баай Байанай	Баай Байанай
Баттах саҕынньах оҕонньор!	В меховой дохе старик!
Ардай Аһыылааххыттан	Из остроклыкастых своих,
Бодоҥноох тиистээххиттэн,	Из зубастых своих, наносящих боль,
Буомнаах атахтааххыттан,	Из быстроногих, преграждающих путь,
Дьороҕоно сотолооххуттан,	Из длинноголенных своих
Дьэ, ууран-тутан кулу!	Ну же, задержав-схватив, дай нам!

(Байанайы ыҥырыы)

С просьбой послать удачу-счастье, «предназначить предназначение», «предначертать предначертание», «предопределить предопределение» обращается охотник к духу-хозяину насторожек-самострелов *Эчэнэ Мэргэн* в песне «Булчут билгэтэ» («Гадание охотника»). В следующем заклинании «Байанай алгыһа» («Заклинание Байаная») дух-хозяин леса *Баай Байанай* дарует якутским охотникам «легкую руку» («салыҥнаах ытыстаабытын»), «удачу на промысле» (хааннаах уллуҥахтаабытын»), посвящает их «в тайны охоты», как только получает душу («булчукка уһуйбутун сүр кута үөскүөҕүттэн»).

С заклинаниями обращались также к духу-хозяевам озер и рек, от которых зависела удача на рыбалке. В сборнике представлены 10 песен-заклинаний рыбаков, посвященных духам-хозяевам *иччи*. Так, в песне «Дириҥ далай иччитин алгыһа» («Заклинание духа-хозяйки глубокой воды») заклинатель просит духов-хозяев «глубокой большой воды *Чэлгийэ Баай Иэйэхсит, Тэтэрэ Баай Айыыһыт, Тойон Эриэхийэ Баай*» смилостивиться и отправить ему «карасиков, еще не метавших икры»:

Иэдьэгэй искэхтээххиттэн	Густоикристых своих
Илиис долгун	На поверхность
Иэнин үрдүгэр	Спокойных волн

Элбэх үлүгэрдэ	Изобильно-обильно
Иэтэн таһаар эрэ, эбэкээм!	Охотно взметывай же, моя бабушка!
Үөскүүр куралай балыккыттан	Отметавших икру своих рыб
Үрүмэ долгунуҥ үрдүгэр	На поверхность пенистых волн
Үс саха өлбөт дьолугар	Для бессмертия и счастья всех якутов
Үүрэн таһаар эрэ!	Обильно выбрасывай же!

9 песен посвящены духу-хозяину домашнего очага, защитнику семьи и рода от козней злых духов, от беды и несчастья. В песне «Уот алгыһа» («Заклинание огня») заклинатель, описывая мощь и величие огня, сравнивая искры его с «головой трехлетнего жеребца», жар его, доходящий до «нижних восьми племен», пламень его, воспламенившийся до «трехслойного высокого белого неба», обращается к духу-хозяину домашнего очага с просьбой защитить его и его потомков от несчастий и злых духов:

Ороху бэйэлээхтэрбин
Уокайдаан турар буолуохтарыгар дылы
Уурайбат уһун уйгуну,
Быстыбат быдан быйаҥы,
Кэйбэлдьибэт кэтит кэскили биэрэ тур.

Поздним моим детям
До из возмужания
Беспредельно долгое изобилие,
Непрерывно возрастающее богатство,
Прочное счастливое будущее обеспечивай.

К песням-благопожеланиям относятся свадебные заклинания и благопожелания (10 песен), в которых желают будущим супругам стать хозяевами благодатного дома, заботливыми родителями, владельцами многочисленного скота, чтоб злокозненные силы миновали их:

Аал уоту оттон,	Священный огонь разведя,
Алаһа дьиэни тиирэн,	Уютный дом обустроив,
Ааспыты аһатан,	Голодного питая,
Тоҥмуту ириэрэн,	Замерзшего обогревая,
Тутайбыты салҕаан,	Сирому помогая,
Уйалаах оҕону төрөтөн,	Детей в колыбельках народив,
Уол улууһу уһатаҥҥыт,	Десять улусов размножив,
Күрүөлээх сүөһэни иитэн,	Скота в изгороди наплодив,
Олорон көрүн дуу ньии...	Живите вот...

Как отмечали выше, во время проведения ысыаха, якутского национального праздника, «дня благословения», якуты «выпрашивали» счастье. В благопожеланиях и заклинаниях просят у верхних божеств *быстыбат быйаҥы* ‘неиссякающего изобилия’, *тохтубат дьолу* ‘непроливающегося счастья’, *уруйу-тускулу* ‘счастливую долю’, *самнан түспэт саргыны* ‘непоколебимую долю’, *тохтон түспэт дьолу* ‘полное счастье’, *оройугар толкуйдаах, уһугар атахтаах, уордаах уол оҕону* ‘с разумом на темени, с ногами на конце тела, бойких детей-мальчиков’, *кыыдааннаах кыыс оҕону* ‘крикливых детей-девочек’.

Алгысам противопоставлены *кырыыс* ‘проклятия’, основная функция которых заключается в том, чтобы нанести вред проклинаемому, наслать на него бедствия, несчастье. Если *алгыс* – самое «этикетное» в корпусе речевых формул, то *кырыыс* – применяется в «антиэтикетных» ситуациях: при несоблюдении обычаев предков, оскорблении чести, нарушении клятвы [Романова 1994: 97]. Как отмечает Р.И. Бравина, *алгыс* «программирует счастливое будущее», а *кырыыс* направлен на разрушение этого будущего [2005: 142].

Якутским проклятиям *кырыыс* посвящена статья С.Д. Мухоплевой [1991]. К помощи песенной магии, как отмечает С.Д. Мухоплева, прибегала женщина, обманутая мужчиной («Песня огорченной женщины»). «Она, изображая историю смерти, которую желает человеку, обесчестившему ее, полна уверенности в том,

что она станет жертвой песни-кырыыс, направленной против него» [1991: 119]. Существовало поверье, «если кто-нибудь "кэбилээн туойдаҕына", т.е. «вызовет, накличет злую участь на кого-нибудь, поставивши его в дурное положение, которое является как бы прообразом последуещей худшей участи» [ПЭК: 1000], то в будущем человека ждет описанная злая доля» [Мухоплева 1991: 120]. Далее С.Д. Мухоплева описывает структуру данной песни: зачин, основная часть, концовка. Зачин представляет собой монолог-повествование, где героиня рассказывает об истории своего знакомства и разлуки с ним, о том, как она ждала его, завершается описанием прибытия человека, сообщающего ей весть о гибели любимого. Три желаемых явления описываются в песне: болезнь любимого, его смерть и превращение его духа в *үөр* (душа покойника, почему-либо не нашедшая успокоения и причиняющая оставшимся в живых различные беспокойства; дух, наводящий на людей всякие несчастья и болезни; существо, появляющееся после чьей-либо смерти и выдающее себя за умершего человека, за его душу (кут) [ПЭК: 3146-3147]. События описываются в прошедшем времени от имени третьего лица, прибывшего человека, т.е. желаемый результат (смерть врага) изображается как свершившийся факт [Мухоплева 1991: 119-120].

С.Д. Мухоплева приводит следующий пример песенного проклятия, датированного 1924 г:

Күн кыыһа буоламмын	То, что я прометала
Көмүс сүүтүкпүнэн,	золотым своим наперстком,
Күөгэйэн олорон,	превратившись в дочь Солнца,
Көтүөлээн биэрбитим,	сидя изогнувшись,
Көстүүбэт кыыһа,	да распорется
Көтүөлээбитэ буолан,	не минуя и дня,
Күнүккүн толордубуна,	став стежкой
Көтүллэн түһүөхтүн;	дочери Невидимого;
Айыы кыыһа буоламмын	То, что я сметала
Алтан сүүтүкпүнэн	серебряным своим наперстком,

Ардайдаан биэрбитим,	превратившись в дочь Айыы,
Арбаҕай баттахтаах	да разорвется
Адьарай кыыһа	в середине твоего пути,
Ардайдаабыта буолан,	став наметкой
Айанын суолун ортотугар	дочери Адьарай
Арааттана иһиэхтин!	со всклоченными волосами!
Нуобай Сибииргэ	В новой Сибири
Тоҥ буорунан дурдаланаар,	устройся в шалаше из мерзлой земли,
Хара арыы	Укрой свои глаза
Хара буорунан	черной землей
Хараххын халхаланаар!	Черного острова!
Уһун оҥуоҕуҥ	Да найдут твои длинные кости
Улуу муораҕа уйаланнын,	убежище в великом море,
Сүмэ оҥуоҕун	Да твои трубчатые кости
Сүҥкэн байҕалга сөҥтүн,	осядут в великом Байкале.
Кыра оҥуоҕуҥ	Да твои мелкие кости
Кыраай муораҕа кыстаннын!	сложатся в далеком море! [Мухоплева 1991: 126].

Так, обиженная женщина в настоящей песне желает смерти бывшему возлюбленному, а именно стать утопленником. В следующей песне-*кырыыс* «Проклятие Симона» говорится о двух братьях, старшем и младшем. Младший брат Дмитрий отказывается исполнить требование старшего брата Симона – угостить его четвертой бутылкой спиртного. Симон начинает сердиться, заявляя, что как младший брат, он обязан его слушаться. Между братьями завязывается спор, который заканчивается магическим действием и проклятием Симона: «Тогда Симон выхватывает шапку брата и совершает над ней магическое действо: бросает ее перед огнем вверх дном, наступает и плюет на нее три раза. После этого приступает к исполнению проклятия-кырыыс» [Там же: 127]:

Бу мин	Вот так, как я
Бэргэсэҕин тэппитим курдук,	потоптал твою шапку,
Бэйэн тэпсиллэн хаал.	Будь ты сам растоптан [Там же].

Необходимо отметить, что шапка пользовалась к якутов «большим почетом, соблюдалось табу на нее: запрещалось надевать шапку задом наперед, вертеть в ее руках, класть на стол. Кража шапки равнялась убийству владельца шапки» [Худяков 1969: 120]. В песне Симон обращается к духу-хозяйке земли, духу огня, верхним и нижним божествам с просьбой наказать младшего брата, который ослушался его, «много мнит», «поступает наперекор», «несмотря на то, что он его вырастил», «не оказывает должного внимания ему», «не стало равного ему в Среднем мире». Духу-хозяйке земли велит не благословлять: «колыбель рождаемого им ребенка, изгородь разводимого им скота и судьбу его самого». «Духа огня просит, чтобы он спустился и превратил его в заурядную личность, 27 племенам велит подняться и унизить его. Дочерям и сыновьям Босол Тойона приказывает создавать ему препятствия везде и всюду» [Там же: 128-129].

Р.И. Бравина приводит в пример текст старинного проклятия, где проклинающий желает своему обидчику и его детям следующие бедствия: «чтоб стал горбатым и собирал мусор с земли», «пусть ослепнут на оба глаза его семеро сыновей», «пусть на них нападет французская болезнь, вследствие чего отвалятся нос и губы…», «то, что его сыновья мечтали жениться на прекрасных женщинах, обернется тем, что в их объятиях окажутся хитрые, лживые, похотливые Кудьунса девы», «пусть от них родятся имеющие глаза на макушке, рот на груди дети-уроды», «то, что нажили воровством, пусть уничтожится пожаром, улетучится вихрем, покроется червями и гадами и т.д» [2005: 144-145]. Проклятие завершается описанием того, каким образом предстоит умереть объекту *кырыыс*: «Юрдюк Сёксё, молодец, после гибели своих сыновей и дочерей, пусть тебе желанны будут штаны из шкуры замерзшего теленка, необходима будет выброшенная в мусор худая одежда. Так, мучаясь, выпроваживаемый из девяти семей, умрешь от холода и голода» [Там же: 145].

Рассмотренные примеры песен *алгыс* ‘благопожеланий’ и *кырыыс* ‘проклятий’ позволяют сделать следующие выводы: *дьол* ‘счастье’ складывается из следующих понятий: удачная охота, потомство, изобилие, богатство, уютный дом, обилие конного рогатого скота. *Сор* ‘несчастье’ – отсутствие всех этих компонентов, а также смерть, бедствия, препятствия. Так, благопожелания являются бинарной оппозицией по отношению к проклятиям. Их бинарность характеризуется контрастирующими понятиями (счастье – несчастье, жизнь – смерть, изобилие – нищета, здоровье – болезнь, потомство – бесплодие и др.). Вместе с тем благопожелания и проклятия имеют общие признаки: они прогнозируют будущее, *алгыс* – в положительном, *кырыыс* – в отрицательном, а также связаны с одними и теми же поверьями и способами достижения цели.

Таким образом, анализ особенностей репрезентации концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском песенном дискурсе показал следующее:

1. В дискурсе народных песен присутствуют ядерные лексемы *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’, а также лексемы из околоядерной, периферийной зон. Счастье в песнях связано с наступлением лета, потомством, родиной, удачной охотой. В советских песнях счастье связано с партией Ленина, коммунизмом, «новой властью». Несчастье складывается из таких составляющих, как несчастная судьба, душевные страдания, трагические, печальные события, бедность, нищета, трудная жизнь, неразделенная любовь.

2. В народных песнях советского периода с лексемой *дьол* ‘счастье’ образовались словосочетания, несвойственные для якутской лингвокультуры: *дьоллоох олох* ‘счастливая жизнь’, *сырдык аан* ‘светлые двери’, *дьоллоох көрдөһүү* ‘счастливая мольба’, которые являются калькированными переводами с русского языка.

3. Тексты *алгыс* и *кырыыс*, представляющие собой бинарную оппозицию, наиболее ярко и четко репрезентируют концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутской лингвокультуре.

3.3. Концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в художественных произведениях

Осмысление концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ художественным сознанием якутских классиков, на наш взгляд, также в достаточной степени отражает осмысление данных концептов в целом народным сознанием.

Удачная охота, счастливый брак, дети, крепкое здоровье являются главными составляющими счастья. В романе Далана «Тулаайах оҕо» маленький мальчик Нюрбачан спрашивает у своей бабушки, что такое счастье. Бабушка, немного поразмыслив, отвечает, что счастье заключается в удачной охоте, в браке, детях, в крепком здоровье: *Дьоллоох киһиэхэ булт тосхойон биэрэр, үчүгэй кэргэҥҥэ түбэһэр, оҕолонор-уруулланар. Сааһын тухары ыалдьыбакка-сүппэккэ быр-баайчытык олорор* [Далан 1983: 286]. (Счастливого человека сопутствует удачная охота, ему попадается хороший супруг, он обзаводится детьми. Живет размеренной жизнью, не болея, не хворая). *Оҕом өссө ыал буолан, кэргэннэнэн хаалыа этэ. Орто дойду олоҕор олорон барбыт бэлиэ, дьол диэн ол эрэ буолуо этэ* [Сметанин 1951: 202]. (Если бы мальчик мой женился, обзавелся детьми, стало бы это знаком того, что познал он счастья в этой жизни). *Ойох, эр буолан эйэлээхтик олорортон ордук туох дьол баар буолуой* [Софронов 1964:210]. (Нет другого счастья кроме счастливого брака). *Элбэх оҕолоох – дьол. Мин эн курдук оҕолордоохум буоллар. Оннук дьол тиксибэтэ* [Софронов 1977: 22]. (Иметь много детей – это счастье. Если бы у меня были дети, как у тебя. Такое счастье мне не выпало).

Герой драмы А.И. Софронова-Алампа Федор, размышляя о счастье, говорит о непреклонности судьбы и быстротечности счастья, сравнивая его с появлением солнца из-за туч, поэтому важно его не упускать: *Бу аан дойдуга киһи дьоло ити күн тыган баран былытынан сабылларын курдук буолар, ону мүччү түһүөҥ да, мэлдьи хараҥаҕа сылдьыаҥ... Дьол даҕаны, сор даҕаны үһуга суох буолбат. Дьол сорох ардыгар киһини бэйэтин көрдүүр, сорох киһи дьолу көрдүүр да өлүөр дылы булбат. Быһыыта дьол икки, сор икки бэйэ бэйэлэрэнин эккирэтиһэ сылдьар*

быһылаахтар [Софронов 1959: 80]. (В этой жизни счастье человека как солнце, которое выглядывает из-за облак, упустишь его, будешь вечно находиться в темноте. Счастье, как и несчастье, не бывает без острия. Бывает, что счастье само ищет человека, а бывает, что человек сам ищет его, да не находит до самой смерти. Кажется, что счастье и несчастье идут друг с другом наперегонки).

Одним из главных условий человеческого счастья является любовь: *таптал айылҕаттан бэриллэр дьол*. «Любовь – это счастье, дарованное природой», - говорит старик в романе Н. Якутского «Араҥ уонна таптал» [2001: 49]. Главный герой повести П.А. Ойунского «Дойду оҕото Дорогуунап Ньукулай» («Дитя долины писарь Дорогунов») Николай Дорогунов, размышляя о своей жизни, вспоминая прошлое и оценивая свое настоящее, твердо отвечает, что прожил счастливую жизнь, встретив настоящую любовь: *Бу дьоллоох күн сиригэр уол оҕо, эр киһи биирдэ үөскээн-төрүөн аахар. Дьон үксэ мин курдук эрэйдэнэн эрэйи билбэт, мин курдук өлө-өлө тиллэн, быста-быста салҕанан, аҕыйах да күн-түүн устата уоттаах улуу таптал минньигэһин билбэт... Мин дьоллоох уол оҕо буоламмын, ат үтүөтүн мииннэҕим, дьахтар бастыҥын таптаатаҕым. Өллөхпүнэ даҕаны – бу күн сирин дьоллоох олоҕуттан маппатаҕым, дьол үтүөтүн көрбүтүм, таптал бастыҥын билбитим диэн өлүөм* [Ойуунускай 1993: 93]. (В этой жизни мужчина рождается всего один раз. На пути у многих встречаются беды и препятствия, но никто из них не встречает настоящую любовь. Я счастливый человек: оседлал самую лучшую лошадь, женился на самой прекрасной женщине. Если даже умру – я скажу, что был счастлив, счастлив, встретив свою любовь). Любовь светлее и чище всего, четыре десятка дверей из лютого чугуна не могут разъединить любящие сердца: *Саамай ыраас суол – таптал буолар. Уоттаахтык таптаһар сүрэхтээхтэри түөрт уон түөрт тимир чугуун халҕааннаах хараҥа хаайыы да кыайан хаайбат, сэттэ уон сэттэ былас дириҥ түүнүктээх түрмэ да кыайан тохтоппот, хараҥа баттал дириҥ дьуоҕата ол дьону кыайан тумнарбат* [Амма Аччыгыйа 1944: 16]. (На семь десятков сажен в глубину запрятана в темницу любовь, а не гаснет ее огонь. Не захлестнет ее кровавая злоба всех богачей мира, не затопят его воды всех морей вселенной. Все озарит, всюду проникнет свет

любви). *Күн сиригэр күүстээхтэн күүстээх таптал баар эбит, күн сиригэр күндүттэн күндү киһи таптыыр киһитэ буолар эбит... Дьолунан мин сүрэхпин толордоххуна эн толоруоҥ, үөрүүнү биллэрдэххинэ, эн эрэ биллэриэҥ*» [Сметанин 1951: 206-207]. (В этой жизни сильнее всего – любовь, дороже всего – любимый человек... Только ты можешь восполнить счастьем мое сердце, только ты можешь дать понять мне, что такое радость). С первого взгляда влюбляется герой рассказа «Аанчык» Суорун Омоллона: *Көрөөт, адьас сүрэҕим тэбэ түстэ, хайдах эрэ хааным-сииним итийэргэ дылы гынна, сүрдээхтик чэпчии, атаҕым сири билбэт буола үөрдүм, омуна суох – дьолбун даа* [Суорун Омоллоон 1967: 60]. (С первого взгляда сердце мое встрепенулось, тело кровью налилось, счастью моему не было предела, действительно, это было счастье).

Героиня повести «Дьоллоох буолуҥ, бар дьонум» С.П. Данилова («Будьте счастливы, родные люди») Матрена, размышляя, что такое женское счастье, говорит, что без любви счастья не бывает, любовь как солнце для растений: *Таптал кимиэхэ баҕарар, эр киһиэхэ да, дьахтарга да – үүнээйигэ күн уотун кэриэтэ. Күн уота тыктаҕына үүнээйи чэлгийэр, симэнэр. Силигилиир... Дьоллоох таптала суох толору дьол суох* [Данилов 1972: 63]. (Любовь для человека подобно солнцу для растений. Когда светит солнце растение расцветает... Без счастливой любви нет полного счастья на земле). Далее она продолжает, что любовь – это не единственное, безусловное условие счастья, счастливым человек себя ощущает, когда у него есть любимая работа, которая приносит пользу другим людям, есть рядом родные люди, родная земля: *Төрөөбүт төрүт буоруҥ, өлүмнэһэр үлэҥ-хамнаһыҥ диэн эмиэ баар. Дьонуҥ-сэргэн сэҥээрбэт, хайҕаабат буоллаҕына, ол үлэҕинэн туһаны аҕалабын, үтүөнү дэлэтиһэбин диэн астына, үөрэ санаабат буоллаххына, – дьоллоох аатырыаххын сатаммат* [Там же]. (Есть такое понятие, как родная земля, работа. Если ты не приносишь пользу своей работой, не приумножаешь добро, то не сможешь сказать, что ты счастливый человек).

О вечной и всепобеждающей силе любви, которая одна может противостоять подлости, коварству и жестокости этого мира говорится в романе Н. Якутского «Төлкө» («Судьба»). В романе описана судьба двух главных героев – Федора и

Майи, представителей двух разных сословий: Майя – единственная дочь из богатой семьи, Федор – простой парень из бедной семьи. Несмотря на свою участь, положение, трудные жизненные обстоятельства, Федор и Майя не теряют надежду, веру в светлое будущее, не отрекаются на протяжении всего романа от своей любви, остаются верными своим чувствам.

Герои произведений ради любви готовы на самоотверженные поступки, готовы прыгнуть и в огонь, и в воду: *Хата эн биһиги сүбэбитин холбоон биир буолуох. Мин эн иннигэр ууга да уокка да түһэрбин кэрэйиэм суоҕа* [Никифоров 1996: 16]. (Давай мы с тобой поженимся. Я ради тебя готов прыгнуть и в огонь, и в воду).

Дружба является еще одним условием счастья: *Туохтан да бөҕө быһыы – доҕордоһуу буолар. Доҕор алдьархайга түбэспитин быыһаары дьулуспуттар – оргуйа турар уот сымала байҕалы дьулайбакка туорууллар, халлааҥҥа харбаспыт суорба таас хайаны чаҕыйбакка дабайаллар. Уонна туох чугутуой доҕордоһуу дьулуурун!* [Сметанин 1951: 206-207]. (Если попал человек в беду, товарищ обязательно стремится его спасти, и не река кипящей смолы не испугает друга, ни утес, упершийся в небеса, не остановит. Дружба все преодолеет, все победит).

В рассказе «Дьоллоох буолун, бар дьонум!» («Будьте счастливы, люди!») С.П. Данилова мы «видим» образ неизлечимо больного художника, находящегося в вечном поиске творческих идей. Главный герой Аянитов всю жизнь мечтал запечатлеть на полотне свою любовь к родному суровому краю. Долго не открывалась ему красота родного края, пока однажды герой не увидел неописуемую картину: *Аянитов ол көрбүт дьиктитэ көлүччэ, – көлүччэ да буолуо дуо, - көлүччэҕэ дьиримниир күн чаҕыла этэ. Бу кыракый көлүччэ субу аан дойду кэрэтин – ити тулалыыр күөх намылы тыа, сибэккинэн суһумнуур хонуу, кылбаарар киэҥ халлаан, күлүмнэс күн өҥүн-дьүһүнүн, сырдыгын-чаҕылын барытын дьэҥкир түөһүгэр үмүрү тардан үөрэ, өрөгөйдүү, сандаарыҥныы сытара… «Ити! Сити! Ситинник! – диэн долгуйа санаата Байанай. – Ити – мин кыыһым хараҕа! Мин сыл аҥарын быһа күнүстэри-түүннэри көрдөөбүт хараҕым чаҕыла! Ситинтэн атын буолуон сатаммат! Сибилигин!.. Сибилигин*!.. [Данилов

1972: 104]. (Неотрывно глядел он жадными глазами на середину поляны, как будто боялся, что чудо, открывшееся ему, сейчас исчезнет. Чудо, которое увидел Аянитов, было озерцо, нет, даже не озерцо, а лучи солнца, играющие, переливающиеся на его глади. «Вот это!.. Это и есть! – взволнованно подумал Байанай. – Это – глаза моей девушки! Это сияние ее глаз, то, что я искал и днем, и ночью, вот уже полгода! Запечатлеть! Сейчас!.. Сейчас!..»).

И тогда он понял, вот оно – счастье художника, самый счастливый день его жизни. Он увидел то, что скрывает природа от взора других людей, понял, что родная земля открылась, доверилась ему: *Бу кини олоҕун биир саамай дьоллоох түгэнэ этэ: айыллыбыт аан ийэ дайдыта кэрэмэс кэрэ мөссүөнүн киниэхэ арыйан көрдөрбүтэ. Бу орто буор дойдуга ойууһут киһиэхэ ама мантан ордук улахан дьол баар буолуо дуо?* [Там же: 79-80]. (Это был один из самых счастливых моментов в его жизни: родная его земля раскрыла ему свою скровенную красоту. Есть ли другое, большее счастье для художника?). Героя охватывает чувство обиды от того, люди не замечают красоту своей родной земли, что вместо того, чтобы восхищаться ею, они возмущаются ее холодному, суровому климату. Он призывает людей не обзывать и не принижать свою родную землю, а восхищаться, любоваться ею, боготворить ее, воспевать о ней: *Үөҕүмүөххэ, хомуруйумуохха, хата уруйдуохха-айхаллыахха, хоһуйуохха-туойуохха баар бу сири, бу дойдуну!* [Там же]. (Давайте не будем обзывать, принижать нашу родную землю, а будем восхищаться ею, боготворить ее, воспевать о нашей земле, родине).

С описания счастливого детства на родной земле начинается рассказ Суоруна Омоллона «Чүөчээски»: *Ол да эрээри Толугуру, төрөөбүт алаастарын бу икки оҕо олус таптыыллара. Биирдэ эмэ күһүн Аммаҕа, эбээлэрин аахха киирдэхтэринэ, дьоннорун ахтыбат, алаастарын ордук ахтар буолаллара. Тахсан баран умса түһэн сытан: «Алааспыт барахсан» - дии-дии сирин уурууллара. Кинилэр ордук таптыыллара хоту өттүлэринээҕи халдьаайы халаачык-халаачык курдук быллаардарын* [1947: 3]. (Дети очень любили свой маленький родной алас. Когда осенью они уезжали в Амгу погостить у бабушки, то не так скучали о родителях, как о своем аласе. Вернувшись, ложились лицом вниз, и, прижимаясь к земле,

одетой пожелтевшей травой, шептали: «Наш милый алас». Особенно любили они северный склон, усеянный круглыми, как кочки, бугорками).

Любовь якутского народа к родине, почитание ее, восхваление запечатлена в стихотворениях многих якутских поэтов. С.П. Данилов, описывая красоту своей родной земли, пишет, что любовь родины – это самое большое счастье:

...Дьол эбээт айылҕа таптала…	Счастье – любовь родины
Кыһынын –	Зимой -
Кыппай хаар кыымнара,	Искры снега
Сайынын –	Летом -
Сардаана сарыала.	Отблеск Сарданы.

(Айылҕа таптала)

Родная земля для человека как его отец, любимая женщина, родной ребенок, ради родины он пожертвуют даже своей жизнью:

Киһиэхэ – төрөөбүт дойдута	Для человека родная земля
Таптыыр оҕотун тэҥнээҕэ:	подобно родному ребенку:
Кини кэскилин туһугар	Для счастья его
Тыынын да толук ууруоҕа.	Не жалко и жизни.

(Киһиэхэ – төрөөбүт дойдута)

Счастье у героев художественной литературы ассоциируется также с богатством и благополучием. В романе Н. Мординова «Сааскы кэм» («Весенняя пора») бабушка Дарья рассказывает сказку, где описывается великое торжество во дворце: *Үрүҥ көмүс дыбарыас иһигэр үөрүү-көтүү буолар. Сылгы сыатын, саламааты, сүөгэйдээх дьэдьэни, көбүөрдээх лэппиэскэни сиэ да сиэмэ буолаллар* [1944: 18]. (Все едят конское сало, печенье в масле, оладьи в сметане, строганину из мерзлой стерляди и запивают прохладным кумысом). И.А. Худяков также

отмечает любовь якутов к обильной, жирной пище: «И живет он – говорит сказка, - вместе денег пересчитывает толстый жир кобылий, разделяет сало по позвонкам, кумысом горло себе поправляет, коленчатыми, ноздряватыми костями зубы себе заколачивает» [1969: 229].

В сказке «Чурум-Чурумчуку» известного якутского народного писателя С.Р. Кулачикова-Элляя главный герой находит волшебный камень, который дарует героям ни бессмертную жизнь, ни молодость, ни красоту, а сытую, обильную пищей и богатой одеждой жизнь: *Бу боростуой таас буолбатах, муударастаах таас эбит, ама да таас буолбатах – абыраллаах таас эбит. Үтүө таас! Үрүт өттүттэн үүт, үрүмэ үллэр. Ааттаах таас! Алын өттүттэн арыы, саламаат аллар. Кылаат таас! Кытыытыттан кымыс бэрдэ кыынньар. Уйгу таас! Ортотуттан оруос үүнэн тахсар* [Кулачиков 1945: 4-5]. (Чудесным был тот камень, не простым он был, а мудрым. Камень дивный! Да, он сверху точит сливки с пенкой жирной Для детишек малолетних. Камень добрый! Да, он снизу Вкусных кушаний обильных Беднякам дает без счета. Камень сладкий! Да, с боков он Щедро льет кумыс отрадный В глотку, хриплую он зноя. Камень счастья! Да, из сердца своего растит он злаки Хлеб ржаной с пшеничным хлебом). С тех пор наступили «дни довольства»: *Ньургуйаана хотуна Чулуу саһыл тириититтэн Чулкуларга дугунна. Чурумчуку бэйэтэ Чубуку бэргэһэлэннэ, Тубут истээх соннонно* [Там же: 6]. (Пища их всегда обильна, И богата их одежда. У хозяйки Чурумчуку, у красотки Нюргуяны, Есть чулки – да ведь какие! – Из пушистых лисьих шкурок. А добряк наш Чурумчуку – Ходит в шапочке бобровой!).

В романе «Уһуктуу» («Пробуждение») Болота Боотура главный герой Киргеляй говорит, что счастье заключается в том, чтобы иметь свой дом, кровлю, хорошую одежду, вкусную еду: *Бэйэбит туспа олбуорданнахпытына, үчүгэй дьиэлээх-уоттаах, мааны таҥастаах-сап таах буоллахпытына – дьону ордук санатыахпыт. Онтон ордук бу күн сиригэр дьол баарын билбэппин* [1975: 375]. (Если у нас будет своя ограда, хороший дом, нарядная одежда, то тогда дюди будут хорошо относиться к нам. Больше не знаю другого счастья). А в представлении его жены Евдокии, главное, чтобы люди понимали и уважали друг друга, что никакое

богатство не приносит людям счастья: *Саатар тыаҕа кыһалҕата суох быр-бааччы олорбут киһи, син дьоллоох курдук сананыа этэ. Ол эрээри, киһи дьоло атыҥҥа буолуо эбээт. Бэйэ бэйэлэрин өйдөспөт, аанньа ахтыспат эрдээх ойох, төһө да ол олбуорданналлар, атыыһыт да буолтарын иһин, соччо дьоллоохтук олоруохтара дии санаабаппын... Баайга соччо ымсыырбаппын* [Там же: 375-376]. (Эх, жить бы в деревне, не зная забот, считала бы себя чуточку счастливой. Но думается, человеческое счастье совсем в другом. Я не думаю, что люди, не понимающие, не поддерживающие друг друга, даже если они предприниматели, будут жить счастливо... Я не завидую богатой жизни). Высказывание Евдокии, безусловно, свидетельствует о ее глубокой духовности, нравственности. Солидарны с Киргеляем герои драм А.И. Софронова Василий («Таптал») и Иван («Олох оонньуута»), которые также считают, что деньги и богатство – главные атрибуты счастья: *Мин санаабар, бу дойдуга харчыттан, баайтан атын дьол суох буолуохтаах, ону сатаан булар буол да, атын туох да наадата суох… Мин харчыбын санаатахпына, аһыах да санаам кэлбэт... ол курдук бөҕөх, үчүгэй кыыл эбит ити харчы барахсан* [Софронов 1959: 131]. (По моему мнению, нет в этой жизни счастья кроме богатства и денег, надо только уметь доставать их, больше ничего не нужно… вот такие хорошие звери эти деньги). *Мин тоҕо байбатым буолуой? Баай диэн үчүгэй да суол ээ... Баайым буоллар... дьаһайан-мөҥөн кэбиһэ-кэбиһэ, сытыам эбэтэр талбыт сирбэр сылдьыам этэ... Баайтан ордук дьол суох* [Софронов 1964: 167, 170]. (Почему я не богатею? Хорошо быть богатым... Эх, если бы был богатым...Лежал бы в любом месте, приказывая, да указывая. Счастье заключается в одном лишь богатстве). Богатство и славное имя – основа жизни: *Киһи сирэйигэр киһи суорат кутан салаабат. Баай-дуол, үтүө аат – киһи олоҕун сүнньэ* [Сметанин 1951: 222]. (Человек не облизывает кефир с лица другого. Богатство, славное имя – вот основа жизни). Но по мнению некоторых героев, богатство разрушает жизнь человека: *Баай киһи олоҕун алдьатар. Баай – аньыыга ыытар* [Софронов 1964: 100]. (Богатство разрушает жизнь человека. Богатство – это грех).

Вера якутов в то, что за счастье нужно бороться нашло подтверждение в романе Далан «Тыгын Дархан» [1993]. Автор описывает свадебное соревнование, в котором победивший отнимает удачу у соперников. Скакуны со стороны жениха и невесты соперничали в том, кто кого обгонит. Это было последнее свадебное соревнование, которое называлось *дьол былдьаһыы* (борьба за счастье): *Хаҥаластартан оҥостон испит үс киһи уһулу ойутан тахсаннар, күөйэ көтөн эрэр дьоҥҥо иннилэрин биэримээри, аатарын быһа кыбыйбыттара. Намнар эмиэ аттарын кымньыылаабыттара – икки улуу уустар уруу тиһэх күрэҕэр – дьол былдьаһыытыгар харса суох хатыстыы ууннарбыттара. Мырааҥҥа тахсар аартык субу тиийэн кэлбитэ, хаҥаластар сүүрүктэрэ инньилэрин биэрбэккэ... ньимис гынан сүппүттэрэ. Хаҥаластар дьоллорун ыһыктыбатахтара* [Там же: 349-350]. (Три хангаласских всадника, ехавшие настороже, ударили лощадей пятками и вырвались вперед. Намские гонцы погнали коней вслед. Это было последнее очень важное свадебное соревнование. Оно называлось “джол былдьасыы” т.е. борьба за счастье. Считалось, что победившие в этой скачке отнимали у соперников удачу).

Высшим счастьем является для человека исполнение самого заветного желания, наступление момента, которого ждал на протяжении многих-многих лет, возможно, всей жизни. Так, для А.Я. Уваровского «невыразимо большим счастьем» явилась встреча с императором, которую он ждал почти тридцать лет: *Кини килбиэннээх суоса кини холуосуна суох бысыыта мин сүрэхпин хааммын оол гурдук долгуппута, хайтаҕы мин төрүөтэхпиттэн холуон көрбөтөҕүм* [Уваровский 1995: 79]. (Его сияющий вид и его несравненный образ привели мое сердце и мою кровь в такое волнение, какое я с самого рождения не чувствовал… Эта ночь осветила все несчастливые дни моей жизни; я испытывал невыразимо большое счастье).

Некая концепция счастья, правильный путь, по которому должна протекать жизнь человека, представлена в стихотворении «Былыргылыы алгыс» («Благословен по-старинному») якутского писателя А.Е. Кулаковского-Өксөкүлээх Өлөксөй: чтобы прожить счастливую жизнь человек должен

расположить небесных сил, вызвать милость и покровительство богов, которые в свою очередь обеспечивают «земное изобилие», «теплую юрту», «жаркий очаг», «золоченую коновязь», «наполненный тучный скот», неуязвимость от врагов: *Аан Алахчын хатын Арыы хатыҥ саҕа араҕас илгэнэн Алгыы сырыттын* (Дыханье матери-земли Хозяйки Аан Алахчын земным изобилием, хлебом и скотом пусть вас всегда нагружает), *Алаһа дьиэни айгылатыҥ, Аал уоту айгыһыннарыҥ, алтан сэргэни анньыҥ* (Теплую юрту установите, Жаркий очаг разведите, Золоченую коновязб утвердите), *Дьоллоох тоҕой сэлэни туругурдуҥ, Дьаардаах таала тиэргэни дьаһайыҥ, Уйгулаах унаар түптэни уһатыҥ!* (Дымокур, На воняющем широком дворе Пусть беспрестанно дымится, комаров отгоняет) [1978: 189-190]. Дети, потомки, их благодарная память составляют основу счастья: *Үс саханы үөдүтэн, Түөрт саханы төрүттээн Кэнэҕэски ыччат кэпсээнэ, Хойукку ыччат хоһооно, Уол оҕо тойуга, Кыыс оҕо ырыата буоллаарыҥ* [Там же: 190]. (До будущих поколений в преданиях вы дойдете, До неведомых поколений воспоминаниями досягнете). Только заботящиеся о своих близких, «спасающие» людей от голода, холода, будут окружены почтением, смогут «из текущих быстро прозрачных струй зачерпнуть жизни большое ведро» [Там же]. Счастье в данном стихотворении сравнивается со стаей вспугнутых куропаток (*үргэн көтөн иһэр үөр хабдьы курдук*), с длинной таежной рекой (*саар дьахтар саҕа самнан биэрбэт*).

Своеобразное видение счастья мы встречаем в стихотворении «Төрүү илигиттэн түҥнэри төлкөлөппүт» («Обездоленный еще до рождения») А.Е. Кулаковского, где родители спорят, какой должна быть судьба, жизненное предназначение у еще не родившегося их ребенка. Отец желает, чтобы его сын был сильным и могучим, красивым и умным, удачливым и богатым, а мать его каждый раз находит отговорку, чтоб сын был не таким, каким хочет видеть его отец; она желает чтобы «только он был жив, не умер бы от хвори», пусть будет «ростом невелик, видом неказист, кожей не бел, не чист, умом туповат, смекалкой не тороват, не востер, не горазд, слабоват, глуховат, молчалив»: *Тыыннаах эрэ буолар ыччаты, үһүн эрэ үйэлээх оҕону, өлбөт эрэ буолар төрүөҕү... Дьүһүннээх бүрэтэ, үҥуохтаах омнуота, тириилээх кэрэгэйэ, санаалаах сыппаҕа, толкуйдаах мүҥура,*

өйдөөх мөлтөҕө... уол буоллун, баҕардар [Там же: 160-161]. В позиции матери отражено мировоззрение якутов о срединности: на Средней земле поселили божества *айыы* племя *ураанҥхай саха*, жизнь которых должна протекать по срединному пути.

Но счастья не бывает без несчастья: *дьол икки сор икки аргыстаһа сылдьаллар* ‘счастье и несчастье вместе с человеком ходят’ (А.И. Софронов), *дьол уонна сор аҕас-балыстыылар* ‘счастье и несчастье – родные сестры’ (Н. Якутский), *дьол икки сор икки киһини кытта сэргэ сылдьаллар* ‘счастье и несчастье находятся в одном ряду с человеком’ (А.Я. Уваровский). Человека каждый день подстерегает множество бед, препятствий, несчастий: *Киһиэхэ күҥҥэ түөрт уон түөрт оһол сыстар дииллэр, онтон ааныалыҥ чугас буолан, көмүскээн, этэҥҥэ илдьэ сылдьар эбээт* [Софронов 1959: 98]. (Ежедневно человека подстерегает сорок четыре беды, и только ангелы его, находящиеся рядом, спасают от этих несчастий). Жизнь человека бывает *одуруунаах, очурдаах-чочурдаах, батталлаах, үлүгэрдээх, алдьархайдаах, сырдыктаах-хараҥалаах, түһүүлээх-тахсыылаах;* жизнь – это игра: *Бу аата буоллаҕа аан дойду олоҕун оонньууга... Сорох ытыыр, сорох санааргыыр, сорох баттанар, сорох төрүүр, сорох өлөр, сорох оонньуур-көрүлүүр... Бары – олох оонньуурдара... Олох киһинэн оонньуур эбит буоллаҕа. Олоҕу киһи талбытынан оонньуур диллэрэ сымыйа, хата олох киһини хайдах баҕарарынан тутар эбит* [Софронов 1964: 203-204]. (Это и есть игра жизни... Некоторые плачут, некоторые грустят, некоторых угнетают, кто-то рожает, кто-то умирает, а кто-то веселится. Неправда,что человек управляет своей жизнью, как он хочет, наоборот, жизнь управляет человеком).

Фаталистическое воззрение якутов на феномен счастья отражено в пьесе Никифорова-Күлүмнүүр В.В. «Манчаары: Манчаары түөкүн» (Манчары: разбойник Манчары). Главный герой Манчары говорит, что хотел прожить долгую счастливую жизнь, но божества судьбы *Одун Хаан, Чыҥыс Хаан* распорядились по-другому, обрекли его на вечные мучения, страдания, несчастья: *Санаа баҕарбытын, сүрэх сөбүлүөбүтүн курдук буолбат эбит: Одун Хаан оҥоһуута улахан, Чыҥыс Хаан ыйааҕа ыксары буолар эбит. Үөһэ бөҕө төлкөтө үлүгэрдээх,*

аллараа – бөҕө анабыла алдьархайдаах буолар эбит. Муҥ бөҕөнү муннубунан булсарга оҥоһуллубут үһүн сордоох... эрэй эҥэни эҥэрбинэн тэлэйэргэ этиниллибит эристиин арай мин баарбын [Никифоров 1996: 31-32]. (Не бывает все по желанию души, по велению сердца: постановление Одун Хаана, указ Чыныс Хаана неизбежны. Предназначение верховных божеств неизменно, указание злых духов опасно. Я создан оказывается для страданий, мучений).

Самым большим несчастьем для человека является потеря родного человека. В своем рассказе «Марба» Күндэ описывает тяжелую жизнь якутских бедняков, которые каждый день борясь с суровой действительностью под гнетом богачей, теряют своего единственного ребенка. Мы видим всю боль матери, потерявшей ребенка, ее страдания, отчаяние, страх: *Аан ийэ дойдуга төрөөбүт абабын даа, абабын... Хаһан эрэ аал уоту оттуох, алаһы дьиэни дьиэлиэх санаалаах этим, оҕо төрөтөн орто дойдуга киһи кэскилин кэскиллиир санаалаах этим... Чыычааҕыам, ыал устун сылдьар ийэлээх-аҕалаах буоланҥын, көрүүтэ-истиитэ суох хааланҥын, суорума суолланнаххыан... Абабын даа, абабыа-ыа-ыа-ыан* [Күндэ 1979: 17]. (Как жаль, что я родилась на этом свете... Когда-то я хотела обзавестись домом, детьми... Птенчик мой, из-за нас, скитающихся по другим людям бедняков, тебя постигла такая участь... Как жаль, как жаль...).

Трагическую судьбу якутской женщины описывает в своем рассказе «Аанчык» Суорун Омоллоон. Это рассказ о пятнадцатилетней девушке, которую так рано, насильно выдали замуж, рассказ о ее тяжелой жизни в новой семье, где она являлась всего лишь рабочей силой. Муж, ранее ласковый и добрый, по совету матери, начинает ее бить. Жестокое обращение домочадцев отразилось на ее внешности, психике, ее молодому организму: она умирает при родах, такая молодая, но уже потухшая, потерявшая интерес к жизни, обиженная на весь свет. И только потеряв свою жену, Мыычаар понимает, что лишился самого родного и любимого человека, что это он виноват, что не защищал и оберегал ее, что именно он и его семья виноваты в ее смерти. Несчастливую жизнь прожил Мыычаар после смерти Аанчык: женился во второй раз, но и она умерла, не познал он родительского счастья, никого больше не полюбил, умерли родители, и остался он

один, ожидая своей кончины: *Онтон бэттэх дьоллоох олоҕу олорбуппун билбэппин. Барыта хайдах эрэ түүл-бит курдук, хайдах эрэ итирбиттии балааскайдыы эрэ сылдьар быһылаахпын... Ол кэнниттэн дьонум эмиэ өлөннөр, дьиэ-уот диэнтэн тэлэһийэн, төрөтөр оҕо минньигэһэ, тэҥнээх доҕор таптала дини билбэккэ, туох эрэ курдук, хаһан суолга туора охторбун кэтэһэ сылдьар муҥнаахпын* [1967: 64]. (После этого не помню, что прожил счастливой жизнью. Все как-будто во сне, как будто пьяный человек метаюсь... После смерти родителей, так и не узнав сладость родных детей, любовь женщины, хожу несчастный, дожидаясь своей смерти).

В романе «Аранҕ уонна таптал» («Проказа и любовь») Н. Якутского мы видим двух влюбленных молодых людей, которым не суждено было остаться вместе. Дьэдьэн – дочь главы улуса, Малдьаҕар – сын бедняка. Узнав, что влюбленные решили пожениться, отец девушки, отправляет молодого человека в лепрозорий, а дочь свою, избивая, доводит до сумасшествия, а затем и до самоубийства. Вся горечь утраты, сожаление, скорбъ родителей и молодого человека описаны в романе. Малдьаҕар, узнав о смерти своей любимой, восклицает: *Билигин аны мин өйүм хамсаары гынна… Инники өттүгэр хайдах олорор дуу, туох буолар сордоохпунуй…Орто дойдуга баара суоҕа сүүрбэ икки эрэ сыл олордум. Ол устата тухары Дьэдьэни кытта мыраан үрдүгэр ыраахыйаҕа тахсан олорбуппуттан ордук миэхэ дьоллоохпун диир күн суоҕа… Билигин мин инникитэ суох, бу орто дойдуга олороммун даҕаны* [2001: 256]. (А сейчас я начинаю сходить с ума… И что меня ждет в будущем, как я буду жить… Я прожил всего двадцать два года. На протяжении этих лет самыми счастливыми были только те моменты, которые я провел с Дьэдьэн на поляне сопки… И зачем мне дальше жить без будущего).

А.Я Уваровский в «Воспоминаниях» упоминает смерть своего отца, под которой он подразумевает не только слезы ребенка, которые скоро проходят; он подразумевает «ту силу скорби, которая даже сердце взрослого обливает кровью». С этого самого дня началась полная «цепь несчастий», которая тянулась беспрерывно, прибавляясь каждый день и каждый год [1995: 31]. Смерть его матери также глубоко тронула его, с матерью он «похоронил все, что радовало его на этой земле» [Там же: 38]. В рассказе «Барда» («Ушел») А.И. Софронова описываются

последние минуты жизни умирающего человека. В свой последний час он раскаивается в том, что прожил жизнь неправильно. Лишь перед смертью он понимает, что зря прожил свою жизнь в поисках богатства, совершая разные проступки и проделки, которые сделал из-за зависти, тщеславия и духа соперничества: *Оок-сиэ, Отто дойдуга сыыһатык даа туттан сылдьыбыт эбиппин. Үрүҥ күнтэн сүтэртэн миигин туох да быыһыа суох этэ, бадаҕа... Хаттаан төрүүрүм буоллар, хара ааныттан атыннык туттан олоруом этэ, кылгас үйэлээхпин өйдөөн, кими да кытта ииссибэккэ, кимиэхэ даа куһаҕаны оҥорбокко олоруом этэ. Киһи иккитэ төрүүр гына оҥоһуллубатаҕа куһаҕанын эбитин ини* [2005: 182]. (Ок-се, как плохо, что я неправильно жил на белом свете. Никто меня не спасет от исчезновения с земли белого солнца. Если бы заново родился, жил бы совсем по-другому. Зная, что человеческий век короток, жил бы ни с кем не ссорясь, никому не делая зла. Как плохо, что человек не рождается во второй раз). В данном рассказе нашло отражение философское осмысление А.И. Софронова о быстротечности этой жизни, о том, что человек не должен тратить свою жизнь в накоплении несчетного количества богатства, что только добрые дела, совершенные человеком в течение его жизни, смогут сделать его счастливым. Эта мысль подчеркивается в его стихотворении «Киһи» («Человек»), где поэт говорит, что человек всего лишь гость в этом мире, и потому, во время его пребывания на земле нужно жить в мире и согласии: *Аҕыйах күҥҥэ Аан дайдыга бааргa Адьырыспакка сылдьан Айахпытын аһаттарбыт Алыс айылгы буолуо эбит* [1965: 148]. (В те мало дней существования на земле Было бы хорошо питаться-кормиться, Ни с кем не ругаясь, не злясь).

Болезнь, жестокая и мучительная, является большим несчастьем: *Сахалар араҥ ыарыыны былыр былыргаттан олус ынырык уонна кутталлаах ыарыынан ааҕаллара. Буолумуна даҕаны, араҥ ыарыынан ыалдьыбыт киһи мэҥ курдук харааран, өлөн тахсара. Илиитин эбэтэр атаҕын тарбахтарыгар тахсыбыт буоллаҕына, тарбахтарын сүһүөхтэринэн быстан түһэтэлииллэрэ. Сирэйигэр оннук буолбут буоллаҕына, муннулара дуу уостара дуу ынырык дьүһүннэнэллэрэ уонна сытыйан хаалаллара* [Якутскай 2001: 29]. (Якуты из дрвних времен считали

проказу самым опасным и страшным заболеванием. Конечно, человек, больной проказой, становился черным как родинка и умирал. Если проказа появлялась на пальцах рук или ног, то руки или ноги его отламывались. Если же проказа появлялась на лице человека, то нос или губы его становились ужасного цвета и начинали гнить). Человека, больного проказой, изолировали от общества, и человек вынужден был жить один где-нибудь в лесу, как погребенный заживо, пока не умрет: *Ийэлэрэ дуу, аҕалара дуу, эбэтэр оҕолоруттан дуу ким эмит араҥ ыарыыга ыллардаҕына, дьоно төһө да аһыммыттарын иһин, ыалдьыбыты киһи-сүөһү сылдьыбат, дьон олорор сириттэн ыраах, түҥ ойуур иһигэр суос-соҕотохтуу, үүтээн тутан олордоллоро, ыарыһахха чугаһаабат этилэр. Ол курдук ыарыһах хаһан өлүөр диэри, тыыннаахтыы көмүллүбүт курдук олороро* [Там же]. (Если мать или отец, или дети заболевали проказой, как бы ни жалели родные, отсылали их подальше от людей в глухой лес и больше не приближались. Так больные жили в далеке от всех, словно в тюрьме, пока не умирали).

Несчастье приносят людям спиртное и азартные игры. В рассказе Күндэ «Хаартыһыттар» («Картежники») мы видим заядлого картежника и его семью, жизнь которого разрушается на глазах у читателей. Он спускает все свое имущество: деньги, скот, продукты питания; он бьет свою жену, которая противится отдавать ему деньги, забывает про существование своих детей. Главный герой не понимает, что приносит своей семье только несчастье, горе, мучения. Жена его, перед близкой смертью говорит: *Эһигини эрэ үчүгэй буолаайаллар диэн үрүҥ тыыммын кэннибэр баана сылдьаммын үлэлиир этим, ол үтүөтүгэр дьөлүтэ кырбаан өлөрдүҥ... Сиэбит сиэхсит эн олорор буолбаккын дуо?! Бу эйиигин кытта олорботоҕум, бу уолу кыыһы ыамалаппатаҕым буоллар, аҕыйах эмэ сыл олоро түһүөм этэ...* [1960: 127]. (Я трудилась в поте лица только для того, чтобы вам было хорошо... Разве не ты убийца?! Если бы я не жила с тобой, если бы не родила двох детей, то прожила бы еще несколько лет...).

В высказываниях героев мы видим не принятие и не понимание пьющих людей: *Мин арыгыһыт дьону хайдах да сатаан өйдөөбөппүн. Киһи сүөһүттэн сүрүн уратыта диэн – кини өйө. Өй суох – киһи суох. Арыгыһыттар дьэ ол айылҕа*

муҥ эрэ маанылаан биэрбит күндү бэлэҕин – өйдөрүн суох гына сатыыллар... Иһээччи киһи суобаһын арыгыга атыылыыр дииллэр мин дьонум, онтон мин сирэйин сүтэрэр дии саныыбын [Далан 1978: 57-58]. (Я не понимаю людей, которые пьют спирное. Отличие человека от животных в том, что у него есть ум. Нет ума – нет человека. Алкоголики пытаются избавиться от своего ума, которым наделила человека природа ... Мои родные говорят, что алкоголики продают свою совесть за спиртное, а я считаю, что они теряют свое лицо).

«Старость – это проклятие, мука» – говорит герой произведения Н.Д. Неустроева «Балыксыт» («Рыбак»): *Кырдьар диэн кырыыс муҥа эбит, бултуурбун даҕаны кыайбат буоллум. Сытыахтааҕар эрэ хороҥноон сылдьабын. Дьиэ тэрилтэтигэр туһата суох буолбут киһибин* [1959: 170]. (Старость, оказывается, это проклятие и мука, не могу даже охотиться. Хожу, чтобы только не лечь. Стал непригодным для домашней работы). Солидарен с ним герой произведения С.П. Данилова «Суолга» («На дороге»): *Кырдьар диэн, чахчы, кырыыс муҥа эбит, тукаларыам* [1982: 54]. (Старость и вправду является проклятием, детки мои).

Несчастье – прожить всю свою жизнь один, без жены, детей, дома: *Ийиэримэ дьиэни иччилээбэтэх, Аал уокка анаппатах, Хотун ойоҕу хойноспотох, Төрөтөр оҕону төлкөлөөбөтөх, Иитэр сүөһүнү билгэлээбэтэх арай мин баарбын. Орто-туруу-дьаҕыл дойду Дьоллоох олоҕуттан муммут, Атааннаах аан дайды Саргылаах айылгытыттан маппыт* [Никифоров 1996: 32]. (Не построив свой дом, не женившись, не обзавевшись детьми, конным рогатым скотом, живу оказывается я. Не узнал счастья человеческого, лишился благ земных).

Не иметь родни, матери, отца, безусловно, несчастье для каждого человека: «*Эн кэм дойдулаах, дьонноох төрүт киһи буоллаҕыҥ дии, онтон мин эрэйдээх ийэ-аҕа диэни билбэтэҕим, киһини билиэхпиттэн ыал устун сылдьан иитиллибитим. Ол курдук абааһы айбыта дуу, таҥара таҥнары кыраабыта дуу...*» - говорит Марба в одноименном рассказе Күндэ [1979: 6]. (У тебя хоть есть родная земля, родные люди, а я росла без отца и матери, сколько себя помню, моталась по чужим семьям. То ли дъявол так меня создал, то ли бог меня так проклял). Рос без отца и матери и герой рассказа «Аанчык» («Анчик») Мыычаар: *Мин эмиэ төрдө-ууһа*

суох, хабалаҕа ылларбыт, баай ситимигэр ициннэрэн, көлөһүннээн сиэбит бэрт дьаданҕы, кылгас киһиттэн төрөөммүн кыра оҕо эрдэхпинэ ыалга иитиллэ биэриллибитим үһү. Бэрт диэн эрэйдээхтик үөскээбитим [Суорун Омоллоон 1967: 60]. (Родился я в бедной семье, отец мой всю жизнь бился в сетях у богачей, потому воспитывали меня другие люди. Тяжелое было у меня детство, ох, тяжелое!).

Несмотря на трудности, испытания, которые встречаются на пути человека, герои произведений не перестают верить в светлое будущее, не теряют своей веры: *Олох диэн – өрүү инники дьулуһуу, сайдыы, үүнүү аата. Киһи итинник олоҕу олоророгар ханнык да мэһэйтэн, эрэйтэн, ыартан, хааччахтан иҥниэ суох тустаах* [Данилов 1967: 468] (Счастье – это стремление к будущему, это развитие; человек не должен бояться трудностей, несчастий, бед, он должен идти вперед). Вера в бога помогает преодолеть несчастье: «… я познал такое несчастье, какое испытывают лишь очень немногие смертные. Это несчастье было новым испытанием бога. Тем не менее высшее божество спасло меня еще раз: благодаря его помощи в течение целых девяти лет меня не покинули ни на один день сострадания людей, любовь людей, внимание людей» [Уваровский 1995: 77].

Таким образом, на материале произведений художественной литературы, можно сделать вывод о том, что условием счастья являются не только материальные богатства, но и любовь, дружба, крепкое здоровье, дети. Несмотря на жизненные невзгоды и препятствия, герои не теряют оптимизма и веры в светлое будущее. Мечты якутов о лучших временах воплотились в произведениях якутских писателей, которые отмечали, что «с времен седой старины никогда не переставал этот народ лелеять мечту о счастье. Едучи ли верхом на пегом бычке или заложив нога за ногу перед жарко пылающим камельком, якут пел, и счастье, о котором пел он, на миг приближалось к нему» [Данилов 1982: 31].

3.4. Образные признаки в структуре концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’

Выявление образных признаков в структуре концепта, как отметили выше, является одним из этапов исследования. «Образное представление можно определить как абстрагированный от семантики конкретных образов слов и выражений стереотипный для определенной языковой культуры образ, воплощающий представления языкового коллектива о явлениях идеального мира сквозь призму впечатлений о мире реальном, чувственно воспринимамом, а также совмещающий представления о предметах реального мира на основании ассоциативной общности их признаков» [Шенделева 1999: 75]. Образные признаки вербализуются посредством концептуальных метафор. «Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и мышление и действие. Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф 1987: 126]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, образ – «первичная форма концептного воплощения в виде воображаемого предмета или отношения предмета к идее, благодаря которой концепт становится явлением и приобретает определенное оформление» [Алефиренко 2003: 59].

В структуре концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ наблюдаем **антропоморфные** признаки. *Дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ наделяются человеческими качествами, способностью чувствовать, испытывать определенные эмоции. По мнению М.В. Пименовой, «языку присущ принцип антропоцентричности; язык предназначен для человека, и вся категоризация внешнего мира ориентирована на человека» [Пименова 2004: 33]. *Дьол* и *сор* являются сестрами и ходят всегда рука об руку: *Дьол уонна сор* ***аҕас-балыстыылар*** (Счастье и несчастье – родные сестры). А. Софронов. *Дьол сору кытта аргыстаһан айаннаабыт* (Счастье с несчастьем ехали вместе). А. Софронов. Дьол икки сор икки. *Сор икки дьол икки тус-туспа барбакка, тутуспутунан сылдьыбыттар* (Счастье и несчастье шли, державшись друг за друга). А. Софронов. *Тоҕо дьоллоох сор иккиэн*

ини биилэр *дэниэҕэй?* (Почему счастье и несчастье называют родными братьями?). П. Тобуруокап.

Дьол и *сор*, как человек, наделяются физическими способностями: ***Дьол*** *суһума* ***куотара*** *биһигиттэн, эн уонна мин иччитэх дьиэбититтэн.* (Счастье убегало от нас, из нашего пустого дома). Сайа. ***Дьол хаалларбыт*** *алааһыгар тунах ыһыах да ыһан.* (Можно и не устраивать ысыах там, где счастье оставило *алаас*). Сайа. *Онно олорор бар дьонум* ***дьоло, соро*** *тэҥҥэ* ***оонньуур***. (Счастье и несчастье моих родных играют вместе). С.Данилов. *Халлаан аннынын халыйан, Дьол сору кытта аргыстаһан айаннаабыт.* (Сбиваясь под небом, счастье и несчастье ехали вместе). А. Софронов. ***Дьол*** *уохтаах дэбилгэн кымыһын омуннаах* ***ыһыаҕын ыспытын.*** (Счастье устроило живой кумысный ысыах). Сайа. ***Кини (дьол) куотар*** *ол дьонтон кыталык айаныыы уонна элэк оҥостон саҕахтан кылбаҥныыр.* (Счастье убегает как стерх от этих людей и насмешливо блестит на горизонте). С. Данилов. ***Сор*** *икки* ***Дьол*** *икки, Тус-туспа барбакка, Тутуспутунан* ***сылдьыбыттар***. (Счастье и несчастье, не разлучаясь, рука об руку ходиди). А. Софронов. *Дьол соҕотоҕун хаалан* ***толкуйдуу турбут***. (Счастье, оставшись один, стояло в раздумьях). Н. Харлампьева. *Бу дьол* ***хоммут*** *дойдутугар Бадаҕа, түүн ыраатта.* (В том месте, где счастье ночевало, видимо, уже ночь наступила). Күннүк Уурастыырап. Ахтылҕан. *Ол онно күннээх ыллыкка Дьол кинини кууһуоҕа*. (Там, на солнечной тропинке, Счастье обнимет его). Н. Харлампьева. Кыһыл Ньургуһун. *Сир устун бүгүн кутурҕан иһэр дьоллуун* ***куустуһан***. (По миру сегодня, обнявшись со счастьем, Скорбь идет). Н. Харлампьева. Ыам ыйын 4 күнэ. *Бастакы тыалынан сып-сылаастык Дьол иэдэһи* ***имэрийэр.*** (С первым дуновением ветра, Счастье гладит щеку). И. Эртюков. Эрдэ тур. *Баҕар дьол миэхэ да тосхойо* ***Кэтэһиэҕэ*** *этэ суолбар*. (Может и счастье ждет меня на моем пути). И. Эртюков. Билинии. *Сор тоҕо оту-маһы* ***кэрийбэтий****? Арай дьону эрэ* ***кэрийэрий****?* (Почему несчастье не ходит по травам, да деревьям? А ходит всегда по людям?). П. Тобуруокап. *Ол иһин биһигини кытта мэлдьи кыайыы уонна дьол-соргу* ***аргыстаһар.*** (Потому победа и счастье Сопутствуют нам всегда). Л. Габышев. Дьол төрдө. *Сир биир муннугар сор-өлүү* ***көрүлүүр,*** *Биир муннугар дьол-үөрүү* ***үнкүүлүүр***. (В одном конце света несчастье

забавляется, в другом – счастье танцует). П. Тобуруокап. *Дьол киһини* ***көрдөөбөт****, Дьон дьолу көрдүүллэр.* (Счастье не ищет человека, Люди сами ищут его). Суорун Омоллоон. Саасчаана уонна Сардаана. *Сороҕор сор сиэттиһэ сылдьар Сороҕор дьол Айхаллаан аргыстаһар*. (Бывает, несчастье сопровождает, Бывает, счастье сопутствует). Уйбаан Бахсылыырап. Хайдах да буолтун иннигэр. ***Сор*** *обургу соллоҥо хамнаата,* ***сору оҥоруон баҕарда.*** (У несчастья заиграла жадность, захотелось ему сделать несчастье). А. Софронов. *Мин ытыгылыыр ыалларбын муҥ,* ***сор****, баттыгас* ***таппатын*** (Пусть уважаемых мною соседей не настигнут несчастье, мука, беда). С. Данилов. *Ханнык сор, ханнык дьол Мин өйбүн харааччы* ***иирпитин*** *билбэппин*. (Я не знаю, что свело меня с ума: счастье или несчастье). И. Гоголев. Сүрэхпин сүрэххэр сыһыаран.

Дьол может плакать: ***Дьол-соргу*** *хаһан даҕаны* ***харах уутун түһэрбэтин.*** (Пусть у счастья никогда не прольются слезы). Софрон Данилов. *Кини дьол* ***хараҕын уутунан*** *суунар* (Он умывается слезами счастья). С. Гольдерова. Хаар маҥан хаххан. *Дьол* может любить: ***Дьол*** *дьэ арай* ***таптаабат*** *көлдьүн, көлөөк дьоннору.* (Счастье не любит бездельников, ни к чему не способных людей). С. Данилов. *Дьол*, подобно человеку, может ходить в гости: *ыҥырбатаргыт даҕаны* ***дьол аҕаһа ыалдьыттыаҕа***. (Если даже не пригласили, счастье придет в гости). Умсуура. *Дьол* может также разговаривать, молчать: ***дьол кэпсэммэт*** *номох уйан тойугун* (Счастье не рассказывает чувственную песню легенды). Сайа.

Сор, как живое существо, может побеждать и проигрывать: *кыргыһыы уурайан, кырыыс* ***сор кыайтаран****, кырдалыҥ кылбайа сырдаата* (Когда закончились сражения, несчастье потерпело поражение, и все вокруг начало светать). Эллэй. *Субу* ***сор*** *олох сотору* ***сууллуо***. (Это несчастье скоро, действительно, потерпит крах). Эллэй.

В структуре концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ наблюдаются **зооморфные признаки**. Счастье сравнивается с животными: с быком-порозом: *Түөттээх саастаах Өҕүрүөмэр атыыр курдук Өрөгөй талааммыт Лөҥкүнэччи мөҥүрээтэ. Алталаах саастаах Саадьаҕай дьүһүннээх* ***Атыыр оҕус*** *курдук Саргы талааммыт Аргыстаһан барбыта.* (Подобно

четырехтравому быку-пороз, Наша славная удача громко заревела. Подобно шеститравому пестрой масти быку-порозу, Счастье-удача сопутствовала нам). Иэйэхсит ырыата; с диким оленем: *Дьолуҥ баҕар туора ойуо, үргүүк* ***табаҕа*** *майгынныа.* (Счастье твое вдруг отпрыгнет в сторону, Словно пугливый олень). Э. Соколов. Дьол. *Сор* выступает в образе черного ворона: *Хара сор Хаан ытырыылаах* ***Хара суор*** *буолан Хаһыырбытынан таҥнары сатыылаабыта.* (Черное несчастье в образе черного ворона с криком и кровью устремилось вниз). П. Тобуруокап. Суор үҥкүүтэ. *Ол күн хара сор* ***суор*** *үҥкүүтүн үҥкүүлээбитэ.* (В тот день несчастье станцевало танец черного ворона). П. Тобуруокап. Суор үҥкүүтэ. Якуты считали ворона предвестником несчастья. «В отношении якутов к ворону – наряду с тем, что он был тотемом – прослеживается устойчивая неприязнь к нему как к птице, связанной с «нечистой» силой. Якуты верили, что ворон живет триста лет и обладает даром предвидения, она знает судьбу людей. Они боялись встреч с вороном. Если он встретится на дороге или близко подлетит к юрте и будет каркать, то якобы обязательно должно случиться какое-нибудь несчастье. Неприязнь к этой птице была настолько сильна, что его не упоминали даже в сказках» [Алексеев 1980: 99-100]. Действительно, в обширных сборниках якутских сказок есть только одна сказка про ворона («Гагара и ворон»). Кончик человеческого сердца, превращенного в черного ворона, приносящего несчастье, мы встречаем в «Воспоминаниях» А.Я. Уваровского. В своем «Олонхо» А.Я. Уваровский описывают борьбу меж двух богатырей Эр Соҕотох и Буура Дохсун. Эр Соҕотох стальным ножом разрезывает живот Буура Дохсуна, вынимает его сердце с печенью и разбрасывает по всему свету. «Только оставшийся маленький кончик сердца, превратившись в черного ворона, говоря: “Не перестану и впредь быть черным препятствием”, воткнулся-вошел в сырую землю» [Уваровский 1995: 122]. Так и случилось: «Только как предсказал кончик сердца Буура Дохсуна, превращенный в черного ворона, потомки Эр Соҕотоха, его черный и белый скот, его летающие и бегающие звери время от времени и сейчас погибают от хворей, а иногда путаясь умом, вешаются на дереве или находят свою смерть в другом несчастном случае» [Там же: 123].

С помощью признака «крылья» актуализируется признак «птица»: *Кинини **дьол кыната** көтөхсүһэн испитэ*. (Крылья счастья несли его). П. Тобуруокап. Дьол уонна сор. *Кинилэр дьол, таптал **кынатыгар** уйдара көтө сылдьаллар*. (На крыльях счастья и любви полетели они). Суорун Омоллоон. Дьол тааһа. *Дьол **кыната** суох буолбат*. (Счастье не бывает без крыльев). С. Гольдерова.

Образ птицы-стерха является у якутов олицетворением счастья, добра, вечности и всего светлого: *Дьол көтөрө **кыталык** – Көрдүм эйиигин тыыннаахтын, Бэл диэтэр илиибинэн имэрийдим. Урдук дьолунан долгуйа иэйдим. Дьол көтөрө кыталык Дьолу түстүү көһүннүҥ!* (Птица счастья стерх - Увидела тебя вживую. Даже руками погладила. Счастливой себя ощутила. Птица счастья стерх Появилась на счастье!). Саргы Куо. Дьол көтөрө – кыталык. *Птица Счастья – стерх, Куда, к кому – летишь? Туда, где весёлый смех, Взмах счастливый ресниц.* В. Полятинский. Появление стерха считается хорошим предзнаменованием. Даже пролет стерхов над какой-либо местностью укрепляет веру жителей в счастливую судьбу своей родины. Богини плодородия, счастья Айыысыт и Иэйэхсит прилетают в образе стерхов, сопровождая свое шествие по кругу по ходу солнца пением [ПЭК 1907]. «Стерх как духовный символ воспринимается саха в трех ипостасях: во-первых, как божество Айыы, во-вторых, как «дойду иччитэ» (духовный облик матери-земли)» и как тотем «ийэ кыыл». Смысл всех трех духовных символов сводится к защите человека от злых духов, ограждению от неприятностей разного рода. Некоторые якутские роды считают, что они происходят от стерха» [Винокурова 2009: 7]. Место, где видели когда-то стерха, считают счастливым, уважаемым, благодатным. Данным местам дают такие названия как «Кыталыктаах», «Кыталык ыллаабыт», «Айыы тайбыт» т.е. стерха сравнивали с Айыы. Эти местности считались счастливыми, благословленными верхними божествами. Якуты говорят, что никогда не встречали птицу красивее, чем стерх (*кыталыктан ордук кыраһыабай кыылы хаһан да көрбөтөҕүм*). В олонхо стерх – покровитель Нюргуна Боотура, защитника и освободителя всех обиженных и обездоленных. Туйаарыма Куо, идеал женской красоты якутов, красива как стерх: *кыталык курдук кынтальдьыйар*, ее голос как песня стерха: *кыталык ырыатын*

курдук кыҥкыныы дьырылыыр. Явления природы якуты сравнивает со стерхом: падение снега сравнивают с танцем стерха – *намыын хаар үҥкүүлүүр кыталык үҥкүүтүн*, небо, которое только-только светлеет сравнивают с крыльями стерха – *кынтайар кыталык кыыл кынатын таһын курдук кылбайар*, восход солнца – *көмүс утахтарын кыталыктар кынаттарын таарыйан лыҥкынаталлар.*

Предметные признаки представлены в структуре концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’. *Дьол*, как предмет, можно потерять, найти, его можно одолжить: ***дьолу*** *мин* ***уларсабын*** *дьоллоох дьон ырыатыттан, мин кинини* ***булабын*** *эн үөрэр хараххыттан* (Счастье я одалживаю у песен счастливых людей, я его нахожу в твоих улыбающихся глазах). С. Данилов. *Сор* отождествляется с таким предметом, как цепь: *Сор* ***сыабын*** *тоҕоору, Дьон-народ сүрэҕэ мөхсөрө* (Чтобы избавиться от цепи несчастья, бьется сердце народа). *Эллэй. Сор кэлгийэр* ***сыаптарын*** *быһарга Хоһоон болоту биэрэрэ. (Чтоб избавиться от цепей несчастья Мечью обзавелся Стих).* И. Эртюков. Кыһыл байыастар болуоссаттарыгар. *Дьол* отождествляется с бусами: *Ити дьол* ***оҕуруолара*** *түһэн Хомуйар дьону күүтэллэр.* (Это бусы счастья рассыпались, Ждут, чтоб собрали их люди). И. Эртюков. Эрдэ тур. *Дьол,* подобно какому-то яркому предмету, может блистать: *эн таскар саҥа* ***дьол килбэйбит***. (Рядом с тобой блистает новое счастье). Эллэй. Концепт ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ актуализирует признак «камень»: *Дьол* ***таабын*** *ылан, сандаарыччы өрө уммутунан хайаны таҥнары тэбинэр*. Суорун Омоллоон. Дьол тааһа. *Дьол* ***таабын*** *диэн бэт дэҥҥэ көстөр. Кинини хотой кыыл уйатыттан булаллар. Оннук таастаах киһи дьоллонор.* (Камень счастья встречается очень редко. Его находят в гнезде орла. Тот, кто находит этот камень, обретает счастье). Далан. Тулаайах оҕо. *Эрэйдээх олохтоох дьадаҥы булчут, Дьол* ***таабын*** *билэн, хараҕа уоттанан кэлэр.* (У бедного, несчастного охотника, узнавшего про камень счастья, глаза загорелись). Суорун Омоллоон. Дьол тааһа. *Дьол* имеют цену: *Ыарахан эбит дьол* ***сыната****.* (Дорога, оказывается, цена счастья). П. Тобуруокап. Дьол уонна сор.

Репрезентация концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском языке допускает метафоризацию стихии воды, в том числе благодаря таким концептуальным признакам, как способность течь, литься, вливаться: *Тоҕус*

сор уутунан *тамахпын ханнаран.* (Утолил жажду свою каплями несчастья). И. Арбита. *Дьол* ***таҕыл таммахтара*** *хонууга, тыаҕа дэлэй. Ол алмаас кыырпахтары булан мунньар үчүгэй*. (На поляне и в лесу много капель счастья). С. Данилов. Дьол. *Дьол,* ***муора уутунуу****, сүүрүктээн суккуллар*. (Счастье, подобно морю, стремительно течет). Күннүк Уурастыырап. *Дьол толбоннурар* ***муоратын*** *Илэ харахпынан көрөөрү.* (Чтоб увидеть своими глазами Переливающееся море счастья). С. Гольдерова. *Дьол* ***муора*** *уутунуу долгуҥнуур, Кэрэ саас киэьэтэ кэлбитэ*. (Счастье волнуется как море, Наступил прекрасный весенний вечер). Күннүк Уурастыырап. *Күһүҥҥү дьол көмүс* ***ардаҕа*** *мин дууһабар илгийэр.* (Теплом отдает в моей душе Золотой дождь осеннего счастья). С. Гольдерова. Хаар маҥан хаххан. *Дьол* имеет признаки огня: *Дьол улахан* ***кутаатын*** *уматыах буолаллар.* (Обещают разжечь большой костер счастья). Н. Харлампьева. *Дьикти сайын тиийэн кэллэ. Дьол* ***кыымын*** *тулабар ыста*. (Наступило чудесное лето. Разлетелись искры счастья). Н. Харлампьева. Дьикти сайын.

Концепт ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ содержит в своей структуре признаки небесных тел и явлений природы, а именно звезды и радуги: *Дьол* ***чолбон сулуһа*** *чоҕулус гыныаҕа* (Яркая звезда счастья засияет). Эллэй. *Оннук дьоҥҥо туспа бочуот Дьол* ***кустуга*** *буолан дайар.* (Таким людям почет предстает в виде радуги счастья). Х. Горохов. Дьол суһума.

В структуре исследуемых концептов выявлены признаки, соотнесенные с представлениями о пище. «В каждом национальном языке наиболее развита и тонко дифференцирована та часть лексико-фразеологического поля “Продукты питания”, которая отражает приоритетное пищевое сырье и изделия из него» [Маслова, Пименова 2015: 87]. *Дьол* предстает в образе якутского национального напитка *кумыс*: ***Дьол*** *сөрүүн* ***кымыһын*** *иһэллэрэ, үтүө саас ырыатын истэллэрэ.* (Пили они прохладный кумыс счастья, да слушали песню весны). Күннүк Уурастыырап. Икки доҕордуу. *Эн миэхэ амсаттыҥ Дьол кымыһын. Толору кутуллубут чороонтон амсаттыҥ дьол Дыргыйбыт* ***амтанын.*** (Ты угостил меня кумысом счастья. С полного чорона дал почувствовать вкус счастья). Н. Харлампьева. Языковая репрезентация концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ предполагает признак вкуса:

Эн билэҕин барытын, Таптал үрдүк ыратын, ***Дьол амтанын***. (Ты все знаешь, Предчувствие любви, Вкус счастья). Н. Харлампьева. Атырдьах ыйа. *Эрэй эгэлгэтин амсайбыта кини онно.* (Он вкусил разные оттенки несчастья). Н. Харлампьева. Ийэм кэриэһигэр. *Чороонтон амсаттыҥ дьол дыргыйбыт амтанын*. (Дал почувствовать вкус счастья с чорона). Н. Харлампьева. *Дьол* ***амтанын*** *билбит дьоҕоот иэйиим*. (Я почувствовала вкус счастья). Сайа. *Онтон мин эйиигин атаарар остуолга саҥа* ***дьол амтанын*** *билбитим эрэ.* (Я только тогда узнала вкус счастья, когда провожала тебя). Сайа. *Дьол* – напиток: *Бэлэхтээ барыбытыгар Дьол кыракый утаҕын!* (Подари всем нам маленький напиток счастья). У. Бахсылыырап. Бэлэхтээ дьол утаҕын. *Бэлэхтээ доҕоргор чороону Дьолу* ***кутан*** *толору*. (Подари любимой чорон, налив туда счастье до самого верха). Н. Харлампьева. *Дьол* ***утаҕын*** *бу буллум толору бокаалтан.* (Жажду счастья нашел я сполного бокала). И. Арбита. Халлаан Сырдыыта. *Дьол буоллар тоҕуннун*. (А счастье пусть разольется). Суорун Омоллоон. Дьол таaha.

При репрезентации концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ актуализируется признак «музыка», «музыкальные инструменты»: *Мин эйиигин сэргиир* ***дуораммар муҥ, сор тойугун*** *аччатарым.* С. Данилов. ***Эрэй*** *этигэн* ***кырыыппатыгар*** *«Уруйа улааттын» оонньонно.* (На звонкой скрипке несчастья заиграла песня «Да сопутствует счастье»). С. Данилов. *Ойуу-дьарҕаа тирэҥсэлэр Оһуор үктээн киидилэр, Нуоҕай лабаа илиилэр* ***Дьол ырыатын*** *тистилэр.* (Вот идёт она по кругу В ритме чётком и упругом, И волнует, и тревожит, Словно песня соловья). С. Данилов. Саха үҥкүүтэ. *Киирдэ дьол ылбай* ***ырыата.*** (Песня счастья зашла). С. Данилов. Эдэр саас үөрүнньэҥ үгэһинэн. *Булуоҥ суоҕа мин дууһабар Дьол чэпчэки* ***ырыаларын.*** (Не найдешь в моей душе Легкие песни счастья). С. Данилов. Ыҥырыма. Ымсыырдыма. *Оччоҕо дьол* ***ырыатынан*** *Хомус ыллаан дьүрүһүйүө.* (Песню счастья тогда споет хомус). И. Эртюков. Күн үөрэн ойуо.

Таким образом образными признаками концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’-СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ являются антропоморфные, зооморфные, предметные признаки, признаки пищи, небесных тел и явлений природы, признаки «музыка», «музыкальные инструменты».

Выводы по III главе

Проведенный анализ репрезентации концептов ДЬОЛ СЧАСТЬЕ – СОР НЕСЧАСТЬЕ в паремиологических и фразеологических единицах, в дискурсе народных песен, художественных произведениях позволил нам сделать следующие выводы:

1. В паремиологических и фразеологических единицах одним из продуктивных компонентов выступают ядерные лексемы *дьол* ‘счастье’ (35 единиц) и *сор* ‘несчастье’ (17 единиц). По структуре ПЕ И ФЕ с лексемами *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ разнотипны: основу составляют односоставные и двусоставные формулы.

2. В дискурсе якутских народных песен преобладает лексема *дьол* ‘счастье’ и его синонимы (98 единиц), лексема *сор* ‘несчастье’ и его синонимы представлены 76 единицами. Счастье в якутских народных песнях связано с наступлением лета, потомством, родиной, удачной охотой. Несчастье складывается из таких составляющих, как несчастная судьба, душевные страдания, трагические, печальные события, бедность, нищета, трудная жизнь, неразделенная любовь. В благопожеланиях (*алгыс*) и проклятиях (*кырыыс*) представлены бинарные оппозиции жизнь – смерть, счастье – несчастье, здоровье – болезнь, изобилие – нищета и др.

3. В художественных произведениях счастье складывается из следующих понятий: счастливый брак, любовь, дружба, крепкое здоровье, любимая работа, родная земля, осуществление мечты. Несчастье приносят людям болезни, смерть, старость, одиночество, спиртное и азартные игры.

4. Образные составляющие образуются в результате метафоризации: *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ имеют антропоморфные признаки – они предстают в ментальном облике субъекта, наделенного способностью передвигаться, думать, танцевать, плакать, любить и т.п.; имеют предметные признаки, признаки пищи, небесных тел и явлений природы, признаки «музыка» и «музыкальные инструменты».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвистика XXI века ориентирована на изучение связей языка и культуры, языка и мышления. Язык понимается как зеркало культуры, в котором отображаются мифологические, религиозные, культурные представления народа о мире, в котором он живет.

Лингвокультурологические исследования, рассматривая язык в неразрывной связи с культурными ценностями, мировоззрением народа и их окружением в языке базовых концептов, позволяют проникнуть в глубинные смыслы национальной культуры, поглубже познакомиться с исторической судьбой народа, его жизненным опытом. При помощи языка формируется миропредставление народа, его мышление, закладываются основы его культуры. Особо релевантными в этом плане выступают базовые концепты, как родина, любовь, вера, счастье, несчастье, на основе которых формируются национальные культурные ценности. Концепты СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ относятся к числу базовых во всех культурах, однако их значимость, отраженная в языковых единицах, в паремиологии и фразеологии, в фольклоре и художественных произведениях, существенно различается у каждого народа.

Термин «концепт» в настоящее не имеет однозначного толкования и варьируется в концепциях различных научных направлений. Многообразие подходов, методик к исследованию концепта, доказывает сложность и многомерность данного понятия. Концепт в нашем понимании – ментальная единица, которая хранится в сознании человека, несет комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, ассоциируется с определенными образами, зафиксированными в языковых единицах, и находит свое выражение в языке и культуре.

Традиционные представления якутов о *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ связаны с древними мифологическими, религиозными и этническими воззрениями. Счастье и несчастье, по воззрениям якутов, всегда идут рядом, вечно соприкасаясь друг с другом, дополняя друг друга и противостоя друг другу: *дьол, сор икки киһини*

кытта сэргэ сылдьаллар ‘счастье и несчастье идут в одном ряду с человеком’, *дьол икки сор икки аргыстаһа сылдьаллар* ‘счастье и несчастье вместе с человеком ходят’, *дьол уонна сор аҕас-балыстыылар* ‘счастье и несчастье – родные сестры’, *дьол икки, сор икки бэйэ бэйэлэрин эккирэтиһэ сылдьаллар* ‘счастье и несчастье идут друг с другом наперегонки’. Все, что происходит на земле, все явления природы, все несчастья и неудачи, имели свои причины. Даже одно неверное движение, или шаг могло навлечь несчастье. Человек должен был придерживаться определенных правил и запретов, чтобы судьба благоприятствовала ему, чтобы удача и счастье всегда сопутствовали. Счастье зависит от судьбы, которая находится в руках божества судьбы *Дьылҕа Хаан.* С одной стороны, человек не может изменить свою судьбу, менять предначертанный судьбой ход жизненных событий. С другой стороны, судьбу можно моделировать, «завоевать» при соблюдении им принятых норм, правил поведения, законов и предписаний *айыы.* По традиционным представлениям якутов, счастливый человек – это женатый человек, имеющий много детей, трудолюбивый, почитающий свою родину, следующий принятым нормам поведения и общения.

Исследование этимологии лексемы *сор* ‘несчастье’ позволяет установить вероятный источник происхождения данного концепта, в основе которого лежат представления якутов о несчастье как о некой высшей силе, наделяющей человека хорошей или плохой долей. Слово *дьол,* считающийся заимсвованием из монгольских языков, имеет несколько значений, среди которых первым является значение «счастье», несколько дериватов, на его базе образовано определенное число устойчивых оборотов. Семантическое поле концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ включает помимо компонента ‘счастье’, компоненты удача, благо, искренняя удовлетворенность от исполнения желания, чувство довольства и радости, благополучие, блаженство, фортуна, доля, светлое будущее, лучшая участь, мечта.

В центре лексико-семантического поля концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ в якутском языке лежит базовая лексема, представленная родовой семой *дьол*. А на периферии поля расположены единицы, имеющие интегральное, общее с ядром значение, – синонимы *соргу, туску, дьолуо, талаан, өрөгөй, баарт, айхал, уруй,*

кэскил, ыра, дьаралык, сарбааһын. В ходе исследования были выделены следующие семантические составляющие концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ в якутском языке: 1. удача, благо; 2. искренняя удовлетворенность от исполнения желания, чувство довольства и радости; 3. благополучие, блаженство, фортуна; 4. доля; 5. светлое будущее; 6. лучшая участь; 7. мечта. От слова *дьол* образуются следующие лексемы: *дьоллоох, дьоллоо, дьолго, дьоллон, дьоллоохтук*, *дьол быатыгар, дьоллуон иһин*, что доказывает включенность данного концепта в число базовых единиц концептосферы якутского языка. В центре лексико-семантичекоского поля концепта СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ лежит базовая лексема *сор* ‘несчастье’, на периферии которого расположены следующие единицы: *муҥ, алдьархай, эрэй, иэдээн, кыһалҕа, үлүгэр, оһол, былаҕай, быһылаан, кэнтик, өлүү, холорук.* Выделены следующие семантические составляющие концепта СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’: 1. несчастье, злосчастье; 2. страдание, мучение; 3. горе, беда; 4. неприятность; 5. бедствие, напасть; 6. несчастный случай; 7. изнуряющий труд. От слова *сор* образуются лексемы *сорго, сордоох, сордоо, сордон, сордоохтук.* Концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском языке вербализуются в разнообразных лексико-фразеологических средствах, образующих обширное семантическое поле данного языка. Разнообразие актуализаторов, синонимические и антонимические средства, свидетельствуют о том, что данные концепты занимают важное место в концептосфере якутского языка и, следовательно, являются базовыми концептами ментального мира якутов.

Проведенный свободный ассоциативный эксперимент характеризуется преобладанием универсальных понятий, таких как семья, дети, здоровье, любовь – для понятия счастье, смерть, болезнь, утрата – для понятия несчастье. В ответах встречаются также национально-специфические составляющие: *ысыах* ‘национальный праздник якутов’, *дьэдьэн* ‘землялика’, которые ассоциируются со счастьем, *дьыбар* ‘мороз’ как ассоциация к слову-стимулу *сор* ‘несчастье’. Изменения общественного сознания, произошедшие за последние годы в связи с глобализацией, интенсивными межкультурными связями, нашли отражение в

ответах респондентов: материальные блага, путешествие, карьера, жизнь за границей занимают не последнее место в современной реалии якутов.

Лингвокультурологическое “видение” мира, своеобразие ментальных представлений *дьол* ‘счастье’ – ‘*сор* ‘несчастье’ широко зафиксированы в словарном составе якутского языка в виде пословиц, поговорок, фразеологизмов, в народных песнях, художественных произведениях. В пословицах и поговорках мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени. В рассмотренных ФЕ и ПЕ о счастье и несчастье представлены характерные для мифологического сознания оппозиции «верх-низ», «хорошо-плохо». Для того, чтобы стать счастливым, человек должен трудиться, не посягаться на чужое, довольствоваться тем, что есть. В несчастливые часы нужно не падать духом и надеяться на лучшее. Счастье в якутских народных песнях связано с наступлением лета, потомством, родиной, удачной охотой. В советских песнях счастье связано с партией Ленина, коммунизмом, «новой властью». Несчастье связано с такими понятиями, как ‘несчастная судьба’, ‘душевные страдания’, ‘трагические, печальные события’, ‘бедность’, ‘нищета’, ‘трудная жизнь’, ‘неразделенная любовь’. Содержание понятий *дьол* ‘счастье’ и *сор* ‘несчастье’ особенно ярко кодируется в благопожеланиях (*алгыс*) и проклятиях (*кырыыс*), в которых проявляются богатый народный опыт, этические воззрения, неповторимость обычаев, образа жизни, условий быта и культуры народа. *Алгыс* и *кырыыс* собой бинарную оппозицию, которая характеризуется контрастирующими понятиями (счастье – несчастье, жизнь – смерть, изобилие – нищета, здоровье – болезнь, потомство – бесплодие и др.). Вместе с тем благопожелания и проклятия имеют общие признаки: они прогнозируют будущее, *алгыс* – в положительном, *кырыыс* – в отрицательном, а также связаны с одними и теми же поверьями и способами достижения цели. В художественных произведениях *дьол* ‘счастье’ складывается из следующих понятий: счастливый брак, любовь, дружба, крепкое здоровье, любимая работа, родная земля, осуществление мечты. *Сор* ‘несчастье’ приносят людям болезни, смерть, старость, одиночество, спиртное и азартные игры.

Образные составляющие образуются в результате метафоризации: *дьол* и *сор* имеют антропоморфные признаки – они предстают в ментальном облике субъекта, наделенного человеческими качествами, способностью чувствовать, испытывать определенные эмоции. В структуре концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ наблюдаются зооморфные признаки: *дьол* выступает в образе птицы-стерха, быка-пороза, дикого оленя, *сор* – черного ворона. В структуре исследуемых концептов представлены также предметные признаки, признаки небесных тел и явлений природы, признаки «музыка», «музыкальные инструменты». Репрезентация концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в якутском языке допускает метафоризацию стихии воды и огня. В структуре исследуемых концептов также выявлены признаки, соотнесенные с представлениями о пище: *дьол* предстает в образе якутского национального напитка кумыс.

Таким образом, концепты ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ связаны с религиозными установками, ментальными и поведенческими стереотипами. Будучи базовыми компонентами национальной культуры, исследуемые концепты отражают важнейшие категории и установки жизненной философии якутов.

Перспективным представляется изучение концептов ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ – СОР ‘НЕСЧАСТЬЕ’ в сопоставительном плане, расширении корпуса языкового материала, а также в описании лингвокультурных концептов, ассоциативно связанных с данными концептами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Монографии, статьи, диссертации, авторефераты, учебные пособия

1. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири / Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. – 17 с.
2. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в 19-начале 20 вв. / Н.А. Алексеев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. – 200 с.
3. Алексеев Н.А. Этнография и фольклор народов Сибири / Н.А. Алексеев / Институт филологии СО РАН. – Новосибирск: Наука, 2008а – 494 с.
4. Алексеев Н.А. Якутская мифология и шаманы / Н.А. Алексеев // Этнография и фольклор народов Сибири. – Новосибирск: наука, 2008б. – С. 416-420.
5. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое Исследование / Н.Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
7. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 с., Том 2. – 356 с. Том 3. 2006. – 381 с., Том 4. – 357 с.
8. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: Ментальные действия / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1993. – 176 с.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 896 с.
10. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / С.А. Аскольдов / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
11. Афанасьева Е.Н. Репрезентация концепта «небо» в картине мира якутского народа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 160. – С. 75-84.

12. Афанасьева Е.Н., Иванова Р.П. Метафорические модели репрезентации концепта огонь в якутской и английской языковых картинах мира // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 6. – С. 1121-1130.

13. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.

14. Бакирова Г.А. Вербализация концепта «счастье» в татарском и английском языках: на примере благожеланий: дисс. ... канд. филол. н. / Г.А. Бакирова. – Казань, 2011. – 247 с.

15. Белянин В.П. Учебное пособие по курсу «Психолингвистика» / В.П. Белянин. – Москва: Новый Гуманитарный Университет Натальи Нестеровой, 1999. – 37 с.

16. Бётлингк О.Н. О языке якутов / О.Н. Бётлинг. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.

17. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2001. – 123 с.

18. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: на материале традиций саха / Р.И. Бравина. – Новосибирск: Наука, 2005. – 307 с.

19. Васильева А.П. Концепт «сылгы / лошадь» во фразеологических единицах якутского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (45). – Часть III. – С. 43-46.

20. Васильева Н.Н. Лексические синонимы в языке саха / Н.Н. Васильева. – Якутск: ГУП "Полиграфист", 1996. – 120 с.

21. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов/ А.Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

22. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.

23. Винокурова У.А. Культ стерха в культуре якутов: The Cult of the White Crane (Sterkh) in Sakha Culture / У.А. Винокурова, А.А. Артамонов. – Якутск: Бичик, 2009. – 128 с.

24. Виташевский Н.А. Брак и родство у якутов / Н.А. Виташевский. – Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1910. – 21 с.

25. Виташевский Н.А., Павлинов Д.М., Левенталь Л.Г. Материалы по обычному праву м по общественному быту якутов. – Л., 1929. – 519 с.

26. Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С.Г. Воркачев // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2001. – Т. 60. – № 6. – С. 47-58.

27. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001а. – №1. – С. 64-72.

28. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164с.

29. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.

30. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.

31. Воробьев В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. М.: РУДН, 2008. – 336 с.

32. Гоголев А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры) / А.И. Гоголев. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. – 199 с.

33. Готовцева Л.М., Николаева Т.Н., Прокопьева А.К. Базовые бинарные концепты как фрагменты языковой картины мира якутов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2017. – Выпуск 3. – С. 21–30.

34. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.

35. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. пер. с нем. под ред. и с предисл. Г.М. Рамишвили; Пер.: А.А. Алексеев и др.; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – 2-ое изд – М.: Издат. Группа “Прогресс”, 2000. – 400 с.

36. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М., 1985. – 452 с.

37. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа / И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1977. – 258 с.

38. Грамматика современного якутского литературного языка. Т.1: Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 504 с.

39. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии, 2001, №1. – С. 35-47.

40. Дербишева З.К. Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры / З.К. Дербишева. – М.: Флинта, 2015. – 117 с.

41. Дербишева З.К. Язык и этнос / З.К. Дербишева. – М.: Флинта, 2017. – 257 с.

42. Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки / Н.В. Емельянов / под. ред. Г.У. Эргисэ. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1962. – 98 с.

43. Ефимова Л.С. Якутский алгыс: специфика жанра, поэтика: авт. доктора филол. н.: 10.01.09 / Л.С. Ефимова. – Элиста, 2013. – 55 с.

44. Зайнуллин М.В., Зайнуллина Л.М. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / М.В. Зайнуллин, Л.М. Зайнуллина. – УФА: РИЦ БАШГУ, 2014. – 204 с.

45. Залевская А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.

46. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 36-45.

47. Замалетдинов, Р.Р. Татарская культура в языковом отражении / Р.Р. Замалетдинов. – М.: Владос, 2004. – 239 с.

48. Замалетдинов Р.Р. Теоретические и прикладные аспекты татарской лингвокультурологии / Р.Р. Замалетдинов. – Казань: Магариф, 2009. – 351 с.

49. Захарова Н.Е. Особенности языкового сознания носителя языка в условиях многоязычия: на материале эвенкийского, якутского и русского языков: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.19 / Н.Е. Захарова. – Кемерево 2018. – 261 с.

50. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке / А.Т. Кайдаров. – Алма-Ата: Наука, 1986. – 328 с.

51. Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. – 260 с.

52. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск, 1996. – С. 3–16.

53. Карасик В.И. Лингвоконцептология: учебное пособие / В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014. – 104 с.

54. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

55. Карасик В.И. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.

56. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Ассоциативный тезаурус русского языка: русский ассоциативный словарь: в 6-ти кн. М.: Помовский и партнеры, 1994. Кн. 1. – С. 191-218.

57. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. – 180 с.

58. Колесов В.В. Концепт культуры: образ-понятие-символ // Вестн. СПб. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. СПб. 1992. – Вып. 3. – С. 30-40.

59. Колесов В.В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб: ЮНА, 2002. – 448 с.

60. Колесов. В.В. Язык и ментальность / В.В. Колесов. – СПб. Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.

61. Кольцова Ю.Н. О структуре концепта как категории культурологии // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода / Под редакцией Н.К. Гарбовского. – М., МГУ, 2001. – 152 с.

62. Кошарная С.А. Миф и язык / С.А. Кошарная – Белгород, 2002. – 287 с.

63. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

64. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. – 284 с.

65. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н.В. Крючкова. – Саратов: Научная книга, 2005. – 165 с.

66. Крючкова О.Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. М.: Институт русского языка РАН, 2004. -№ 2 (8). – С. 63-83.

67. Ксенофонтов Г.Е. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусок // Материалы к мифологии урало-алтайских племен в Сев. Азии. – Иркутск, Якутск, секция ВСОРГО: Б.И.; 1928. — 77 с.

68. Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. 1, 1-я книга / Г.В. Ксенофонтов / Художник М.Г. Старостин. – Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – 416 с.

69. Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память II Логический анализ языка. Культурные концепты / Е.С. Кубрякова / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М., 2008. – С. 85-91.

70. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика – Психология – Когнитивная наука // ВЯ. 1994. № 4. – С. 34-47.

71. Кузлякин С.В. Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях // Русистика и современность. СПб., 2005. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – С. 136-141.

72. Кулаковский А.Е. Научные труды / Подготовка к печати Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. / А.Е. Кулаковский. – Якутск: Кн.изд-во, 1979. – 484 с.

73. Лагаева Д.Д. Лингвокультурный концепт «счастье» в калмыцком и английском языках: дис. ... канд. филол. н. / Д.Д. Лагаева. – Элиста, 2009. – 200 с.

74. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

75. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А.А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 3-16.

76. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия Российской Академии Наук. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1993. – Т. 52. – С. 3-9.

77. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А.Ф. Лосев. – М.: Учпедгиз, 1957. – 620 с.

78. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры / Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. III. – Таллин, 1993. – С. 326-344.

79. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 1997. Вып.1. – С. 11-35.

80. Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области / Р.К. Маак. – Санкт-Петербург: Типография и хромолитография А. Траншеля, 1883-1887. Ч. 3. – Изд. 1-е. – 1887. – 192 с.

81. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 296 с.

82. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

83. Маслова В.А. Концептуальные основы современной лингвистики: учеб. пособие / В.А. Маслова. М.: ФЛИНТА, 2019. – 332 с.

84. Мухоплева С.Д. Якутские проклятия кырыыс // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: Сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. – С. 119-131.

85. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – С. 80-85.

86. Николаев Е.Р. Концепт күн/солнце в якутском антропонимиконе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3(48). – С. 22-27.

87. Николаев С.И. К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сб. статей и материалов по этнографии народов Якутии / Институт языка, лит-ры и истории. Якутск, 1961. Вып.2. – С 47-66.

88. Николаева А.М. О ключевых метафорических концептах якутской женской поэзии (на примере поэзии С. Гольдеровой-Саргы Куо) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017. – № 1 (18). – С. 118–126.

89. Новгородов С.А. Первые шаги якутской письменности / С.А. Новгородов. – М.: Наука, 1977. – С. 35-42.

90. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. – 325 с.

91. Оконешников Е.И. Языка саха: проблемы лексикографии и терминографии (сб.науч.ст.) / Е.И. Оконешников [сост.: к.филол.н. А.С. Акимова, лаб. Р.Н. Протодьяконова; отв. ред.: д.филол.н. Н.И. Данилова, к.филол.н. Ф.Н. Дьячковский, к.филол.н. А.М. Николаева]; Ин-т гуманит. исслед. и проблем малочисл. Народов Севера СО РАН. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2015. – С. 146.

92. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова – Кемерово: ИПК Графика, 2004. – 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).

93. Попов А.А. Материалы по истории религии якутов Вилюйского округа // Сб. Музея антропологии этнографии СССР, 1949. – Т. 11. – С. 255-323.

94. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток, 2010. – 314 с.

95. Попова З.Д. Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов: в 8-ми т. / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. – С. 7-10.

96. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 7-9.

97. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 1999. – 30 с.

98. Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

99. Приклонский В.Л. Якутские народные поверья и сказки // Живая старина, вып. II. – Спб., 1890. – С. 168-170.

100. Прокопьева С.М., Борисов Ю.П. Экспликация ритмико-синтаксическими параллелизмами концепта ЛОКАТИВНОСТЬ в якутском олонхо и тюркомонгольских эпосах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 92–103.

101. Прокопьева С.М., Монастырёв В.Д. Концептуальный анализ многозначного глагола «кэл» в современном якутском языке // КубГАУ. – 2012. – № 79 (05). – С. 705–721.

102. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий / В.В. Радлов. Т.2. – СПб, Тип. Имп. акад. наук, 1899. – 976 с.

103. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1998. – 212 с.

104. Романова Е.Н. «Люди солнечных лучей с поводьями за спиной»: (Судьба в контексте мифоритуальной традиции якутов) / Е.Н. Романова /

Координационно-методический центр Ин-та этнологии и антропологии РАН. – М., 1997. – 200 с.

105. Русакова И.Б. Концепты «счастье» - «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01 / И.Б. Русакова. – М., 2007. – 202 с.

106. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. 2-е изд, исп. М.: София, Гелиос, 2002. – 592 с.

107. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков / М. Рясянен. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 222 с.

108. Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира: дис. … доктора филол. н.: 10.02.02 / Л.Х. Самситова. – Уфа, 2014. – 578 с.

109. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. / Э. Сепир. Пер. с англ. – М.: Издательская группа «Прогресс»; «Универс», 1993. – 656 с.

110. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский; 2-е изд. – М.: 1993. – 736 с.

111. Скрябина А.А. Лексико-семантический аспект репрезентации концепта ДЬОЛ ‘СЧАСТЬЕ’ в якутском языке / Наследие предков и современный тюркский мир: языковые и культурные аспекты [электронный ресурс]: материалы II Международной научно-практической конференции [под ред. Д.И. Чиркоевой, И.Ю. Васильева]. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2020. – 1 электр. опт. Диск. – С. 82-91.

112. Слепцов П.А. Концептосфера родного языка – концептосфера национальной культуры (к постановке проблемы) // Язык как основной элемент культуры: генезис, традиции и современные проблемы: матер.науч.-практич. конф. – Якутск, 2006. – С. 13-18.

113. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов образование / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 141 с.

114. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

115. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М.: Наука, 1997. – 799 с.

116. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. – 767 с.

117. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. / Под ред. Э. Р. Тенишева и А. В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. – 912 с.

118. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 990 с.

119. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 144 с.

120. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 264 с.

121. Трахова А.Ш. Особенности фразеологической концептуализации морально-нравственной сферы личности (на материале устойчивых оборотов русского и адыгейского языков): дис. ... д-ра филол. Наук / А.Ш. Трахова. – Краснодар, 2007. – 402 с.

122. Трощанский В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства у якутов) / В.Ф. Трощанский. – Казань: Типолитография Имп.ун-та, 1903. – 185 с.

123. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору / Г.У. Эргис ; [отв. ред. В. Гусев ; отв. за переиздание В.М. Никифоров] ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Якут. науч. центр, Ин-т гуманитар, исслед. и проблем малочисл. народов севера. – Якутск: Бичик, 2008. - 400 с.

124. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Вопросы политологии. – М., 1992. – С. 28-43.

125. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. / М. Хайдеггер. – Москва: Гнозис, 1993. – 464 с.

126. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык: фонетика и морфология / Л.Н. Харитонов. Ч 1. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 320 с.

127. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа / И.А. Худяков. – Л.: Наука, 1969. – 440 с.

128. Чернейко Л.О. Гештальтная структура абстрактного имени / Л.О. Чернейко // Филологические науки. – М., 1995. – № 4. – с. 73 – 83.

129. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М., 1997. – 320 с.

130. Шейгал Е.И., Буряковская В.А. Лингвокультурология: языковая репрезентация этноса / Е. И. Шейгал, В.А. Буряковская. Волгоград, 2002. – 177 с.

131. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору / Г.У. Эргис. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

132. Шенделева Е.А. Ролевая организация образной лексики и фразеологии // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 74-79.

133. Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славян. Культуры, 2015. – 848 с.

134. Якутский фольклор / тексты и пер. А.А. Попова; лит. обраб. Е.М. Тагер; общ. ред. М.А. Сергеева; вступ. ст. акад. А. Н. Самойловича. – М.: Советский писатель, 1936. – 319 с.

135. Якутские мифы. – Новосибирск: Наука, 2004. – 460 с.

136. Evans V. A Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. – 39 p.

137. Jackendoff R. Languages of the Mind. Essays on Mental Representation / Jackendoff R. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 1996. – 200 p.

138. Gerrig, R.J. Contextual influences on the comprehension of complex concepts. Language and cognitive processes [Text] / R.J. Gerrig, G.L. Murphy. – Utrecht; Tokyo, 1992. – 397 p.

139. Kaluzynski St. Mongolishe Elemente in der Jakytishen Sprache / St. Kaluzynski. – Warszaw: Panstwowe wydawnictwo Naukowe, 1961. – P. 170.

Использованные источники

Словари, справочники

140. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. Изд. 2-е, стереотип. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1969. – 608 с.

141. Афанасьев П.С., Слепцов П.А. Краткий толковый словарь якутского языка. Якутск: Бичик, 1994. – 260 с.

142. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IV: (Буква К) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 672 с.

143. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с.

144. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с.

145. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 519 с.

146. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII: (Буква С – сөллөҕөр) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.

147. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. IX: (Буква С – сөллөй – сээн, буква һ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2012. – 630 с.

148. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. X: (Буква Т: т – төһүүлээ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2013. – 575 с.

149. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх – тээтэҥнээ) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.

150. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XII: (Буквы У, Ү) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2015. – 598 с.

151. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIII: (Буква Х) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2016. – 639 с.

152. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIV: (Буквы Ч-Ы) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 591 с.

153. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

154. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О-Я. / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. – 708 с.

155. Даль В.М. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть 1-4 (А-З). – М., 1863. – 627 с.

156. Диалектологический словарь якутского языка: Содержит свыше 8500 слов / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. – Москва: Наука, 1976. – 392 с.

157. Диалектологический словарь языка саха = Саха түөлбэ тылын тылдьыта: дополнительный том: содержит около 5000 слов / Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.

158. Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев и др.; АН СССР, Инт языкознания. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.

159. Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. – 576 с.

160. Краткий толковый словарь якутского языка / под ред. П.С. Афанасьева. – Якутск, «Сахаполиграфиздат», 1994. – 264 с.

161. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Т., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Т. Панкрац,

Л.Г. Лузина. Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.

162. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М.М. Маковский. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

163. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь / А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с. (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 3).

164. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь / А.Г. Нелунов. – Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал «Гео», 2002. – Т. 1. – 287 с.

165. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь / А.Г. Нелунов. – Новосибирск: Издательство СО РАН, филиал «Гео», 2002. – Т. 2. – 420 с.

166. Ойротско-русский словарь / Составители Н.А. Баскаков, Т.М. Тощакова. – М., 2005. – № 1. – 125 с.

167. Оконешников Е.И. Русско-саха общественно-политический словарь / Е.И. Оконешников. – Якутск: Институт гуманитарных исследований АН РС (Я), 1998. – 154 с.

168. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка / Э.К. Пекарский. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. I. – 1278 стлб. Т. II. – 2010 стлб. Т. III. – 3858 стлб.

169. Попов Г.В . Этимологический словарь якутского языка / Г.В. Попов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1: А-Дь).

170. Русско-якутский словарь. Около 28500 слов / Под ред. П.С. Афанасьева и Л. Н. Харитонова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 720 с.

171. Сахалыы-нууччалыы кылгас тылдьыт=Краткий якутско-русский словарь: үөрэх тылдьыта / [сост.: Т.И. Петрова]. 2-ое изд., доп. – Якутск: Бичик, 2006. – 256 с.

172. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д» / Э.В. Севортян. – М.: Наука, 1980. – 394 с.

173. Сивцев Г.Ф. Сахалыы кылгас тылдьыт: 3500 кэриҥэ тыл / Г.Ф. Сивцев. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1979. – 224 с.

174. Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. / Отв. ред. М.Л. Ковшова. – М: Гнозис, 2017. – 192 с.

175. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с. (Буква А).

176. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с. (Буква Б).

177. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).

178. Уйгурско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, В.М. Насилов. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1939. – 384 с.

179. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

180. Якутско-русский словарь. 25300 слов / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.

Электронные издания

181. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – 5-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 288 с.

182. Ассоциативный словарь якутского языка // http://adictsakha.nsu.ru/, 2014.

183. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / В.А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта. Наука, 2007. – 41 с.

184. Пименова М.В. Типы концептов [Электронная версия печ. публикации] // www.old.kuzspa.ru/diss/conf_27_28/5_pimenova.doc.

Художественные и фольклорные тексты

185. Айталын. Ийэ кутум: Хоһооннор / Айталын. – Якутскай: Кинигэ изд-вота, 1984. – 96 с.

186. Аламай күҥҥэ айхал!: Алгыстар. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 112 с.

187. Алексеев В.А. Тапталым уота уостума / В.А. Алексеев. – Якутск: Ситим, 1995. – 48 с.

188. Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм. – Якутскай: САССР государственнай изд-та, 1944. – 309 с.

189. Андросов П.Х. – Дьөҥкү Сээн. Ытыс ыра. Хоһооннор / П.Х. Андросов. Ытык-Күөл, 1997. – 101 с.

190. Арбита И. Долгуннар: хоһооннор, поэма / Иван Арбита. – Дьокуускай: Бичик, 2012. – 104 с.

191. Артамонов И.И. Хоһооннор. Поэмалар: [орто уонна улахан саастаах оскуола оҕолоругар] / И.И. Артамонов. – Дьокуускай: Бичик, 2010. – 136 с.

192. Баал Хабырыыс. Лирика. Хоһооннор, ырыалар / Баал Хабырыыс – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1958. – 124 с.

193. Баал Хабырыыс. Туох диирий сүрэҕим. Хоһооннор / Баал Хабырыыс – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1961. – 56 с.

194. Бахсылыырап Уйбаан. Бэлэхтээ, дьол утаҕын: хоһооннор / Уйбаан Бахсылыырап. – Бороҕон, 1998. – 50 с.

195. Босиков Н.А. – Ньукулай Буҕа. Саҥа үйэ сырдык аана: хоһооннор, поэмалар / Н.А. Босиков. – Дьокуускай: Бичик, 2007. – 64 с.

196. Босиков Н.А. – Ньукулай Буҕа. Эппэтэхпин эттэрбиэн: хоһооннор, поэмалар / Н.А. Босиков. – Дьокуускай, 2008. – 128 с.

197. Васильев С.С. – Борогонскай. Эрчимэн Бэргэн: олоҥхо / С.С. Васильев. – Дьокуускай, Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1990. – 190 с.

198. Васильев С.С. – Борогонскай. Сүрэх ыллыыр: хоһооннор / С.С. Васильев. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1969. – 80 с.

199. Габышев Л.В. Дьол төрдө: повесть / Л.В. Габышев. – Якутскай: САССР Госиздата, 1951. – 98 с.

200. Говоров Д.М. Мулдьу Бе5е=Непобедимый Мюльджю Бёгё: олонхо. Кн. 2 / Д.М. Говоров. – Якутск: Бичик, 2010. – 326 с.

201. Гоголев И.М. – Кындыл. Таптал чуумпу тыллара / И.М. Гоголев. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 116 с.

202. Гоголев И.М. – Кындыл. Түөрт саҕах: Хоһоонунан роман уонна поэмалар / И.М. Гоголев. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1980. – 352 с.

203. Гоголев И.М. Кындыл. Ытыс дьэдьэн: хоһооннор, поэмалар / И.М. Гоголев . – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1968. – 92 с.

204. Гоголев И.М. Месть шамана. Последнее камлание / И.М. Гоголев. – М.: Сов. писатель, 1992. – 416 с.

205. Гольдерова С. Дьол кыната: хоһооннор, поэмалар / С. Гольдерова. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1992. – 48 с.

206. Горохов Х.П. Дьол суһума: (сонеттар дьөрбөлөрө) / Х.П. Горохов. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 239 с.

207. Далан. Дьикти саас / Далан. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1978. – 352 с.

208. Далан. Тыгын Дархан / Далан. – Якутск: Бичик, 1994. – 432 с.

209. Далан. Тулаайах оҕо: роман / Далан. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1983. – 360 с.

210. Данилов С.П. Дьоллоох буолуҥ, бар дьонум: кэпсээннэр. / С.П. Данилов. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1972. – 256 с.

211. Данилов С.П. Красавица Амга: роман. / С.П. Данилов. – Ленинград: Художественная литература, 1982. – 432 с.

212. Данилов С.П. Лирика / С.П. Данилов. – Дьокуускай, 1999. – 256 с.

213. Данилов. С.П. Саҥа күн: хоһооннор хомуурунньуктара / С.П. Данилов. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1971. – 152 с.

214. Данилов С.П. Стихи: Для детей среднего и старшего школьного возраста / С.П. Данилов. – Якутск: Бичик, 2005. – 176 с.

215. Данилов С.П. Талыллыбыт айымньылар Том 1. Хоһооннор. Поэмалар. Т.1. / С.П. Данилов. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1977. – 40 с.

216. Данилов С.П. Талыллыбыт айымньылар. Икки томнаах. II т. Хоһооннор, поэмалар / С.П. Данилов. (Избранное. В 2-х томах, т. II. Стихи. Поэмы). Якутск, Кн. изд-во, 1977. – 424 с.

217. Данилов. С.П. Талыллыбыт айымньылар: үс томнаах. Т.2. Хоһооннор. Поэма / С.П. Данилов. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1985. – 432 с.

218. Данилов С.П. Хоһооннор, поэмалар / С.П. Данилов. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1967. – 479 с.

219. Девушка-богатырь Джыбырына Джырылыатта: олонхо / Текст П.П. Ядрихинского – Бэджээлэ. – Якутск: Сайдам, 2011. – 448 с.

220. Дуяков Г.В. Кыыс Дьуурайа бухатыыр олоҥхо / Г.В. Дуяков. – Дьокуускай: Бичик, 2011. – 288 с. – (Саха боотурдара: 21 т. ; т. 9).

221. Дьырыбына Дьырылыатта Кыыс бухатыыр: олоҥхо. – Дьокуускай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1981. – 200 с.

222. Кулаковский А.Е. Песня якута. Стихи и поэмы / А.Е. Кулаковский. – Москва: Советская Россия, 1977. – 312 с.

223. Кулаковский А.Е. Якутские пословицы и поговорки / А.Е. Кулаковский. – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1945. – 104 с.

224. Кулаковский А.Е. Ырыа-хоһоон /А.Е. Кулаковский. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – 250 с.

225. Күндэ. Марба / Күндэ. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1979. – 14 с.

226. Күндэ. Талыллыбыт айымньылар: хоһооннор, кэпсээннэр, пьесалар / Күндэ. – Якутскай: Саха сиринээ5и кинигэ изд-та, 1960. – 431 с.

227. Күннээҕи түбүктэн быыс булан: хоһооннор. – Дьокуускай: Компания «Дани-Алмас», 2018. – 76 с.

228. Күннүк Уурастыырап. Талыллыбыт айымньылар. 2 томнаах. 1 том. (Избранные стихи и поэмы. В 2-х томах. Т.1.) / В.М. Новиков. – Якутск. Кн.изд-во, 1977. – 440 с.

229. Күрүлгэн: уус-уран альманах. № 3 (12). – Дьокуускай: Ситим Медиа, 2009. – 228 с.

230. Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. – Новосибирск: Наука, 1993. – 330 с.

231. Маисов С.С. Үрүҥ өҥ: хоһооннор / С.С. Маисов. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 36 с.

232. Михалева Н.В – Сайа. Бүгүн түүн: Хоһооннор, кэпсээннэр / Н.В. Михалева / И.Н. Жергин ойуута. – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 176 с.

233. Мординов Н.Е. – Амма Аччыгыйа. Сааскы кэм: Роман / Н.Е. Мординов. – Дьокуускай: Бичик, 1994. – 368 с.

234. Неустроев Н.Д. Талыллыбыт айымньылар / Н.Д. Неустроев. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1959. – 206 с.

235. Никифоров-Күлүмнүүр В.В. Манчаары: Манчаары түөкүн / В.В. Никифоров. – Якутск: Литограф, 1996. – 48 с.

236. Ойуунускай П.А. Көҥүл ырыата / П.А. Ойуунускай. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1968. – 448 с.

237. Ойуунускай П.А. Талыллыбыт айымньылар: үс томнаах. Т. 1: Хоһооннор, тылбаастар, драматическай поэмалар / П.А. Ойуунускай. – Якутск: Якутполиграфиздат, 1992. – 346 с.

238. Ойуунскай П.А. Талыллыбыт айымньылар: үс туомнаах. Т.2. Кэпсээннэр, сэһэннэр, пьесалар, ахтыы / П.А. Ойуунускай. – Якутск: Бичик, 1993. – 456 с.

239. Обрядовая поэзия саха (якутов). Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 24. – Новосибирск: Наука, 2003. – 528 с.

240. Попов Л.Л. Аман ааттаным: хоһооннор / Л.Л. Попов. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1983. – 92 с.

241. Рафаэль Баҕатаайыскай. Дьону кытта дьоллоохпун. Хоһооннор, поэмалар / Р.Д. Ермолаев. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1981. – 240 с.

242. Рафаэль Баҕатаайыскай. Тигээйи уйата. Үгэ хоһоон / Р.Д. Ермолаев. – Дьокуускай: Бичик, 1996. – 216 с.

243. Саха народун айымньыта / Г.М Васильев, Х.И. Константинов онорбуттара, В.Н. Чемезов уопс. редакцията. — Якутскай: Саха сирин, кинигэ изд-та, 1942. — 252 с.

244. Саха остуоруйалара (Якутские сказки). – Якутскай: Кн.изд-во, 1964. Т. 1. – 318 с.

245. Саха остуоруйалара (Якутские сказки). – Якутскай: Кн.изд-во, 1967. Т. 2. – 292 с.

246. Саха поэзиятын антологията. – Якутск. Якуткнигоиздат, 1967. – 512 с.

247. Семенова Э.Н. Олохпут оҥуордаах ыллыгынан / Э.Н. Семенова. – Дьокуускай: Компания «Дани-Алмас», 2017. – 132 с.

248. Сивцев Д.К. - Суорун Омоллоон. Избранное / Д.К. Сивцев – Якутск: Якутское книжное издательство, 1958. – 244 с.

249. Сивцев Д.К.-Суорун Омоллоон. Күөрэгэй уйата / Д.К. Сивцев. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1973. – 24 с.

250. Соколов Э.Д. Дьол: Сэһэн. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1985. – 173 с.

251. Софронов А.И. Айымньылар. Хоһооннор. Поэмалар. Кэпсээннэр. Очерк. Ыстатыйалар (1928-1933). Саха литературатын классиктара. Т.2 / А.И. Софронов. – Дьокуускай: Бичик, 2005. – 447 с.

252. Софронов А.И. Талыллыбыт айымньылар=Избранные произведения / А.И. Софронов. – Якутскай, Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1959. – 443 с.

253. Софронов А.И. Талыллыбыт айымньылар. Кэпсээннэр. Очерк. Хоһооннор. Поэмалар / А.И. Софронов. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1965. – 443 с.

254. Софронов А.И. Хоһооннор, поэмалар / А.И. Софронов. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1976. – 326 с.

255. Сметанин Т.Е. Талыллыбыт айымньылар / Т.Е. Сметанин. – Якутскай: САССР Госиздата, 1951. – 251 с.

256. Сивцев В.Т. Тыал буолан баттаххын тарыаҕым...: Талыллыбыт сонеттар / Василий Сивцев. – Дьокуускай: Бичик, 2003. – 256 с.

257. Суорун Омоллоон. Дьол таана: драмалар, либреттолар / Суорун Омоллоон. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1988. – 237 с.

258. Суорун Омоллоон. Талыллыбыт айымньылар. Хоһоонунан айымньылар, кэпсээннэр, ыстатыйалар, ахтыылар. Т.2 / Суорун Омоллоон. – Якутск: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1967. – 495 с.

259. Суорун Омоллоон. Чүөчээски / Суорун Омоллоон. – Якутскай: САССР Госиздата, 1947. – 56 с.

260. Сүргэ көтөҕүү: санааны кынаттыыр хоһооннор. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 160 с.

261. Сүүрбэһис үйэ хоһоонньуттара. Саха поэзиятын онтологията: Поэзия. / Хомуйан оҥордулар: Н.Е. Винокуров – Урсун, С.И. Тарасов, Н.И. Харлампьева; Худож. М.Г. Старостин. – Дьокуускай: Бичик, 2000. – 336 с.

262. Строптивый Кулун Куллустуур : олонхо. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014. – 280 с.

263. Тобуруокап П. Сор уонна дьол: поэма / П. Тобуруокап. – Якутскай: кинигэ изд-та, 1985. – 88 с.

264. Тобуруокап П.Н. Хоһооннор. Поэмалар / П.Н. Тобуруокап. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1967. – 318 с.

265. Тумат Сэмэн. Чуумпуга төрөөбүт хоһооннор / С.А. Попов. Дьокуускай: Агроинформ, 2000. – 72 с.

266. Уваровский А.Я. Воспоминания / А.Я. Уваровский. – Якутск: Якутское-Саха информационное агенство, 1995. – 224 с.

267. Умсуура. Кут көтөҕүү: Хоһооннор / Умсуура / Соргоева А.Л. ойуулара. – Дьокуускай: «Бичик» нац. кинигэ кыһата, 1994. – 64 с.

268. Үргэл: [хоһооннор хомуурунньуктара]. – Дьокуускай: Бичик, 2006. – 224 с.

269. Харлампьева Н.И. Дьол кымыһа: Хоһооннор / Н.И. Харлампьева. – Якутск: Бичик, 1999. – 288 с.

270. Харлампьева Н.И. Дьол сибикитэ. Хоһооннор / Н.И. Харлампьева. – Якутскай: Кинигэ изд-та, 1981. – 32 с.

271. Харлампьева Н.И. Дьэҥкир киэһэ / Н.И. Харлампьева. – Дьокуускай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1990. – 100 с.

272. Харлампьева Н.И. Кыһыл ньургуһун. Хоһооннор, поэмалар / Н.И. Харлампьева. – Дьокуускай. Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1986. – 84 с.

273. Харлампьева Н.И. Талыллыбыт айымньылар. Т 1: Хоһооннор, поэмалар / Н.И. Харлампьева. – Якутск: Бичик, 2003. – 378 с.

274. Ыллыктар. – Дьокуускай, 2002. – 64 с.

275. Эдьигээним барахсан. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – 176 с.

276. Эллэй. Айар үлэҕэ айхал / Эллэй. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1959. – 148 с.

277. Эллэй. Талыллыбыт айымньылар / Эллэй. – Якутскай: САССР Госиздата, 1947. – 164 с.

278. Эллэй. Үөрүү. Хоһооннор. Поэмалар / Эллэй. – Якутскай: САССР Госиздата, 1946. – 104 с.

279. Эллэй. Хоһооннор. Поэмалар / Эллэй. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1954. – 636 с.

280. Эллэй. Эн ыллаа, чыычаах!: хоһооннор / Эллэй. – Дьокуускай: Бичик, 2012. – 104 с.

281. Эллэй. Чурум-Чурумчуку / Эллэй. – Якутскай: САССР Госиздата, 1945. – 36 с.

282. Эртюков И.И. Дьол тусаһата: хоһооннор / И.И. Эртюков. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1986. – 274 с.

283. Яковлев В.В. Утары саһарҕа кыыһар: хоһооннор, рецензиялар, ахтыылар. – Дьокуускай: Бичик, 1998. – 127 с.

284. Якутскай Н. Аранҕ уонна таптал / Н. Якутскай. – Дьокуускай: Бичик, 2001. – 298 с.

285. Якутскай Н. Төлкө: роман / Н. Якутскай. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ изд-та, 1973. – 776 с.

286. Якутские народные песни / АН СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории; Составители: Г.У. Эргис (руков.) и др. — Якутск: Якут, изд-во. — на якут. и рус. яз. Ч.1: Песни о природе. — 1976. — 232 с. Ч, 2: Песни о труде и быте. — 1977. — 424 с. Ч. 3: Песни советского периода. — 1980. — 296 с. Ч 4: Якутские народные поэмы-тойуки. — 1983. — 280 с.

287. Якутские сказки. Т.2. – Якутск, Якутское книжное издательство, 1967. – 292 с.

Список сокращений

АССЯ – Ассоциативный словарь якутского языка // http://adictsakha.nsu.ru/, 2014.

АРС – Алтайско-русский словарь / редкол/: канд. филол. наук А.Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н.В. Екеев, канд. филол. наук А.Н. Майзина, К.К. Пиянтинова, Н.Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е.В. Тюнтешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.

БРС – Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О-Я. / Л. Д. Шагдаров, К.М. Черемисов. – Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2008. – 708 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007-2015.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка: содержит свыше 8500 слов / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. – Москва: Наука, 1976. – 392 с.

КРС – Киргизско-русский словарь / сост. К.К. Юдахин. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. – 576 с.

КЯРС – Краткий якутско-русский словарь: үөрэх тылдьыта / [сост.: Т.И. Петрова]. 2-ое изд., доп. – Якутск: Бичик, 2006. – 256 с.

ОРС – Ойротско-русский словарь / Составители Н.А. Баскаков, Т.М. Тощакова. – М., 2005. – № 1. – 125 с.

РЯС – Русско-якутский словарь. Около 28 500 слов / Под ред. П.С. к: Изд-во «Ак Чечек», 2005. - 316 с. Афанасьева и Л.Н. Харитонова. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 720 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1997–2006.

УРС – Уйгурско-русский словарь / Сост. Н.А. Баскаков, В.М. Насилов. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1939. — 384 с.

ПЭК – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3 т. – 2-ое изд / Э.К. Пекарский. – М.: Изд-во АН СССР, 1959.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004-2006.

ЯРС – Якутско-русский словарь. 25300 слов / под ред. П.А. Слепцова. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.

алтай. – алтайский язык

букв. – буквально

бурят. – бурятский язык

диал. – диалект

казах. – казахский язык

какой-л. – какой-либо

кем-л. – кем-либо

кого-л. – кого-либо

кому-л. – кому-либо

өс хоһ. – өс хоһооно (пословицы)

уйгур. – уйгурский язык

эргэр. – устаревший

як. – якутский язык